

Историческое путешествие от Мекки до Стамбула

Владимир Н. Соколов

Львы
и
розы
Ислама

18+

Полная версия

Владимир Соколов

Львы и розы ислама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68454001

SelfPub; 2022

Аннотация

Тысяча лет ислама в одной книге. Подробный и достоверный рассказ об одной из самых многогранных и блестящих цивилизаций в истории человечества.

Содержание

Предисловие	8
Часть I. На пути Аллаха	13
Глава 1. Аль-Джазира	13
Географическая пустошь	13
Глубокая древность	18
Поход Галла	22
Набатейя и Пальмира	26
Лахмиды против Гассанидов	29
Глава 2. Аравия перед исламом	31
Племя вместо государства	31
Индивидуалисты	37
Занятия арабов	39
Мужчина и женщина	43
Обычаи и одежда арабов	44
Религия арабов	47
Поэзия	53
Касыда	55
Тариды и панегиристы	62
Глава 3. И Мухаммед пророк Его	67
Мекка	67
Мухаммед	69
Бойкот	81
Миссия в Таифе	83

Йасриб	84
Переезд	86
Жены Мухаммеда	89
Год хиджры	93
Битва при Бадре	98
Ухуд	102
Битва у рва	103
Паломничество	105
Захват Мекки	107
Смерть Пророка	110
Как ислам изменил жизнь арабов	111
Почитание Мухаммеда	115
Глава 4. Четыре праведных халифа (и один под вопросом)	118
После Мухаммеда	118
Завоевание Персии	122
Битва при Кадесии	125
Конец Персии	128
Война с Византией и гуманность арабов	129
Омар	131
Продолжение войны с Византией	134
Взятие Иерусалима и Антиохии	135
Завоевание Египта	137
Падение Александрии	141
Экономика	145
Армия	148

Смерть Омара и выборы Османа	152
Правление и гибель Османа	154
Али	158
Муавия и Хасан	166
Глава 5. Первая династия	170
Халиф Муавия	170
«Кто подожжет, того сождем»	173
Династия	178
Смута	180
Гибель Хусейна	183
Восстание Ибн аз-Зубайра	187
Марваниды	190
Снова шииты	192
Басра и хариджиты	196
Разгром аль-Мухтара	197
Завоевание халифата Абд аль-Маликом	200
Аль-Хаджжажд	203
Партизанская война Шабиба	205
Война с аль-Ашасом	208
Смерть аль-Хаджжаджа	213
Валид I	215
Сулейман	217
Омар II	218
Ийзид II	223
Хишам	224
Валид II и Йазид III	225

Ибрахим	227
Марван II	228
Заговор Аббасидов	230
Зайд ибн Али	232
Восстание Абу Муслима	234
Глава 6. Завоевания Омейядов	237
6.1. Завоевания на востоке	237
Хорасан и дальше	237
Амударья	239
Абдаллах и Муса	241
Завоевание Трансоксании	245
Два Саида и Джунайд	250
Асад и Наср	253
Последняя граница	254
Завоевание Синда	256
6.2. Завоевания на западе	258
Поход Укбы	258
Зухайр, Хассан и Муса	259
Испания	262
Конец экспансии	266
Война с Византией. Морские сражения	269
Отношение к арабам во время завоеваний	272
Итоги	274
6.3. На поэтических фронтах	275
Культура в эпоху праведных халифов	275

Поэзия при Омейадах	280
Хиджазцы	284
Узриты	288
Глава 7. Золотой век	293
Абу-ль-Аббас	293
Чистки	295
Аль-Мансур	297
Конец Абу Муслима	298
Смерть аль-Мансура	303
Аль-Махди	304
Аль-Хади	306
Харун ар-Рашид	308
Персы и арабы	313
Глава 8. Смуты	316
Аль-Амин	316
Смерть аль-Амина	323
Аль-Мамун	325
Смерть аль-Мамуна	330
Аль-Мутасим	331
Бабек	333
Аморион и Аббас	335
Смута. Аль-Васик и аль-Мутаввакиль	336
Аль-Мунтасир и аль-Мустаин	341
Аль-Мутааз	344
Конец ознакомительного фрагмента.	346

Владимир Соколов

Львы и розы ислама

Предисловие

Мир Востока, и особенно мусульманского Востока, всегда представлял для европейцев трудную загадку. Отношение к нему, как у переменчивых влюбленных, колебалось между отталкиванием и влечением, зачарованностью и враждой. В западной культуре долго господствовал интригующий образ арабо-персидского эдема, где смуглый падишах в чалме льет «на узорные шальвары пену сладких вин», а полногрудые красавицы в кисее и блестках услаждают его взор, томно изгибаясь среди надушенных мускусом подушек. В таком пряном, экзотическом Востоке, полном роскоши, неги и соблазна, европейец находил воплощение своих гедонистических мечтаний о *dolce far niente*, о вседозволенности плотских наслаждений, а заодно и детской тяги к чудесам, потому что слова «Восток» и «сказка» значили почти одно и то же. В долгие холодные зимы северянам грезилось, как где-то далеко, в знойных южных странах, живут волшебные пэри и мудрые факиры, робкие невольницы прячутся в тени гарема, холя свои нежные тела, а злобные ифриты похищают прекрасных дев и уносят в набитые сокровищами пещеры,

давая пылким юношам проявить смекалку и бесстрашие.

Но это была только одна сторона европейского ориентализма. На другой ее стороне стоял глубокий, ксенофобский скептицизм в отношении всего восточного, «варварского», нехристианского, инородного, предельно чуждого по духу и культуре. Как только речь заходила об обществе, политике или религии, сладостный мираж рассеивался и в дело вступал трезвый разум, говоривший о том, что исламский Восток – неприятное, грубое и отсталое общество, где кроме бесчеловечных нравов и смехотворной веры в Магомета существует множество вещей, неприемлемых для цивилизованного разума и вкуса. В сознании просвещенного Запада жизнь мусульман состояла почти целиком из крикливого бескультурья и пережитков азиатской дикости, проявлявшихся в бытовой нечистоплотности, торговле невольниками, религиозном фанатизме, уродливом низкопоклонстве перед властями и т. п. В таком мире европейцу не только не хотелось жить – ему приходилось с ним бороться, как борются с сильным и опасным противником, чьи обычаи и идеалы радикально противоположны твоим собственным и с которым поэтому невозможно ни соседствовать, ни договориться.

Прошло много лет, прежде чем представления о восточном мире начали меняться. Путешествуя по исламским странам, изучая книги и манускрипты, европейские ученые нашли тысячи новых первоисточников и перевели множество увлекательных трудов, где прошлое Востока предстало в сво-

ем подлинном обличье. Вместо мифов и фантазий в арабской истории зазвучали голоса живых людей: поэтов, правителей, ученых, торговцев, богословов, воинов, наложниц. Мусульманская культура, некогда вдохновлявшая Европу, а потом почти полностью забытая, снова раскрылась и засияла перед европейцами во всем своем великолепии, как старые сундуки в сокровищнице султана.

Несмотря на это, было бы преувеличением сказать, что сегодня мы хорошо знаем и понимаем мир ислама. С восточной историей и сейчас далеко не все обстоит благополучно. На карте мусульманской хронологии до сих пор, наподобие выжженных пустынь, зияют белые пятна, не заполненные никакими фактами и документами. Не только конкретные детали, но и общая канва событий колеблется и ускользает из рук исследователей. Знаменитый русский арабист Игнатий Крачковский жаловался, что востоковеды буквально тонут в море второсортных рукописей, где только с трудом можно найти что-то ценное. Другой выдающийся историк, Василий Бартольд, писал, что для истории Востока не выполнена еще самая предварительная, черновая работа и даже крупным специалистам в этой области приходится больше задавать вопросы, чем получать на них ответы. Неудивительно, если не слишком сведущий читатель примет чью-то догадку за историческую истину, а предположение – за непреложный факт.

Книга, с которой мы предлагаем ознакомиться читате-

лям, – не строгая научная работа и не академически точный и выверенный труд. Ее цель – представить популярный обзор тех неполных и неокончательных результатов, которых на сегодняшний день достигла история мусульманского Востока. Это больше историческое и образовательное путешествие, чем серьезное исследование. Следуя за путеводными звездами нескольких громких и признанных имен, таких, как ат-Табари, аль-Масуди, Рашид ад-Дин или Джувейни, мы отправимся по странам и эпохам исламской ойкумены, окинем взглядом общее устройство мусульманского общества и полистаем хроники обоих халифатов и его преемников, постараемся не запутаться в паутине бесчисленных княжеств и династий. Мы также обратимся к истокам ислама, глубоко изменившего жизнь арабов и других народов, и попытаемся выяснить, как арабам удалось с такой головокружительной быстротой стать хозяевами полумира и кто были те удивительные люди, которые с помощью Книги и меча выковали новую цивилизацию. Но не только история и религия станут предметами нашего интереса. Мы пройдем по восточным базарам и невольничьим рынкам, заглянем в мечеть и дворец халифа, посетим дома зажиточных мусульман и городские бани, попробуем проникнуть в гарем и поучаствовать в состязаниях поэтов, побеседуем с богословами и проникнемся мудростью факихов и ученых. Наш взгляд будет обращен на все, что поможет лучше понять жизнь мусульман и по достоинству оценить сложность и богатство исламского мира,

сотни лет существующего рядом с нами: смысл и основание его правил и устоев, его правду и его заблуждения, его успехи и неудачи.

Возможно, ознакомившись с этим трудом, кто-то придет к выводу, что западная и восточная цивилизации в основе своей очень близки друг к другу и разногласия между ними – только следствие застарелых мифов и легенд. А кто-то, наоборот, еще больше укрепитя в мысли, что «Восток есть Восток» и пропасть между ним и Западом непреодолима. В любом случае, корни большинства проблем, существующих сегодня в мусульманском мире, – как и ключи к пониманию движущих им мотивов и устремлений, – лежат в его блестящем прошлом, и мы надеемся, что благосклонный читатель, прочитав эту книгу, получит если не удовольствие, то хотя бы пользу.

Часть I. На пути Аллаха

Глава 1. Аль-Джазира

Географическая пустошь

С географией и климатом Аравийскому полуострову не повезло: находясь на самом «горячем» перекрестке Земли, между Азией, Европой и Африкой, он почти весь покрыт бесплодными пустынями. На том месте, где могла бы бурно кипеть жизнь, расти города и развиваться богатая культура, тянутся только песчаные дюны и барханы, из которых торчат голые камни.

Самая характерная черта Аравии – это красный песок, весь взрыхленный и измятый, по выражению одного историка, «как будто его с утра до ночи топтали табуны лошадей». Пустыня здесь вся красная, и даже пшеница – ее называют *фасс* – дает красноватые зерна, из которых получают красную же муку. Плоская земля кое-где покрыта полукруглыми возвышениями в форме копыта, обрамляющими занесенные песком впадины глубиной до полусотни метров и диаметром от нескольких десятков метров до нескольких километров. Реже встречаются более крупные, тянущиеся от горизонта

до горизонта плоскогорья, изрезанные глубокими ущельями. В этих горах по ночам холодно даже летом, а зимой можно замерзнуть насмерть. В одном из таких мрачных ущелий, наводящих своим видом неизъяснимую тоску, по преданию, был похоронен Каин.

Ветра в Аравии чаще всего дуют с востока. Восточный ветер саба считается у арабов самым мягким и приятным, а западный самум («отравленный») – самым ужасным: он высушивает воду и убивает людей зноем и жаждой. Северный ветер шималь несет резкий холод и вызывает пыльные бури, а южный каус опасен для моряков, поскольку вызывает штормы.

Постоянных водоемов на полуострове нет, но есть подземные реки, выходящие то там, то здесь мелкими ручьями. Иногда встречаются русла пересохших рек – *вади*, наполняющихся водой после дождя и становящиеся настоящими реками раз в двести-триста лет, когда в их бурных потоках можно утонуть. Еще воду можно найти в остающихся после дождей прудах, называемых *гадир*.

Дождь здесь называют «милостью Бога», а слова «щедрость» и «влажность» на арабском – синонимы. Лучшее время после зимних дождей – это *раби*, арабская весна, когда стоят теплые солнечные дни и прохладные ночи.

Самая большая пустыня Аравии, Руб-эль-Хали, – по-арабски «пустая четверть», – занимает миллион квадратных километров. Самой страшной считается ее западная часть

– Бахр-Ас-Сафи, так называемое «море чистоты». Кроме невыносимой жары, здесь полно зыбучих песков и подвижных дюн, которые могут засосать человека вместе с верблюдом и где исчезали без следа целые караваны.

Температура в тени +50. Все вокруг раскалено добела, на небо невозможно смотреть, воздух превращается в колышущееся море. Каждый шаг дается с трудом, все время мучает жажда. Аравийский зной, как писал один впечатлительный путешественник, «выжигает мозг в костях, мечи в ножнах делает мягкими, как воск, а драгоценные камни превращает в уголь».

Путешествие по пустыне – пытка. В летописях говорится, что воины царя Кабмиза и Птолемея Лага, вторгнувшиеся в эти земли, могли идти только по ночам. Каждый переход через пустыню был риском, и требовались большая смелость и знания, чтобы пуститься в путь от Омана до Мекки или из Хаиля в Джауф. Знаменитый переход кавалерии Халида ибн алб-Валида через безводную пустыню из голого известняка (634 год от Р. Х., или 13 год Хиджры) считался образцом невиданной храбрости. Обычные караваны шли короткими переходами по 3–5 дней от одного оазиса до другого. Оазисы бывали мелкие, состоявшие из нескольких шатров вокруг колодца, а бывали большие и богатые – целые города с пальмовыми рощами, роскошными домами, где жили купцы и знать, базарами, лавками ремесленников и всеми благами, которые могла дать цивилизация. После суровой без-

водной пустыни, где каждый шаг был борьбой за выживание, для путника это составляло поразительный контраст: он словно попадал из ада в рай. Некоторые из оазисов – например, Джубба, – были очень древними, здесь находили камни и скалы, испещренные рисунками и надписями, которые уже никто не мог прочесть.

Глубина пустыни была неизвестна – никто не отваживался там бывать. Ходили слухи, что в самом ее центре существовала страна изобилия, полная деревьев и воды. Говорили также, что путешествие у ее границ так трудно, что каждый день там проходит как три года и юноша после трех недель пути возвращается глубоким стариком. Иногда в переходах бедуины встречали людей, говоривших на непонятном языке. Пустыню населяли демоны, джины, шайтаны, призраки и боги.

Еще больше таинственности пустыне добавляли миражи, показывавшие то, что происходило не здесь или не происходило совсем.

Аравия пустыня – место, где все живое постоянно и отчаянно борется за воду. Свежая зелень появляется здесь только в короткий сезон дождей и исчезает два-три месяца спустя, едва успев дать семена. Мясистые суккуленты вроде молочая и алоэ на время засухи накапливают воду в толстых стеблях, из-за чего кажутся неестественно раздутыми. А деревца побольше, акации и другие многолетники, почти все время проводят в спячке и лишь ненадолго просыпаются вместе с

дождями. На полуострове живут самые ядовитые на земле существа – гюрза, эфа, рогатая гадюка, тарантулы, скорпионы.

Из растений и деревьев в Аравии всегда больше всего ценились финиковые пальмы, которые в оазисах росли целыми лесами. Из фиников делали мед, вино, уксус, настоем фиников поили скот, а косточки использовали как топливо. Пророку Мухаммеду приписывают такие слова: чтите пальму, она сделана из той же глины, что и Адам. У арабов существовал целый культ финиковой пальмы, она описывалась в поэзии и прозе в бесчисленных вариантах, детально и любовно, со множеством красочных сравнений.

Но главное в Аравии – это верблюды, которые могут долго обходиться без воды и дают молоко, заменяющее в пустыне воду. Не будь верблюдов, путешествовать в пустыне было бы невозможно. Эти невероятно выносливые животные могут носить почти полтонны груза, проходить за день десятки километров и целую неделю обходиться без питья. В отчаянных случаях, когда кочевникам грозила смерть от жажды, они убивали верблюдов и выпивали жидкость, хранившуюся в их желудках. Именно благодаря верблюдам бедуины стали полными и единственными хозяевами аль-Джазиры, или Полуострова, как называли его арабы.

Глубокая древность

Аравия на карте – большое серое пятно, по краям которого жмутся зеленые прибрежные зоны. На огромной территории, почти три миллиона квадратных километров, только 5 процентов пригодно для жилья. Остальное – полупустыни, где можно жить только зимой, а летом все вымирает и люди уходят в другие места, где есть зелень, вода и тень.

Великие цивилизации древности доходили до ее границ – и останавливались, не в силах справиться с пустыней.

Жизнь, история кипели снаружи, а на внутренних землях почти не менялась в течение тысячелетий. Здесь жили арабы. «Араба» на древнееврейском и значит – пустыня. Сами арабы называли себя «ахль-аль-бадв» – люди пустошей. В Аравии никогда не было никого, кроме арабов: никто сюда не приходил, никому не были нужны эти земли.

Век за веком скотоводы и кочевники пасли здесь огромные стада овец, свиней и коз, которые давали им мясо и молоко, шерсть и кожу. До них доходили только отголоски истории. Какая им была разница, с кем торговать шкурами и шерстью – римлянами или персами? Для арабов существовали лишь пастбища, шатры, колодцы и небо над головой. Чужаков они пропускали через свою территорию за деньги, давая их караванам конвой и проводников. Без их помощи ни один путешественник не добрался бы до цели живым.

Между тем Аравия находилась совсем не на задворках мира, а как раз наоборот – в самом центре истории.

Совсем рядом была колыбель цивилизации – Месопотамия. Пока арабы продолжали кочевать и пасти свой скот, там одно за другим появлялись и исчезали мощные государства – шумеры, аккадцы, Вавилон, Ассирия, Лидия, Мидия. В соседнем Египте сменялись великие династии, возводились пирамиды, расцветала великая культура.

Первыми властителями земного мира были аккадцы – царь Саргон и его наследники, объединившие всю Месопотамию и дошедшие до Армении и Средиземного моря. В Аравию они вторглись, чтобы добывать ценный материал – черный диорит, из которого изготавливали свои статуи.

При фараоне Тутмосе Первом сюда раз или два наведальсь древние египтяне, а потом больше 1000 лет царствовала одна Ассирия.

Ассирийцы были одной из тех цивилизаций, которые ничего не создают, а только принуждают других отдавать плоды своих трудов. Они воют лучше всех, беспощадны и жестоки, разрушают и уничтожают все при малейшей попытке сопротивления. Ассирийцы в чистом виде воплощали идеологию абсолютной власти – право сильного, не смягченное никакими моральными и общественными законами. Их цари запечатлевали себя рвущими губы и глаза у побежденных, гордо перечисляли свои подвиги: сколько городов сожжено, сколько людей убито. «Я велел построить стену перед Боль-

шими воротами города, – хвалился ассирийский царь Ашшурбанипал, – я велел содрать кожу с вождей восстания и обил стену этой кожей. Некоторых из них я велел замуровать в стену; другие были распяты на кресте или посажены на кол вдоль стены. Со многих из них я велел содрать кожу в моём присутствии и покрыл стену этой кожей. Я велел сделать венцы из их голов и гирлянды из их проколотых тел».

С той же неумолимой и последовательной жестокостью ассирийцы воевали с арабами. Их не пугала пустыня: они проникали везде и уничтожали врагов до тех пор, пока не подавляли всякое сопротивление. Царь Тиглатпаласар Третий в VIII веке до н. э. победил бедуинов и взял в плен аравийскую царицу Забибу. «Он наложил на царицу дань, – сообщал ассирийский летописец, – и она склонилась у его ног. Ее люди принесли ему золото, серебро, верблюдов и целовали ноги. Он взял в плен 1100 людей, 30 тысяч верблюдов, 20 тысяч голов скота, 5 тысяч связок всех сортов специй и кувшины богов».

Особенно жестоко и методично преследовал арабов другой великий царь – Ашшурбанипал. Он начал кампанию летом, в самые жаркие месяцы, заранее составив подробную карту с указанием источников и запасов воды. Ассирийцы захватили все эти источники, оставив арабов без воды. «Мы задержали воду, жизнь их душ, – поэтично рассказывал летописец, – и сделали ее питьем, дорогим для их уст». Большинство арабов погибли от голода и жажды, другие реза-

ли верблюдов и пили кровь и навозную жижу. После победоносного похода Ашшурбанипал впряг в свою триумфальную колесницу несколько царей, в том числе аравийского. Он отобрал у арабов изображения богов, тем самым лишив их небесной поддержки.

Почитатели богов. Ассирийцы при всей их свирепости были очень богобоязненны. Их пример показывает, что ни одно государство или одно общество не способно держаться только на культе силы: вольно или невольно приходится прибегать к помощи законов, к священным установлениям предков или воле богов. Несмотря на грубость и жестокость своего режима, ассирийцы демонстрировали величайшую почтительность к высшим силам, воздвигали величественные храмы и приносили щедрые жертвоприношения, словно для того, чтобы уравновесить свои бесчинства. Чем больше бедствий они обрушивали на соседей, чем сильнее угнетали собственных подданных, тем с большей охотой подчеркивали свою «святость» и покорность Богу, смиренное благочестие и послушание служителей, исполняющих веления небес.

Но власть ассирийцев со временем закончилась, как и всякая другая. Арабы на время получили передышку. Только египтяне время от времени делали вылазки в Аравию. Фараон Ментухотеп III однажды устроил большую экспедицию в глубь полуострова, послав три тысячи солдат, каждый из ко-

торых нес по два кувшина воды и 20 караваев хлеба, чтобы хватило на пятидневный переход. Они прошли по пустыне полторы сотни миль, выкопали по пути несколько колодцев, взяли с арабов дань и ушли обратно.

Древние греки, несмотря на свою любознательность, арабов почти не заметили: Александр Македонский во время своих знаменитых походов предпочел обойти Аравию стороной, решив, что ему нечего там делать. Только македонский царь Антиох III, всюду тянувший свои руки, воевал в Аравии с купеческой и портовой Геррой, которая предпочитала откупаться от захватчиков благовониями и серебром.

Потом пришло время Рима.

Поход Галла

Римляне, стремившиеся подчинить себе всех и все, не сделали исключения и для Аравии. Самих арабов они при этом ценили невысоко. Страбон пренебрежительно говорил, что арабы – это скорее торгаши и купцы, чем воины. Рим интересовали только богатства южной Аравии, о которых у римлян были почти сказочные представления.

Вот как Диодор Сицилийский описывал эту волшебную страну:

«В глубине ее стоят густые леса, в которых рядом произрастают большие ладаноносные и мирровые деревья, а также полоны, аир, киннамон и другие душистые растения, и со-

вершенно невозможно распознать особенности и природу каждого из них, ибо число их велико, а ароматы смешаны в один общий аромат. Он кажется необъяснимым и божественным и поражает обоняние и чувства каждого. И даже путешественники, проезжающие вдали от берега, становятся причастны этому наслаждению. Ибо летом, когда ветер дует со стороны материка, случается, что ароматы мирровых и других благоухающих деревьев разносятся ветром и распространяются на ближайшие морские пространства. Тот, кто вдохнул от этих ароматов, поверил, что вкусил амброзию».

Эти благословенные земли римляне называли Arabia Felix – Счастливая Аравия. В ее оазисах и в лесистых районах вдоль береговой линии с давних времен жили оседлые арабы. На узкой полоске плодородной почвы, зеленым ожерельем обрамлявшей пустыню с севера и юга, на протяжении веков появлялись и исчезали блестящие царства. Самым знаменитым из них было Сабейское. Диодор писал о нем так: «Что касается сабейского народа, то он превосходит не только все соседние аравийские народы, но и все народы вообще богатством и даже роскошью. Всевозможные чаши украшены золотой и серебряной резьбой, кровати и треножки у них стоят на серебряных ножках, а остальная мебель роскошна невероятно. У сабейцев во дворцах высокие колонны, одни позолоченные, другие с серебряными фигурами на капителях». В Библии рассказано о том, как иудейскому царю Соломону приезжала царица Сабейского царства – цари-

ца Савская, привезя в подарок благовония, самоцветы и 120 талантов золота (талант – около 34 кг). В наши дни от всего этого великолепия остались только руины плотин, обломки крепостей, горстка монет и несколько загадочных надписей.

Именно эту Счастливую Аравию, которую римляне считали чудесной страной благовоний и золота, император Октавиан Август поручил завоевать префекту Египта Эллию Галлу.

Римляне, как всегда, хорошо подготовились к походу. Армия Галла состояла из 10 тысяч человек пехоты и флотилии в 130 кораблей. К ним присоединились военные отряды, присланные царем Иродом и набатеями во главе с Силлеем, вызвавшимся быть проводником.

Но поход оказался неудачным. Высадившись на северо-западе Аравийского полуострова, римское войско несколько месяцев ничего не предпринимало, пытаясь сориентироваться в незнакомой местности. Когда армия, наконец, двинулась в глубь Аравии, то еще раньше, чем столкнуться с врагом, потеряла большую часть людей от голода, жажды и болезней. Эллиий Галл без труда захватил несколько оазисов, дошел до Сабейского царства, но при этом остался почти без армии и был вынужден повернуть назад. Всю вину за неудачу римляне свалили на Силлея, которого обвинили в измене и казнили. Но эта бесславная экспедиция навсегда отбила у Рима желание покорять южную Аравию.

Дион Кассий о походе Галла. «Пустыня, жара

и плохая вода доставляли войску такие мучения, что большинство погибло. Кроме того, на них напал мор, который был иным, чем обычный. Вначале он поражал голову, которая совершенно высыхала, отчего большинство тотчас же погибало. У выживших болезнь затем поражала остальное тело и охватывала ноги, которые приводила в ужасное состояние. Ничего не помогало, только если пить вино, смешанное с маслом, а также натирать им кожу. Но это могли делать лишь немногие, ибо ни вина, ни масла страна не производит и запасы их у войска были невелики. Вследствие мора враги не только отняли у римлян все, но и изгнали остатки их войска из страны. Это были первые, а может быть, и единственные римляне, которые в качестве врагов так далеко вторглись в эту часть Аравии, ибо они достигли крупного города Атулия».

Общее мнение римлян об арабах подытожил историк Аммиан Марцеллин: «Нам не следовало бы желать иметь сарацинов ни друзьями, ни врагами, так как они блуждают или ездят туда и сюда и в кратчайшее время опустошают все, до чего могут добраться. Они подобны хищникам коршунам, которые хватают добычу, высматривая ее с высоты, и тотчас улетают, если им не удалось нанести удар. Никогда и никто из них не берется за рукоять сохи, не сажает деревьев, не ищет пропитания, обрабатывая землю. Они вечно блуждают, передвигаются вдоль и поперек, без дома, без определенного места жительства, без законов. Они не могут длительно

оставаться под одним и тем же небом, и им не нравится одно и то же место на земле, их жизнь постоянно в движении».

Аммиан Марцеллин служил в армии императора Юлиана Отступника, который погиб от стрелы, выпущенной арабом.

Набатейя и Пальмира

Счастливой Аравии римляне противопоставляли ее бедные районы, населенные бедуинами: Пустынную Аравию, расположенную в центре полуострова, и Каменистую Аравию, на севере. Здесь во времена Рима существовало два сильных государства, сыгравших важную роль в истории Римской империи и соседних стран, – Набатейя и Пальмира.

Набатейское царство возникло на самой северной границе аравийской пустыни. Его столицей была знаменитая Петра – город в скалах. Укрытая среди гор в долине, к которой вела одно только узкое ущелье, она могла без труда выдержать любую осаду. С помощью прочных терракотовых труб жители собирали воду со всех источников в округе и благодаря этому никогда не испытывали недостатка в воде. В городе имелись водопровод, бани, несколько жилых кварталов, множество роскошных усыпальниц и греческий театр.

Набатейи держали сильную армию, состоящую из пехоты и кавалерии, которая двигалась верхом на верблюдах. В отличие от других кочевников, набатейские солдаты ставили жесткие седла прямо на горб, а не позади него, что поз-

воляло верблюду бежать быстрее. Правители Nabatei были искусными стратегами и строили на вершинах холмах крепости, откуда наносили врагам быстрые и внезапные удары. Они окружали пограничные города крепостными стенами, восстанавливали старые сторожевые башни, создавали в самых глухих и безлюдных местах дозорные посты. С помощью крепостей, дорог, сети колодцев и караван-сараяв – промежуточных пунктов для караванов и войск – набатейские цари распространяли свою власть далеко вглубь пустыни. Благодаря этому они были хорошими союзниками римлян, которые ценили их организацию и боеспособность.

В это же время посреди сирийской пустыни расцвела и знаменитая Пальмира. По-арамейски ее называли Тадмор, то есть «чудо». В III веке это было мощное государство, грозившее самому Риму и претендовавшее на императорскую власть. Царь Оденат и его жена Зенобия сумели разбить войска персидского шахиншаха Шапура Первого и римские легионы, завоевав весь Ближний Восток и Египет. Ударную силу пальмирской армии составляла тяжелая конница, закованная в кольчуги и доспехи из металлических пластин. Даже кони были целиком покрыты броней, а всадники устойчиво сидели в высоких четырехрогих седлах. Не менее сильны были лучники с крепкими дальнобойными луками – их делали композитными, то есть составленными из разных материалов, что увеличивало пробивную силу. Патрульные отряды пальмирцев стремительно перемещались по пустыне на

верблюдах и конях.

По культуре Пальмира была греко-римской, с эллинистической архитектурой и укладом жизни. Почти через весь город тянулась широкая улица – продолжение караванной дороги – с триумфальными арками и четырьмя рядами двухъярусных колонн. С обеих сторон ее окружала сплошная застройка из огромных храмов, дворцов, акведуков и римских терм, среди которых выделялись здание амфитеатра и местного Сената. Имперская грандиозность соединялась здесь с восточной утонченностью, а варварская роскошь – с безупречным вкусом.

Но пышному расцвету Пальмиры положил конец римский император Аврелиан. Для разгрома государства он использовал соседние арабские племена, которые римляне называли сарацинами. Сейчас на месте этой «невесты пустыни», как называли ее в древности, – сирийская деревня.

Себба и Джазима. История Пальмиры в фантастическом виде преломилась в легенде о Себбе и Джазиме, пользовавшейся большой популярностью у арабов. В этой истории рассказывается о том, как царица Себба, родная сестра Зенобии, отомстила убийце своего мужа Джазиме. Заманив его в замок обещанием выгодного брака, она пленила своего врага и спросила, какой смертью он хочет умереть. «Королевской», – не смутившись, ответил князь. Себба устроила для Джазимы роскошный пир, напоила допьяна и вскрыла ему вены. Кровь убитого

требовалось собрать в одну чашу, чтобы впоследствии его смерть не была отомщена, но в последний момент князь шевельнул рукой, и кровь брызнула на пол, обливая одну из мраморных колонн. Возмездие стало неотвратимым.

Преемник Джазимы, которого звали Амр, отомстил Себбе с помощью хитрости. Он отправил к царице своего преданного слугу Кайсира, который добровольно отрезал себе нос, а Себбе пожаловался, что ему пришлось сбежать от изуродовавшего его хозяина. Он привел с собой большой караван со спрятанными в мешках воинами Амра, которые, войдя в ворота, выскочили из укрытия и захватили замок. Пытаясь спастись, Себба бросилась в подземный ход, но Кайсир отрезал ей путь, и в последний момент она выпила яд, чтобы не попасть в руки врагу.

Лахмиды против Гассандидов

Что происходило в это время в самой Аравии, почти не известно. От ранней бедуинской истории остались только отдельные имена местных царей, воевавших с византийцами и заключавших с ними непрочные союзы. Существует легенда, что аравийская царица Мавия послала ромеям помощь против готов, осаждавших Константинополь. В решающий момент один из арабов бросился на врага с ножом, перерезал ему горло и стал пить его кровь. Это привело готов в такой

ужас, что они обратились в бегство.

Унаследовавшие власть византийцы переняли у римлян их богатый опыт общения с арабами. Для христианских императоров северные арабы играли ту же роль, что казаки в России: они охраняли южные границы, делали набеги на соседей и получали за это льготы и деньги. Этим «ромейским арабам» (их называли Гассанидами, по племени гассан) противостояли «персидские» арабы из племени лахм, которые, наоборот, воевали с Византией на стороне персов и создали династию Лахмидов.

Византийцы и персы поделили Аравию на зоны влияния и в мирных договорах всегда указывали необходимость придерживаться этого деления, то есть не переманивать ромейских арабов на сторону Персии и наоборот. Но существование мелких арабских княжеств среди таких крупных «акул», как Византия и Персия, всегда было шатким и недолгим. Большим империям в конце концов надоели их игры в независимость, и они прибирали их к рукам. К VII веку персы захватили лахмидское и химьяристское царства, а Византия – гассанидское.

Независимыми остались только кочевые племена в центре Аравии, до сих пор почти не участвовавшие в истории. Главным городом здесь была торговая Мекка.

Глава 2. Аравия перед исламом

Племя вместо государства

В наши дни принято считать, что арабы переселились в Аравию из древнего Междуречья. В то время обитаемыми на полуострове были только южные районы, где жители вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Арабы первыми заселили внутренние, пустынные районы и занялись кочевым скотоводством. По преданию, возглавлял этих переселенцев дядя Авраама по имени Кахтан (в Библии его называют Иоктан), чьи потомки и по сей день считаются «истинными арабами».

Арабы с самого начала делились на северных и южных. Северные, называвшиеся также бедуинами или *кайситами*, отличались смелостью и воинственным характером. Это были бедные кочевники и пастухи, «горячие парни», мужественные и стойкие, но невежественные и не склонные к культуре. Полную противоположность им составляли южные арабы, известные как йеменцы или *калбиты*, – состоятельные землевладельцы, ценители мирной и приятной жизни, знавшие толк в деньгах и приносимых ими благах.

Бедуины и йеменцы все время спорили между собой, кто из них настоящие арабы и кто превосходит других своими

достоинствами. Южане, более зажиточные и цивилизованные, свысока смотрели на грубых и нищих северян и считали себя потомками праведного Исаака, а северян – изгоя Исаила, сына Авраама от рабыни Агари. Бедуины отвечали презрением к южанам-неженкам и обвиняли их в недостатке благочестия и отсутствии хороших манер. Себя они видели наследниками традиций и защитниками древних устоев, а южан – развращенными и ни к чему не годными людьми.

Обе стороны были по-своему правы. Южанам жилось гораздо легче и привольней, чем кочевникам пустыни. Географически Йемен, называвшийся «страной направо», то есть на юг, делился на две части: береговую и горную, – но одинаково благоденствовали и та, и другая. Прибрежные воды у йеменских берегов так щедро изобиловали рыбой, что даже верблюдов здесь кормили сардинами. В местных рудниках добывали золото, на горных террасах выращивали благовонный ладан, в море ловили драгоценный жемчуг.

Лежавший к югу от Йемена горный Оман богател на благовониях и сладких финиках. Это был крупный военный и торговый порт, знаменитый своими пиратами и сильным флотом: южные арабы с древних времен славились как рыбаки и мореплаватели. В Омани из индийского малабарского леса и кокосовых пальм строились великолепные корабли, не уступавшие по качеству финикийским. Оман вообще был очень древним и известным государством: еще во времена шумеров его жители на гребных судах плавали в Ин-

дию и Цейлон и создавали там свои колонии. Когда в Египте правили первые династии, оманцы уже добирались морем до Китая, Индонезии и Мадагаскара. Как и йеменцы из Адена, они были первыми настоящими моряками, плававшими не только вдоль берега, но и в открытом море. Однако ко времени появления ислама от этих славных и богатых государств не осталось никаких следов.

На севере государств не было совсем. Бедуины не имели никакой центральной власти и питали отвращение к любому принуждению. Функцию и назначение государства у них целиком выполняло племя, которое по-арабски называлось «кабила». Племена делились на кланы, а кланы – на хамулы, группы из нескольких семей. Хамулы собирались в кочевые общины, которые вместе передвигались по пустыне и разбивали отдельный лагерь, где каждая из семей жила в своем шатре. Шатер был домом, частной собственностью, принадлежавшей только семье, а пастбища, земли, вода – собственностью племени и клана.

Размер племени мог быть очень разным, от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч человек. Самыми крупными арабскими племенами считались Мудар, Рабиа и Вавиль, которые постоянно враждовали друг с другом, особенно Мудар и Рабиа. Слабые племена со временем исчезали или вливались в сильные. Племена то и дело заключали между собой мирные договоры, но соблюдали их только до тех пор, пока одно племя не становилось сильнее других: тогда оно

нарушало договор и действовало силой.

Настоящее государство в Аравии было невозможно уже потому, потому что в ней не было постоянных поселений. Любые границы в пустыни были зыбкими, как песчаные барханы, которые ветер может носить туда и сюда, как хочет. По выражению одного немецкого историка, вся аравийская топография была начертана на спине верблюда.

Не способствовал общественным союзам и гордый, заносчивый нрав кочевников. Между ближайшими союзникам по сути пустякам в любой момент могла вспыхнуть смертельная вражда, а потом запускался маховик кровной мести, который было очень трудно остановить.

Примером может служить «война аль-Басус», вспыхнувшая из-за простой верблюдицы.

Однажды к Джессусу, шурина вождя Кулейба, приехал гость и по обыкновению пристроил свою верблюдицу в общее стадо. Случилось так, что верблюдица чужака раздавила яйца в гнезде жаворонка, и Кулейб, очень любивший этих птиц, возмутился и пригрозил ее убить. Джессуса это покорило, а его тетка аль-Басус, еще больше подлила масла в огонь, требуя уважения к правам гостя: ведь он находится под их покровительством. После многих ссор и препирательств взбешенный Кулейб схватил лук и пронзил верблюдицу стрелой, угодив ей в вымя.

Тогда аль-Басус начала причитать и стенать, что теперь Джессус вконец опозорен. Она делала это несколько дней

подряд, пока не довела его до такого исступления, что тот посреди ночи встал и отправился убивать Кулейба. Догнав вождя на тропинке, Джессус крикнул: «Берегись, я убью тебя!» – но Кулейб из гордости даже не обернулся, и Джессус всадил копьё ему в спину. Родственники Джессуса попытались сохранить мир, откупившись за убийства верблюдами и выдав преступника, но пламя погасить не удалось, и дело кончилось большой войной, продолжавшейся несколько десятилетий.

Другой случай – война из-за коня. У Кайса, сына Зухейра из рода Абс, был знаменитый скакун Дахис, считавшийся самым быстрым в Аравии. Но Хузейф и Хамаль из соседнего племени Зубьян стали спорить, утверждая, что их кобыла Габра лучше. Кайс долго уклонялся от пари, боясь, что это приведет к раздору, но насмешки зубьянцев заставили его принять вызов и даже увеличить ставку – с десяти верблюдов до ста. Лошадей не поили двое суток, потом наполнили ров водой и выпустили их в поле, договорившись считать победителем ту, что первой припадет к воде. Дахис обогнал Габру, но в последний момент зубьянцы сжульничали, отогнав его от водопоя, и Габра пришла первой. Кайс и его племя почувствовали себя одураченными; пролилась кровь и вспыхнула новая война. Только спустя 40 лет нашлись люди, которые сумели добиться мира, выплатив контрибуцию в 3000 верблюдов, но сам Кайс отказался принимать в этом участие. «Я больше не могу смотреть в глаза женщинам зу-

бьянцев, – сказал он, – потому что у каждой из них убил сына, мужа или брата». Бросив все, он уехал в Оман, принял христианство и стал монахом.

Кичась своей гордостью и мужеством, бедуины постоянно попадали в одну и ту же ловушку – непрерывную кровавую бойню между двумя равно храбрыми и непримиримыми противниками, которые не могли ни победить друг друга, ни прекратить войну. Каждый раз происходило одно и то же: вспышки гнева, призывы к мести и боевой азарт, пылкое нетерпение воинов, воодушевленных своей правотой и жаждущих справедливо наказать обидчиков, а заодно изумить всех своими подвигами и добыть славу и трофеи; постепенное уставание от драк, сражений, крови, смертей своих и чужих; и, наконец, последняя степень утомления и отвращения, когда всех уже тошнило от кровавого месива и идея примирения начинала сама собой носиться в воздухе. Тогда появлялись мудрые миротворцы, восхваляемые всем народом, поэты мрачно кляли ужасы войны, а измученные бедуины заключали новые союзы, чтобы вскоре снова разорвать их по пустяшному поводу.

Племенная и родовая связь у арабов была так сильна, что когда позже они начали заселять города, представители одного племени селились в одном квартале и отделялись от других стеной. В результате город оказывался разделен множеством перегородок, обозначающих границы племен.

Индивидуалисты

По своим убеждениям и по складу характера были яркими индивидуалистами. «Символ веры» бедуина выглядел примерно так: каждый член племени – свободный воин. Он делает только то, что сам считает правильным, и никто не может ему ничего приказать, даже шейх. Бедуин не платит племени никаких налогов, потому что это оскорбительно: воин сам должен собирать дань. Верить он может в любых богов.

Кочевник следовал примерно тем же правилам, что средневековые рыцари или пираты: он всегда был вооружен, независим, в любой момент мог уйти куда пожелает, жил грабежом и силой оружия. В то же время считалось, что бедуин – это смелый боец, готовый бросить вызов или принять его от кого угодно: он должен всегда верить и доказывать, что он сильнее и лучше всех, даже самых прославленных воинов. Если такой вызов сделан, у него только один выбор – победить или умереть.

Разумеется, такая свобода могла существовать только в рамках определенных правил. Бедуины выработали обязательный набор качеств, которым должен был следовать каждый воин, чтобы уважать сам себя и быть уважаемым другими. Этот арабский кодекс чести назывался «мурувва», то есть обладание мужскими качествами. В них входили смелость, благородство и великодушие, верность своему слову,

соблюдение кровной мести, почитание старших, щедрость. Были тут и благородные «рыцарские» свойства: защищать слабых, жертвовать всем ради чести, терпеливо переносить несчастья и боль. Неудивительно, что позже араб Саладин и европейские рыцари так хорошо понимали друг друга.

Но у этой свободы была и обратная сторона. Человек не мог существовать один, без племени: если племя его изгоняло, он превращался в *хали*, изгоя, которого не защищали никакие законы. Закон и жизнь целиком заключались внутри племени, за его пределами царили только беззаконие и произвол сильных. Одинокий человек становился добычей и мишенью для каждого, кто превосходил его силой или числом: «каждый дюжий ему господин». К тому же внутри племени почти все были связаны друг с другом кровной связью. Родство могло быть не только по крови, но и по браку, по клятве – когда люди или целые общины давали друг другу клятву верности, и это заменяло кровную связь. Даже в именах арабов на первом месте стояло название племени и лишь потом – его личное имя. Родословие было в таком почете, что бедуины знали имена своих предков до восьмого колена. Очень часто родословную подделывали, чтобы придать себе больше веса.

Бедуины говорили: кровная связь крепка как асир (веревка, которой палатку привязывали к кольям). Самыми тяжелыми считались преступления против родства, и только потом шли моральные и уголовные. Бедуин видел себя живу-

щим внутри своего клана, весь остальной мир для него не существовал. Вся история бытия сводилась для него к основанию рода, а о том, что было раньше, он не думал. Даже под «Аравией» араб понимал только ту территорию, на которой жило его племя. Это было единственно возможное место обитания, родина, окруженная землями врагов и чужаков. Границы владений тщательно размечали, и преступление их означало войну. Правда, особо воинственные племена любили подчеркивать, что у них нет границ, что они «ставят свои палатки, где хотят». Буйное воображение рисовало им, как они захватывают весь мир и «суше становится от них тесно», и даже «спину моря они покрывают кораблями». «Весь свет, и все что есть на свете – наше», – писал поэт, восхваляя свой клан.

Занятия арабов

По представлениям бедуинов, любой араб – это прежде всего скотовод. Выпас скота и связанный с ним природный ритм почти целиком определяют его образ жизни. Зимой, когда идут дожди, кочевники странствуют от пастбища до пастбища. Воду в это время почти не используют: люди пьют верблюжье молоко, а скоту хватает сочной и свежей травы. Летом, когда всюду царит засуха, кочевые арабы собираются у колодцев, принадлежащих племени. Пастбища и колодцы надо защищать: соседи зарятся на них, и если проявить сла-

бость, их могут отнять. Отсюда вечная вражда между кланами, с объединением племен в союзы и т. д.

По поводу скота у арабов была своя классификация. Верблюжатники считались выше и важнее, чем те, кто разводил овец и коз. Они были самыми неутомимыми странниками, не боявшимися безводных пустынь. Гордость их была так велика, что они считали для себя позорным заниматься чем-то, не имеющим отношения к верблюдам. У них были верблюжьих шкуры, шерсть и мясо, а все остальное они выменивали на них: кофе, финики, пшеничное зерно, ткани, оружие, посуду, инструменты. Постоянных поселений у них не было, все нужное они возили на своих верблюдах, в том числе шатры, которые разбивали на привалах. Расставили жерди, натянули верблюжьих шкуры – вот и готов дом.

Кочевники гордились своими верблюдами, одногорбыми дромадерами, не только выносливыми и незаменимыми во время переходов, но и быстрыми бегунами. Часто бедуины устраивали соревнования, где каждое племя выставляло на гонки своего претендента, а победитель получал общее уважение и почет. Особенно славились дромадеры Махры – их называли махари: считалось, своей необыкновенной быстротой они были обязаны тем, что рождались от союза верблюдиц с джиннами.

Овец и коз арабы ценили гораздо меньше. Овцеводы больше стремились к оседлости, прибывались к деревням и городам и в конце концов превращались в простых пастухов.

Особое отношение у бедуинов было к коням. Если верблюды считались «рабочей лошадкой», то кони – чем-то вроде спортивного автомобиля. Их использовали на скачках, ездили на них на прогулки, но никогда не применяли для работы. Конь – это предмет гордости и престижа араба и в то же время – верный друг, чуть ли не самое родное и близкое существо, с которым хозяин ощущает почти кровную связь. Кони стоили очень дорого, иногда на хорошего коня меняли 25 верблюдов. Содержать их тоже было невыгодно: они потребляли много корма и воды.

Кроме коней и верблюдов, были еще ослы, но их употребляли только на юге и только для работы: ездить на ослах у арабов считалось позором. Иногда кочевники держали у себя сторожевых собак, похожих на шакалов, и крупных кошек, а в оазисах – кур, гепардов, ручных обезьян.

Помимо скотоводства, арабы знали еще один традиционный способ зарабатывать на жизнь – набеги. Они без конца воевали за землю и воду. Им всегда не хватало пастбищ и колодцев, и они захватывали их у соседей. Это были стремительные и внезапные рейды на территорию противника, чтобы угнать его скот и забрать женщин и детей, за которых потом требовали выкуп. Во время набегов арабы проявляли свою смелость и молодчество.

Третьим любимым занятием бедуинов была охота. Каждый араб являлся прирожденным охотником и часто именно этим добывал себе пропитание в пустыне. В арабской по-

эзии, книжных миниатюрах, биографиях, записках путешественников полно живописных сцен с охотой на птиц, львов, зайцев и антилоп. Вот как описание охоты звучит у одного бедуинского поэта:

Сколько раз он в засаде следил
За газелью, ступавшей устало

К водопою по узкой тропе,
И стрела антилопу пронзала,

И мелькала в полете стрела —
Так летят угольки из мангала.

У стрелы были перья орла
И о камень отточено жало.

Старый ловчий без промаха бил,
Лань, сраженная им, не вставала.

Лишь охота кормила его,
Был он крепок, хоть прожил немало.

Наконец, четвертым и, возможно, самым популярным занятием у арабов была торговля. Торговые пути пересекали Аравийский полуостров во всех направлениях, с севера на юг и с запада на восток. Из Йемена через Меккку и Медину шла «дорога благовоний», по которой на Запад везли ладан

и мирру – ароматические смолы басвеллии и комифоры. От Мекки на восток груз благовоний доставляли в порт Герру, торговавший с Индией и Вавилоном.

Земледелием и ремеслами арабы занимались только в оазисах. Здесь жили уже не бедуины, люди бадии (пустыни), а люди хадара – огороженных селений. Жизнь в таких местах была намного мягче, цивилизованней и культурней. В богатых оазисах можно было встретить рабов, предметы роскоши, купцов из дальних стран – все то же самое, что и в других восточных странах.

Мужчина и женщина

Все хозяйство, вся жизнь племени лежали на мужчине, поэтому женщины не представляли особой ценности и не имели никаких прав. Женщина принадлежала отцу, потом мужу, после его смерти – родственникам мужа. Мужчина мог иметь сколько угодно жен и наложниц и расставаться с ними по первому желанию. Правда, иметь много жен могли только богатые люди, главы клана, а обычным бедуином приходилось довольствоваться одной – больше он не мог прокормить. Единственное, что ограничивало произвол мужчины по отношению к жене – ее родственники, которые могли вступить за честь своего рода.

Женщины были нужны, чтобы рожать, готовить еду, ткать ткани и смотреть за маленькими детьми, а для этого женщин

всегда хватало – в отличие от сильных воинов, которые составляли основу племени. В поэзии арабов конь и верблюд занимали больше места, чем любовь. Конь для бедуина был важнее любой женщины. Рождение сына считалось благом, дочери – злом; девочек-младенцев иногда убивали, закапывая живыми в землю. В шатре женщины сидели в отдельной зоне – гареме, где их никто не видел. Желая кого-нибудь оскорбить, арабы называли его не по отцу, а по матери: не сын такого-то, а сын такой-то.

В то же время женщины бедуинов не были затворницами и не закрывали своих лиц. В некоторых племенах они сохраняли самостоятельность и могли наследовать имущество. Целомудрие до свадьбы и верность мужу считались обязательными качествами. Женщины могли стать и инициаторами развода: для этого надо было просто развернуть палатку в противоположную сторону. Если муж, придя к палатке, не обнаруживал входа, – тот оказывался на другой стороне, – развод считался свершившимся.

Обычаи и одежда арабов

Всем хорошо известен священный на Востоке закон гостеприимства. Арабы соблюдали его неукоснительно. Всякий, прикоснувшийся к шатру, считался гостем, и на него распространялись защита и покровительство хозяина шатра. Гости принимали, даже если он был злейший враг: на него не рас-

пространялся закон кровной мести. Его кормили всем, что было в доме, а если нечем было угостить, отдавали последнюю.

Другой незыблемый закон кочевников – кровная месть – неизбежно следовал из родственной отношений внутри племени. К «внешним» людям клан выступал как единое целое – каждый отвечал за всех. Кровная месть в какой-то степени сдерживала бедуинов и заставляла осторожней вести себя во время грабежей. Ограбить – одно, а убить – совсем другое: это означало начать цепочку кровной вражды, которая могла тянуться целыми столетиями. Поэтому кровь старались проливать только в крайнем случае.

Одевались бедуины бедно и практично. Обычный наряд любого кочевника или пастуха: длиннополая рубаха (джалабия), поверх нее просторный халат (абая) и накидка из овечьей шерсти (рида). Голову заматывали в несколько слоев пестрой тканью и скрепляли обручем, скрученным из козьей шерсти, – получалась чалма, надежно защищавшая от ветра и песка. Верхний халат обычно перетягивали поясом – хизамом, на который вешали оружие, кошелек, кремь и всякие мелочи, нужные в дороге. Каждый араб носил на боку меч (сейф) или джамбию – кинжал с сильно загнутым клинком.

Женская одежда отличалась от мужской только тем, что после рождения ребенка у нее распускали воротник, чтобы мать могла кормить грудью.

В более зажиточных оазисах оседлые арабы носили тон-

кое нательное белье, легкие туфли без задников, плащи (дурра) и просторные накидки с широкими рукавами – джуббу. Описание одежды пророка Мухаммеда в одном из хадисов дает приблизительное представление о том, во что одевались арабы среднего достатка. Поверх нарядного кафтана (каба) он накидывал полосатый плащ (бурда), на голову надевал зеленую или черную чалму с откинутыми за спину концами, а под чалму – маленькую войлочную шапочку, называвшуюся калансува. Больше всего ему нравилась простая длинная рубаха – камис, длина которой доходила до запястий. В числе других его вещей была фарруджа – верхняя широкая одежда с большими рукавами, изар – длинная накидка из оманской ткани, касруанская джубба с красивой вставкой из парчи и атласная и расшитая мехом «мустака», якобы подаренная ему византийским императором.

Арабские модницы. Простоту своего наряда бедуинки дополняли обилием недорогих украшений из металла и стекла: перстни, серьги, ожерелья, «запонки» в носу, цепочки с подвесками, браслеты на руках и на ногах. В косы вплетали длинные ленты с большими тяжелыми монетами. Брови бедуинские красавицы красили индиго, ресницы сурьмой, а волосы и ногти – хной. В центральной Аравии девочки до сих пор покрывают себя татуировками и раскрашивают синей краской тело и лицо – чаще всего лоб и подбородок, но также щеки, губы, грудь, ладони и подошвы ступней.

Религия арабов

До ислама главное место в бедуинской религии занимали не боги, а судьба – слепая, разрушительная сила, стойкость перед ударами которой служила мерилom мужества. «Судьба настигнет тебя, как старый слепой верблюд», – писал арабский поэт Зухайр. Ее нельзя было ни предвидеть, ни избежать, можно было только принять с достоинством. Боги шли только на втором месте.

В Аравии люди сами изготавливали себе богов и повсюду возили их с собой, как сосредоточие магической силы. Они высоко ценились – потерять бога означало потерять и силу.

Каждое племя почитало только своих, местных богов. Они были как бы старшими родственниками, покровителями, противостоявшими другим племенам и их богам. В древнем мире часто возникала тема, чьи боги сильнее. Иметь сильного, могущественного бога считалось благом для племени, поскольку он обеспечивал ему благосостояние и победу над врагами. Родственные отношения с богами подчеркивалось тем, что боги были похожи по характеру на своих подопечных: какое племя, такие и боги, и наоборот. Божество представляло собой как бы проекцию, собирательный образ племени.

Боги делились на южных и северных. На юге боги жили на звездах, планетах, солнце и луне. Луна, холодная и бес-

страстная, считалась мужским богом; солнце, горячее и бурное, – женским. Это были более культурные божества, заимствованные у древних цивилизаций. Почитали звезду Сугейль – путеводный знак в ночном небе. В Мекканском святилище, построенном по преданию самим Авраамом, хранилось триста шестьдесят племенных идолов, которым курили благовония. Здесь протекал священный источник Замзам, некогда напоивший Исмаила и Агарь, и стояла знаменитая Кааба – гранитный куб, в северо-восточный угол которого был вделан черный камень, брошенный ангелом Адаму. К нему шли паломники, каждый из которых семь раз целовал камень. Говорили, что сначала камень был абсолютно белым, но потом почернел от грехов прикасавшихся к нему людей. Справа и слева от Каабы стояли два холма, на одном из которых возвышался бог Исаф, а на другом – богиня Наила. Считалось, что это мужчина и женщина, которые предались любви прямо в Каабе и за богохульство превратились в камень. В нише над священным источником стоял главный мекканский бог Хубала в виде высеченной из сердолика статуи с золотой рукой. Хубала мог предсказывать будущее, для этого существовало специальное гадание на стрелах.

На севере боги были гораздо проще. Кочевники поклонялись большим и высоким камням – бетилам, стоявшим вертикально посреди степи и видимым издалека. Они казались бедуинам окаменевшими гигантами, загадочным и могущественными существами. Например, у племени тайи был идол

аль-Фалс – красный выступ черной скалы, похожий на человека.

Бетилы поменьше возили с собой, в качестве «карманных» богов. Их везли под балдахином на верблюде, в сопровождении кахин – предсказательниц с длинными распущенными волосами, которые били в барабаны и нараспев выкрикивали пророчества на особом ритмизированном языке садже (позже запрещенным Мухаммедом как «дьявольский»).

Арабам вообще очень нравились идолы. Расположившись на привал, они собирали четыре камня, выбирали из них самый красивый и делали его богом, а из трех остальных сооружали подставку для котла. Названный богом камень ставили в каком-нибудь приятном месте и обходили вокруг него, как вокруг Каабы. Такие камни называли ансаб, а обход – давар. Но все это были младшие, неглавные камни: главный камень находился в Каабе.

Арабы сознавали, что их идолы примитивны, поэтому могли и низложить их, если они чем-то им не нравились. Так, один араб разгневался на камень, от которого разбежались его верблюды, и объявил его не богом. Поэт Имрууль-кайс однажды отправился на войну и стал гадать перед идолом Зу-л-Халасам по стрелам – какая из них выпадет, разрешающая, откладывающая и запрещающая. Когда выпала запрещающая, он в гневе сломал стрелы, ударил ими по лицу идола, воскликнув: «Да укусишь ты член своего отца!», – после чего отправился в поход и благополучно его завершил. В

племени бен-ханиф однажды сделали идола из молока, масла и финикового теста, а когда настал голод, съели его.

Однако все это были как бы младшие, подчиненные боги, игравшие большую роль в жизни людей, но являвшиеся частью мироздания, а не его основой. Основным же Богом-творцом был невидимое и непостижимое существо, стоявшее далеко от людей и слишком возвышенное, чтобы непосредственно влиять на их судьбу. Он не имел имени, и его называли просто Бог (аль-илах, или Аллах) или определяли его по качествам: милосердный, всевышний, владыка.

Кочевники признавали себя частью племени, а не народа, поэтому местные боги для них были важнее всеобщего. Однако уже и в то время встречались люди, которые почитали единого Бога, а не племенных богов. Их называли ханифами. Ханиф – имя презрительное, значит безбожник или еретик. Ханифы верили в загробную жизнь и старались жить праведно, чтобы получить награду после смерти. Тем самым они выделяли себя из клана, признавая себя особой личностью, для которой важнее всего личное поведение, а не жизнь племени.

Арабы были удивительно невосприимчивы к другим религиям, которые они видели вокруг себя. Их почти не затронули ни христианство, ни зороастризм, ни иудаизм. Христиан (в Аравии их называли насара, то есть назореи), живших в арабских оазисах, не преследовали и не гнали – каждый мог верить во что угодно, – но считали чужаками, так же, как и

их веру. В основном это были сектанты, раскольники, бежавшие из Византии от преследований властей: несториане, монофизиты. Только в пограничных областях их влияние было довольно сильным: гассаниды приняли монофизитство, а лахмаиды сочувствовали несторианам. В северном Йемене был целый город, Наджран, населенный одними христианами и имевший своего епископа. Семена христианской веры посеял здесь некий Фамийун, обративший местных жителей с помощью чуда: силой молитвы он вырвал из земли пальмовое дерево, которому поклонялись арабы.

В «пустынной» Аравии христианство тоже имело некоторые успехи. Некий Аспебет, вождь арабов, служивший персам, отказался выполнять приказ о преследовании христиан и, наоборот, стал их другом. Два монаха, Ефимий и Феоктист, вылечили его сына Теробона, после чего Аспебет принял крещение вместе с семьей и всем племенем, а потом стал и епископом арабов под именем Петра. Петр даже участвовал в 3 Вселенском соборе, осудившем Нестория.

Огромное впечатление на арабов произвел Симеон Столпник. Жизнь этого аскета, простоявшего на каменном столбе 38 лет, поразила бедуинов и склонила многих к христианству. При этом они продолжали вести прежний образ жизни, кочуя по пустыне и устраивая церкви у себя в палатках. После смерти Симеона арабы пытались отбить его тело у сирийских христиан, приведя для этого множество людей с верблюдами.

Но если воображение арабов увлекали монахи-отшельники и красочные христианские церемонии, то в суть догматики они не вдавались. Христиане казались им людьми склочными и беспокойными, постоянно ссорящимися друг с другом.

Гораздо сплоченней и влиятельней христиан выглядели иудеи. После разрушения Иерусалима и восстания Бар-Кохбы они рассеялись по разным землям, в том числе и по Аравии. Арабы называли иудеев «яхуди». Иудаизм был особенно силен в Йемене, где находилось Сабейское царство. Его жители без конца вели войны с христианами, порой очень жестокие. Один из йеменских правителей-иудеев Зу Нувас отправился в поход против христианского Наджрана и, не сумев его взять, пообещал жителям пощадить их жизнь и оставить им их веру, если они сдадутся. Однако слово свое он не сдержал: войдя в город, йеменцы выкопали в нем большие ямы, залили горючей жидкостью и сожгли в ней всех, кто отказался принять иудаизм.

Еще меньше влияния в Аравии имел буддизм, эхо которого иногда доносилось из далекой Индии. Царь Ашок Третий в III веке до н. э. посылал сюда миссионеров-буддистов, но их проповедь успеха не имела.

Кроме богов, арабы верили в духов и джиннов. По представлениям арабов, джинны стояли ниже бога, но выше человека. Они имели воздушное или огненное тело и обычно были невидимы. Ибн Халдун писал, что джинны не имеют

собственной формы и изображения, но способны принимать разные обличья: животных, деревьев, кувшинов, красивых женщин. Джинны живут в камнях, в деревьях, в идолах – у каждого свое жилище. По природе они не добрые и не злые, но могут причинять добро или зло, когда захотят. Поэтому арабы на всякий случай приносили им жертвы и просили о помощи и защите.

Поэзия

Арабская поэзия – одно из самых удивительных явлений мировой культуры. В Аравии не было никакого искусства и никакой литературы, кроме поэзии, зато эта поэзия была замечательна и до сих пор поражает своей свежестью и красотой. Строение и ритмика арабских стихов были настолько изощренными, а среда, в которой они рождались, настолько дикой и суровой, что, по выражению одного литературоведа, такой поэзии просто не могло существовать. Тем не менее, она существовала. В более позднюю мусульманскую эпоху считалось, что золотой век поэзии уже давно позади и ни один современный поэт не может сравниться с «джахилийскими» поэтами доисламской эпохи. Поэты у арабов почитались как почти неземные существа, способные напрямую общаться с богами, которые вдохновляли их и вдыхали гармонию в их стихи. Быть в родстве с поэтом считалось высокой честью, их с радостью принимали в любом доме, никто

не мог причинить им зло – это было почти святотатством.

Темы арабских стихов были почти всегда одни и те же. Они описывали природу пустыни, обаяние вольной жизни на коне, в скитаниях и охоте, мужество и гордость странника, привязанного только к своему верблюду или коню. Любовные переживания обычно сопровождала грусть, сознание тщетности и мимолетности красоты, в которых, однако, заключалось особое очарование. Бедуины чем-то напоминали самураев: это были одновременно воины и поэты, сочетавшие культ мужества, смелости, жестоких сражений с утонченной лирической чувствительностью и созерцательной меланхолией.

Вот поэтически настроенный бедуин забирается на скалу и там, сам застыв как камень, озирает с высоты окрестности, а вокруг бродят дикие козы, не замечая одинокого, погруженного в созерцание путника. Он блуждает в никому не ведомых местах, в глухих, забытых Богом пустынях, томимый какой-то смутной тревогой, полагаясь только на свой меч и путеводные звезды. Его спутники – терпение, стойкость, смелость, непреклонность духа, не уступающего ни перед чем, никого не боящегося: ни голода, ни зноя, ни диких зверей, ни ночных духов, ни смерти. Смысл его жизни – быть смелым и свободным, все видеть, все понимать, но ни от кого не зависеть, в том числе от Бога; упиваться миром во всех его преходящих и изменчивых деталях и в то же время трезво смотреть на жизнь, видя ее трагичность и красоту.

Касыда

Главной и чуть ли не единственной формой арабского стихотворения была касыда: небольшая поэма из 80–120 строк, уложенных в рифмованные двустушия – бейты. Она начиналась с лирического вступления (*насибы*) и имела несколько обязательных частей с разным настроением и темой.

Содержание *насибы* всегда было одно и то же: память о былых битвах, ностальгия по бурной юности, полной вина и любовных утех, тоска о любимой женщине, о далеких друзьях, об ушедшем времени. В середине касыды (эта часть называлась *васф*) поэт как бы отвлекался от воспоминаний и, оглядевшись по сторонам, давал четкое и яркое описание окружающего мира: своего коня, верблюда, пустынного пейзажа. Он с любовной точностью рисовал скудный бедуинский быт, передавая особое обаяние простой и чистой жизни. Заканчивалось длинное стихотворение *фахрой* – чем-то вроде былины, воспевающей деяния древних богатырей, свои собственные подвиги и славу своего рода.

Сочиняя касыды, бедуинские поэты как будто все время писали одно и то же стихотворение, но в бесконечно новых и разнообразных вариациях, стараясь поразить смелостью и свежестью метафор, остротой чувств и точностью деталей. В арабских стихах всегда был элемент соревнования, желания превзойти своего соперника, победить в поэтическом состязании.

зании, продолжавшемся целые века. Вот как поэт Имрууль-кайс описывал брошенную стоянку в пустыне:

В песчаной долине следы очагов уцелели,
И кажутся издали татуировкой на теле.

А его современник Тарафа дополнял и уточнял:

Остатки костра в Ар-Рукамайне похожи
На татуировку, что временем слизана с кожи.

С чем только не сравнивали стихотворцы следы этих старых становищ в пустыне: с полустертыми письменами на пергаменте, с ветхим изношенным плащом, с наколкой на лодыжке новобрачной.

Монотонный ритм с повторением одной и той же рифмы в конце каждого второго стиха придавал стихам особую певучесть – это однообразие было сходно с жизнью самого бедуина. Одна единственная рифма пронизывала все стихотворение, словно длинная нить, которая с равномерными интервалами то появлялась, то исчезала на полотне стиха. В зависимости от того, на какую согласную заканчивалась рифма, стихи делились на лямийя (лям – буква л), нунийя (нун – буква н) и т. д. Метрика касыды тоже была скромной, ее основой служил двойной ямб – раджаз.

Бейт. Арабскую стихотворную строку представляли как бейт – бедуинскую палатку с двускатной крышей,

каждая сторона которой составляла полустишие. Полустишие делилось на стопы, а стопа – на «завязки» и «колышки», то есть разные сочетания длинных и коротких слогов. Комбинации этих элементов создавали 16 размеров арабской поэзии, которые сами арабы сравнивали с шагами бредущей по пустыне верблюдицы.

Главной силой арабской поэзии была метафора. Бедуинские поэты писали емко, сжато и конкретно, улавливая сходство между самыми далекими и разнородными вещами, делая наглядными и выпуклыми самые отвлеченные понятия и представления. Бедуин мог, например, сказать, что воспоминания «спяют его как песок пустыни», а глаза влюбленного слезятся от разлуки, словно он «поел незрелой дыни». Подкрадываясь к врагам, он «закутывался в ночную темноту, словно женщина в меховую накидку», а натянутый им лук стонал «подобно лани, потерявшей детеныша».

Вспоминая о покинутой женщине, поэт рассыпался каскадом щедрых сравнений, описывая ее внешность, характер, подробности одежды, украшений («ее талия тонка, как скрученный ремень поводьев», – восхищался Имруулькайс). Здесь встречались довольно откровенные сцены любовных утех, поданные так же просто, естественно и задушевно, как у ранних миннезингеров. Тот же Имруулькайс описывал, как ползком пробирался в шатер своей возлюбленной между вооруженных воинов, даже когда она была беременной или

кормила младенца («я подобрался к ней бесшумно, как тихо поднимаются один за другим пузырьки в воде»), и как ласкал ее нагую, в одних браслетах, на дне оврага, неотразимо привлекательную, с закрученными на голове тугими косами, похожую огромными глазами и длинной шеей на испуганного олененка. «Это на ложе простертое полудитя, – восклицал он в восторге, – Даже в суровом аскете разбудит желанье».

Несмотря на свое мужество, бедуинский поэт не стеснялся лить слезы, если их вызывали любовное страданье или скорбь о смерти друга. Любить и мучиться от любви было так же почетно и прекрасно, как рубиться в схватках или весело пировать с друзьями. «Люди с годами трезвеют, а я не могу Страсть превозмочь и поныне живу, как в тумане», – вдыхал Имруулькайс, мгновенно превращаясь из бесстрашного воина в тоскующего лирика.

Правда, потом, рассказывая о своем скакуне, он восхвалял его с не меньшим, если не большим воодушевлением, чем возлюбленную. Поэта восхищали его ноги, глаза, быстрый бег, надежность, верность и сила. Он подвижен «как юла в руках ребенка», его грудь испачкана кровью убитой газели, как жидкой хной, а его хребет под седлом отшлифован, как жернов, на котором можно толочь зерно.

Но, пожалуй, особых поэтических высот касыда достигала в описаниях природы. Имруулькайс, устроившись на привал в пустыне, красочно изображал нестерпимый полуденный зной, когда воздух дрожит и кажется, что «над землей пля-

шут раскаленные иглы». Тарафа горько жаловался на ночной холод, когда бедуину, чтобы не замерзнуть, приходится сжигать даже собственный лук и стрелы. Этот адский холод не мешал ему попутно замечать, что рассыпанный по земле мелкий помет антилоп похож на толченый перец. Примеров таких схваченных на лету сравнений в арабских касыдах не счесть. Стихотворение бедуина зорко всматривается в пейзаж и видит, что волны в ручье покачиваются как верблюды, нагруженные тюками, ущелье в горах напоминает брюхо дикого осла, а газели рассыпаны по склону «словно шарики порванных бус».

И, конечно, ни одна касыда не обходилась без воспевания племени и его правителя:

Дан судьбою нам вождь величайший на свете,
Он – как конь вороной, рассекающий ветер.

Если начинается бой, то

Мы рубим противника с яростью лавиной,
И воины надают мертвой мякиной.

«Кровь лилась, как вода из разбитой бутылки», – похвалялся поэт очередной стычкой за какой-нибудь отбитый колодец или украденный скот.

В касыдах часто встречались нравоучительные вставки – хикмы, рассуждения о времени, о смерти, о сути вещей.

Для арабских поэтов было характерно стоически-трагическое мироощущение: все тленно и тщетно, жизнь приносит разочарование, от смерти никуда не уйти. Все прекрасное и светлое осталось в прошлом, там любовь, дружба, юность, сейчас же остались только вражда, одиночество, близкий конец.

Что толку скулить? Лишь терпенье поможет в беде.
Как бурлила отважная молодость в жилах,
А теперь я ни встать, ни одеться не в силах.

Но поэт тут же надевал на себя маску гедониста, ловящего моменты наслаждения перед лицом неизбежной смерти. Надо жить во всю силу, щедро, не считая денег. Могилы скупцов не отличить от могил транжир. Пей, веселись, люби красавиц, проматывай все, ни о чем не жалея.

При жизни ты должен все радости плоти вкусить,
Чтоб конь мог пастись, удлиняют веревку ему,
Но жизнь не продлить...

В итоге бедуинский поэт воплощал в себе сразу три идеала: воина, влюбленного и щедрого гуляки. Всегда самый сильный и смелый, победоносный – и в то же время одинокий, бедный, всем чуждый, гордый, независимый, готовый скорей «грызть камни», чем просить помощи. Стоик, ведущий жизнь, полную лишений, твердо и мужественно встречающий

чающий смерть, – и беспечный весельчак, забывающий обо всем на свете за чашей вина и в объятиях красоток. Неотразимый сердцеед, свободный и ветреный, от которого без ума все женщины, – и безумный влюбленный, всю жизнь чахнувший только по одной. В конечном счете главным оказывалось богатство и полнота жизни, не потерянной зря, и ощущение превосходства над другими – не только самого себя, но и всего «своего»: племени, женщины, друга, коня, доспехов. Арабский поэт как бы говорил: «Я сильнее, умней, мужественней всех, я ни в чем никому не уступлю и всех во всем превосхожу, я пью эту жизнь полной чашей». Не то, что некоторые ничтожества, вроде трусливого мужа той женщины, с которой спит смелый бедуин: ее супруг жалкий трус, он может только бормотать угрозы, и даже жена его презирает. Все это было бы почти смешно, если бы не обрастало роскошной чередой подробностей, выливающих на читателя бурлящим потоком, горстями метафор и метких словечек, от которых захватывает дух.

Кроме касыд существовали более короткие стихи на одну тему – их называли «кита», что значит отрывок. Обычно это были небольшие боевые речевки, состоявшие из угроз и оскорблений, которые обрушивали перед боем на врага (их называли хиджи), или ритуальный плач над телом павшего воина (рисы). Лучшими мастерами заплачек-рис были женщины-поэтессы.

Тариды и панегиристы

Стихи бедуинских поэтов никогда не записывались. Они передавались из уст в уста и декламировались профессиональными чтецами – равиями, помнившими наизусть тысячи стихов. Только позже они были записаны и собраны в сборники и антологии.

Хотя поэты считались гордостью племени, обычно они стояли особняком, вне родовой поруки, добровольно удалившись от жизни своих братьев или отверженные ими. Среди них часто были романтические герои, поэты-изгои, байронические странники, изгнанные из родного племени и скитавшиеся в одиночестве по свету. Их называли тариды.

Таридом был первый и лучший из доисламских поэтов – сын книдского князя Имруулькайс. Если верить его поздней биографии, он был изгнан своим отцом из дома и бродил в пустыне с кучкой друзей, занимаясь охотой и стихотворчеством. Домой поэт вернулся только для того, чтобы отомстить за смерть отца, убитого вечными соперниками книдов – князьями Хира. Он отправился за помощью в Константинополь, где добился от императора Юстиниана назначения на пост филарха в Палестине. По легенде, во время своего пребывания при дворе он соблазнил одну из византийских принцесс, и разгневанный император отдал тайный приказ убить его по дороге к месту назначения. Неизвестно, так ли

все это было на самом деле, но касыда Имруулькайса в сборнике муаллака всегда считалась у арабов непревзойденным шедевром и образцом.

Еще более яркий пример романтического изгоя и нонконформиста – Тарафа. Гуляка и транжира, которого выгнало собственное племя («родня сторонится меня, как верблюда в парше», писал он), жил при дворе Лахмидов и разгневал князя какой-то дерзкой эпиграммой. Не показав виду, князь отправил поэта и его дядю с посольством в Бахрейн и передал им запечатанные письма, которые они должны были вручить бахрейнскому царю. В этих письмах он просил царя казнить обоих послов по прибытии. Подозрительный дядя по дороге распечатал письмо и попросил какого-то юношу его прочесть (ни он, ни его племянник не знали грамоты), а когда коварство князя раскрылось, выбросил письмо и сбежал. Но юный Тарафа, которому было всего двадцать лет, из гордости и презрения к смерти отказался распечатывать свое письмо. Он привез послание в Бахрейн, и на следующий день поэта казнили, закопав живым в землю.

Другой тарид – Антара ибн Шаддад, сын рабыни-негритянки. Это был мужественный воин и в то же время воплощение поэта-любовника, помешанного на безответной любви к двоюродной сестре Абле. Он то описывал жестокие сражения, то изливал в стихах свои страдания от неразделенных чувств к возлюбленной. Ему грезились ее полураскрытые уста, пахнущие, как «полный мускуса кисет». Антара всегда

чувствовал себя уязвленным тем, что его таланты и смелость не ценят по достоинству из-за его ничтожного происхождения и черной кожи. Недостатки своей родословной он восполнял с помощью меча. В будущем именно Антара стал героем легенд – как безупречный витязь, благородный, храбрый, никогда не знавший поражений, защищавший бедных и слабых, полное совершенство и предтеча западных идеальных рыцарей вроде Роланда, Ланселота или Парсифаля. Его собственные стихи полностью соответствовали этому образу:

Покрыта пылью голова, одежда вся в лохмотьях,
Он не расчесывал волос, пожалуй, целый год.

Он целый день готов таскать железную кольчугу,
Он ищет гибели в бою, его удел – поход.

Так редко он снимал доспех, что ржавчина на коже,
Следы ее не смыть водой, ничто их не берет.

(Пер. А. Ревича)

От жизни многих других бедуинских поэтов осталась только пара эпизодов или какая-нибудь яркая деталь. Например, Зухайр был миротворцем, вечно призывавшим остановить бессмысленные войны, а Хатим славился такой щедростью, что однажды одолжил копье собственному врагу. Имя поэта Амра ибн Кулсума вошло в арабскую поговорку: «Скор на руку, как Амр ибн Кулсум». По легенде, он как-то

раз приехал в гости к князю Хиры вместе с матерью и, пока жена князя принимала мать в соседней палатке, беседовал о чем-то с князем. Неожиданно поэт услышал гневный возглас матери: супруга князя обошлась с ней непочтительно. Поэт немедленно вскочил и вонзил нож в горло князю.

Чтобы уйти от племени и жить одному в пустыне, требовалось большое мужество, почти безумная храбрость. Тарид Аш-Шанфара написал об этом, пожалуй, ярче других:

Неделю могу я прожить без питья и еды,
мне голод не страшен и думать не стану о нем.
Никто не посмеет мне дать подаянье в пути,
глодать буду камни и в землю вгрызаться зубами.

Ты видишь, я гол и разут, я сегодня похож
на ящерицу жалкую под беспощадным лучом,
Терпенье как плащ на бестрепетном сердце моем,
ступаю по зною обутыми в стойкость ногами.

(Пер. А. Ревича)

У одиночек-изгоев был противоположный полюс – поэты-панегиристы, жившие при дворах богатых князей и воспевавшие достоинства тех, кто хорошо им платил. Среди них имелись свои крупные величины, такие как аль-Аша, аль-Хутайя или ан-Набига, кормившийся у правителей Хиры. Иногда панегиристам удавалось служить двум князьям сразу – например, тому же ан-Набиге, который пел хвалы одно-

временно и хирским владыкам, и их заклЯтым врагам гасса-нидам.

Муаллаки. Из сотни арабских поэтов, живших в VI–VII веках, самыми лучшими считаются семь, вошедших в сборник муаллаки. «Муаллак» буквально значит «нанизанные на нить», как жемчужина в ожерелье. У этого слова есть и другое значение – «вывешенные». На ярмарках в Мекке проходили состязания поэтов, и лучшие стихи потом записывали золотом и вывешивали в Каабе. В муаллаке каждый поэт представлен только одной касыдой. В этот канон вошли стихи Имруулькайса, Тарафы, Зухайра, аль-Хариса, Амра ибн Кульсума, Антары и Лабида.

Кроме поэзии, в Аравии высоко ценилось красноречие, умение владеть словом. Вообще, язык арабов при всей их бедной кочевой жизни был удивительно гибок и богат. (Сами арабы считали, что первые слова на арабском языке произнес Адам, когда оплакивал убитого Авеля). Эти задатки во многом объясняют тот неожиданный расцвет культуры, который арабы пережили в первые века мусульманства: культура в них была не создана заново, а пробуждена. Арабы на протяжении многих веков были потенциально заряжены цивилизацией, и ислам только послужил ее катализатором.

Глава 3. И Мухаммед пророк Его

Мекка

Мекка стоит посреди пустыни, окруженная голыми скалами. Это самое сердце Аравии – пекло здесь такое, что его с трудом переносят даже сами арабы. Здесь нет ни ладана, ни золота, ни финиковых пальм. Все процветание города издревле зиждилось на двух вещах: торговле и религии.

Через Мекку проходила дорога между Йеменом и Сирией – это был важнейших торговый путь, соединявший восток и запад, страны Средиземноморья с Индией и Китаем. Каждый год из Мекки на север и на юг отправлялось два больших каравана – один летом и один зимой. Каждый из них состоял из двух тысяч верблюдов, а его груз стоил пятьдесят тысяч золотых монет.

В Мекке ежегодно проходили знаменитые ярмарки, где проводились состязания воинов и поэтов, составлялись торговые союзы и заключались деловые сделки. Ярмарки длились по 4 месяца, во время которых во всей Аравии царил мир. В это время в город стекались паломники из многих арабских племен, чтобы поклониться стоявшим в нем богам и идолам, и главному из них – Каабе.

Посреди Мекки, как и во всяком городе, имелась рыноч-

ная площадь, а на краю ее стоял храм, имевший форму куба, поэтому ее называли Кааба – игральная кость.

Незадолго до появления ислама авторитет Мекки был оспорен христианами. Когда в Йемене властвовала абиссинская династия, правитель по имени Абраха решил перенести религиозный центр Аравии из Мекки в свою столицу Сану. Он построил в городе большой собор, но арабы осквернили христианский храм, разбросав по нему навоз. Тогда разъяренный Абраха собрал большую армию и отправился в Мекку, чтобы сокрушить Каабу. В его войске был привезенный из Африки боевой слон, поэтому армию Абрахи прозвали «людьми слона», а год, в который состоялся поход, – Годом слона.

Сила йеменцев была так велика, что курейшиты в Мекке даже не пытались ей сопротивляться: они оставили город и удались на соседние холмы, заявив, что бог Каабы сам о себе позаботится. И действительно, произошло чудо: Абраха не смог войти в город, его армия была разгромлена, а сам он с позором отступил. По легенде, на солдат напали птицы и забросали их камнями и осколками скал. В Коране говорится, что Аллах «превратил их в мертвое поле соломинок и стеблей с разъеденным нутром» (105: 1–5). Сохранилось даже подробное описание этих птиц: зеленых, с желтыми клювами, размером с ласточку; в клювах они держали по большому камню, и еще по одному – в каждой из лап.

Слава южноаравийских царств к этому времени заката-

лась. Счастливая Аравия дряхлая и разваливалась на части. Аравия Пустынная, наоборот, процветала и крепла. В 570 году персидский царь Хосров I отправил в Йемен горстку головорезов, заключенных-смертников, в насмешку поручив им завоевать эту страну или погибнуть. И пара сотен бандитов, которым нечего было терять, без особого труда свергла династию Абрахи и захватила власть. Так пало великое Сабейское царство, одно из древнейших арабских государств, некогда бывшее символом восточной роскоши и несметного богатства.

В Год слона (570) в Мекке родился Мухаммед ибн Абдаллах, Пророк Аллаха.

Мухаммед

По преданию, Мекку основал сын библейского патриарха Авраама, Исмаил. Он дал начало роду амаликитов, которых сменило племя джурхум. Джурхум со временем вытеснил род хуза, а хузу – курейш, племя Пророка.

Племя курейшитов состояло из нескольких кланов, которые жили в разных кварталах города. Самым могущественным и богатым считался клан омейядов, а одним из мелких и незначительных – клан хашим. Из хашим происходили отец и мать Мухаммеда: Абдаллах и Амина.

О рождении Абдаллаха тоже есть предание: его отец Абд аль-Муталиб будто бы пообещал божеству Хубалу, что если

у него будет десять сыновей, он принесет в жертву одного из них. Десять сыновей действительно родились, и по жребию жертвой оказался Абдлаллах. Тогда, чтобы уклониться от выполнения своего обещания, Абд аль-Муталиб обратился к гадалке из Йасриба, которая сказала, что вместо сына можно отдать 100 верблюдов. Для любого араба это было целое состояние, но Абд аль-Муталиб не пожалел денег и спас сына с помощью верблюдов.

Рассказывали также, что в ночь рождения самого Мухаммеда подземные толчки сотрясли царский дворец в персидской столице Ктесифоне и погасили священный огонь, горевший 1000 лет. Произошло это, конечно, не случайно: следом за огнем по вине Мухаммеда угасла и сама персидская династия.

Абдаллах умер очень рано, в 25-летнем возрасте, возвращаясь с караваном в Мекку и не успев увидеть родившегося сына. Семье осталось небогатое наследство: пять верблюдов, несколько коз и одна рабыня. То ли из-за бедности, то ли по давнему обычаю Мухаммеда отправили на воспитание бедуинке, жившей в предместье Мекки. Женщина по имени Халима из племени хавазин вскормила его грудью, а потом растила в своем доме.

Уже в раннем в возрасте у Мухаммеда произошел один из тех загадочных приступов, во время которых он падал в обморок. Кое-кто из критически настроенных к исламу ученых до сих пор считает, что причиной его припадков была нерв-

ная болезнь, проявлявшаяся в разных симптомах и прикидывавшаяся разными недугами. Она то оборачивалась лихорадкой, то повергала в столбняк, то вызывала лицевые судороги, во время которых у него дрожали губы и язык, вращались глаза и непроизвольно качалась голова. В исламских источниках эпизоду с детским приступом дают другое объяснение: к мальчику явился архангел Гавриил и удалил из Мухаммеда первородный грех, вырвав из его груди некий кровавый кусок со словами: «Эта часть от дьявола». Затем, омыв его сердце водой из священного источника Замзам, Гавриил вернул сердце на место и закрыл грудную клетку, на которой с тех пор остался глубокий шрам.

Когда Мухаммеду исполнилось шесть лет, его мать умерла, и рабыня увезла мальчика к его деду Абд-аль-Мутталибу. 80-летний дед баловал внука и позволял ему сидеть возле Каабы на своем ковре, на что не осмеливались даже его сыновья. Через два года, когда дед умер, попечение о Мухаммеде перешло к его дяде Абу Талибу. Дядя имел многочисленное семейство – двух жен и не меньше десяти детей – и был небогат, поэтому Мухаммеду пришлось самому заботиться о своем пропитании. Он кормился тем, что пас чужой скот овец и собирал за городом дикий виноград. Позже на вопрос, пас ли он овец, Мухаммед с гордостью отвечал: да, как и все пророки.

Когда племянник повзрослел, дядя стал брать его с собой в купеческие поездки. Однажды, идя с караваном в Басру,

Мухаммед встретил христианского монаха по имени Бахира, который уже давно ждал пришествия последнего Пророка, предсказанного в какой-то имевшейся у него книге. Мухаммед точно подходил под это описание, но монах на всякий случай осмотрел его спину, на которой между лопатками должен был стоять особый знак – печать пророчества. Знак был на месте. После этого сомнений уже не оставалось: Мухаммед – последний пророк, которого следует беречь как зеницу ока.

В 24 года Мухаммед начал самостоятельную жизнь. Он расстался с дядей и поступил на службу к богатой вдове Хадидже. В то время ей было сорок лет, она похоронила уже двух мужей, имела троих детей и сама вела свое хозяйство. Мухаммед начал с должности погонщика мулов, но вскоре выдвинулся и стал помощником и управляющим. В его обязанности входило совершать поездки с торговыми караванами, в состав которых входили и верблюды Хадиджи.

Молодой Мухаммед произвел хорошее впечатление на Хадиджу, и дело кончилось браком. Но родные невесты встали на дыбы: Мухаммед был бедняк, неровня их богатой семье. В конце концов, отца Хадиджи пришлось напоить вином, чтобы вырвать у него согласие на брак. Протрезвев, тот сильно разгневался, но дело было сделано.

У Мухаммеда и Хадиджи родились двое сыновей, умершие во младенчестве. Больше повезло четырем его дочерям: Зейнаб, Рукайе, Умм-кулсум и Фатиме, – они достигли

взрослых лет и составили выгодные браки. Несмотря на разницу в возрасте, к своей жене Мухаммед относился с любовью и уважением, и даже смерть обоих сыновей не заставила его взять вторую жену, хотя отсутствие наследников считалось для араба несчастьем и позором. Говорили, что после ее смерти он имел обычай резать барана и раздавать мясо беднякам в память о Хадидже. Говорили также, что до брака с первой женой Мухаммед хранил целомудрие: не потому, что по природе был воздержан, а потому, что во время своего пастушества совсем не видел женщин. Раза два он собирался пойти в город, чтобы познать сладость женской любви, но разные препятствия каждый раз его задерживали и не давали осуществить это намерение.

Люди, лично знавшие Мухаммеда, отмечали, что он был необыкновенно мягок и кроток в речах. В его внешности и поведении не было обычной для бедуина суровости и мужественности: наоборот, он отличался неровным характером, склонностью к меланхолии и женской чувствительностью. Он не переносил дурных запахов, во время болезни мог жаловаться и плакать как ребенок. Не доставало ему и деловой хватки, практичности в делах: не будь брака с Хадиджей, вряд ли ему удалось бы достигнуть заметного положения в обществе.

Что касается его внешности, это был человек среднего роста, крепко сбитый, широкоплечий, большеголовый, с высоким ясным лбом и румяным, но худым лицом, обрамлен-

ным длинными вьющимися волосами и густой бородой. Нос у него был продолговатый и слегка изогнутый, брови сросшиеся и черные, походка решительная и тяжелая.

Когда ему исполнилось 35, произошел важный эпизод, указавший Мухаммеду на его будущее назначение. В Мекке отремонтировали храм, окружавший Каабу, и после ремонта никто не решался взять священный камень и положить его на место. Было решено, что это сделает первый человек, который войдет в Каабу: им и оказался Мухаммед.

К сорока годам будущий пророк стал состоятельным и уважаемым человеком. Он смог усыновить сына своего благодетеля Абу Талиба, по имени Али, и отпустить на свободу любимого раба Зейда, которого затем тоже усыновил. Так он обрел двух новых сыновей вместо умерших. В это время у него появилось много досуга, чтобы предаваться своим размышлениям, которые неотступно преследовали его уже много лет.

Поначалу религиозные взгляды Мухаммеда ничем не отличались от взглядов его соплеменников, по крайней мере, внешне. Своего первого сына он назвал Абд-Менаф, то есть раб Менафа, одного из языческих идолов: имя, которое вряд ли мог дать почитатель единого божества аль-Илаха. Но старая религия в это время уже многих перестала устраивать. Мухаммед волей-неволей общался и с иудеями, и христианами, и с арабами, искавшими новой веры. Его родственник Варака ибн Науфаль, недовольный первобытным и бес-

смысленным идолопоклонством бедуинов, обратился в христианство и начал переводить Евангелия на сирийский. Будущий Пророк близко знал многих христиан, одно время даже странствовал вместе с ними и слушал проповеди наджранского епископа ал-Касса ибн Саида, славившегося своим красноречием. Историки находят близкое сходство между отрывками его ярких и поэтичных проповедей и некоторыми местами из Корана.

Несмотря на это, Мухаммед имел смутные представления о христианстве. Знания о нем он черпал из апокрифов и еретических сект, часто имевших мало общего с ортодоксальной верой. В Коран вошли сказания, почерпнутые из апокрифических Евангелий, полных волшебства и чудес, например, эпизод, когда Иисус оживил вылепленных из глины птиц или заговорил еще в люльке. Мухаммед считал, что христианская Троица – это Отец, Сын и Мария, а Святой Дух – просто посредник и посланник, то же самое, что архангел Джабраил (Гавриил). От многих еретиков он слышал, что Христос – не Бог, а человек, и что Его страдания на кресте были призрачными. Разнообразие мнений в разных христианских сектах наводило на мысль, что в Евангелиях нет полной истины и что эти книги искажены.

Одной из идей, твердо усвоенных Мухаммедом у христиан, был Страшный суд – неотвратимая и окончательная кара, которая ждет всех грешников и идолопоклонников. На деле это означало, что и сам он, и все его соплеменники обрече-

ны на адские муки: ведь они занимались идолопоклонством. Со временем Мухаммед все больше приходил к убеждению, что поклонение идолам – это заблуждение, которое ведет к гибели. Существует только единый Бог, «у которого нет товарища».

Что же нужно делать, чтобы спастись? Христианская вера, раздробленная, противоречивая и слишком мудреная, не подходившая ни обычаям, ни нравственному складу арабов, не удовлетворяла Мухаммеда. Он искал свой путь, новое откровение, которое должно было дать ответ на все его вопросы. В этой новой религии не должно было быть ни отвлеченных размышлений, ни логических выкладок: нужны были ясные и конкретные указания, что и как нужно делать. Причем эти указания должны были быть абсолютно достоверными и авторитетными, то есть исходить напрямую от Бога.

За Мухаммедом начали замечать странности. Богатый купец все чаще впадал в мрачное настроение, старался уединиться и отправлялся в долгие прогулки по соседним холмам. Среди возвышенностей возле Мекки, примерно в часе ходьбы от города, была гора Хира, а в горе – пещера, где часто проводил время Мухаммед. Местность здесь была живописна, но уныла: никакой зелени или ручьев, только скалы, камни и обрывы. Днем огромные глыбы раскалялись на солнце так, что прикосновение к ним вызывало ожог. В одном из таких мест он заснул после очередной прогулки, и ему показалось, что кто-то подошел к нему близко и сказал:

читай! Мухаммед стал читать появлявшиеся перед ним слова, и когда проснулся, они ясно отпечатались у него в памяти. Так появились пять первых строчек Корана, священной книги, название которой происходит от слова «читать».

Потрясенный своим сном, Мухаммед бросился домой и рассказал обо всем Хадидже. Призванный в дом родственник Варака объявил, что Мухаммеду явился Святой Дух, тот самый, что говорил с Моисеем.

Это значило, что Мухаммед – новый пророк, посланный арабам.

Но первое откровение едва не оказалось последним. Долгое время Мухаммед больше ничего не видел и не слышал и только в тоске скитался по горам. Им овладело такое отчаяние, что он подумывал о том, чтобы броситься в пропасть и умереть. Наконец, пришло новое видение – некоего божественного существа, архангела Гавриила или самого Господа, спустившегося с неба на высоту в «два выстрела стрелы». Мухаммед вернулся домой, весь дрожа от волнения, и попросил завернуть его теплое одеяло. В этот момент он услышал слова: «Закутанный, встань и увещевай!» (74:1). После этого Мухаммед долгое время пребывал в почти постоянном озарении, принимая поток изливавшихся на него слов, которые составляли все новые главы Корана.

О новом пророке пошли слухи, и скоро у него появились первые последователи. Сначала обратилась его семья: жена, дочери и оба приемных сына – Али и Зейд. К кружку

первых мусульман присоединились несколько дальних родственников Мухаммеда: Саид ибн Абу Ваккам, Зубейр ибн аль-Аввам, Тальха ибн Убейдулла. Большим приобретением для Мухаммеда стал и его давний друг, купец Абу Бакр. Сам Мухаммед был человек экзальтированный и неуравновешенный, склонный к сомнениям и меланхолии, а Абу Бакр воплощал в себе спокойную твердость и надежность, соединенную с ясным разумом и добрым нравом. В будущем он проявил себя как его самый надежный помощник и союзник, ни разу не усомнившейся ни в одном его слове и поступке.

Утвердив веру среди родных и близких, Мухаммед собрал весь клан хашим, чтобы объявить о своей священной миссии. Но его слова были встречены с недоумением. «Будь ты проклят, так вот зачем ты нас собрал!» – воскликнул его дядя Абу Лабах. После этой встречи Аль Лабах разорвал помолвку своего сына с дочерью Мухаммеда, красавицей Рукайей, и Мухаммед выдал ее за одного из омейядов, Османа, тоже ставшего последователем Пророка. Число его почитателей, называвших себя мусульманами (по-рабски муслимуна, то есть «вручившие себя Богу») достигло 43 человек, включая женщин и рабов.

Окончательно осознав себя пророком, Мухаммед решил объявить о своих откровениях всем мекканцам, но в ответ встретил только насмешки и ругань. Когда он шел по улице, мальчишки швыряли в него грязью и кричали: «Смотрите, вот идет сын Абдаллаха, он несет нам вести с неба!» Во вре-

мя его проповедей зрители поднимали шум, начинали громко петь или читать стихи, чтобы заглушить его слова. Его называли помешанным и больным, предлагали лечить лекарствами и пытались вразумить. Скептики спрашивали, чем он может подтвердить свои слова, и требовали чуда: пусть он воскресит своих родителей. Глава омеяйдов Абу Суфийян относился к нему с вежливым презрением, другие не скрывали откровенной вражды. Валид ибн Мугира, шейх клана махзум, собрал в своем доме авторитетных и знающих людей, которые должны были поймать его на противоречиях и доказать, что Мухаммед – лжец и самозванец.

Мухаммеда все это не смущало: он не сомневался в своем призвании. На насмешки он отвечал, что он не чудотворец, а обычный человек, который просто передает слова Аллаха. Они ему не верят, как не верили другим пророкам, но Господь их за это наказал, разрушив целые города. Пусть это послужит им предостережением. В ответ мекканцы кричали, что все его рассказы о Божьих карах – только повторение библейских преданий, «старые сказки», которые он слышал от евреев, а теперь выдает за свои откровения.

На пятый год проповеди произошло обращение еще одного крупного сподвижника Мухаммеда, Омара. Сын негритянки, богатырь огромного роста, Омар был на голову выше всех остальных. Его называли «двуруким», потому что левой рукой он владел так же хорошо, как правой. По преданию, как-то вечером Омар отправился в кабак, чтобы выпить и

развлечься, но дверь оказалась заперта. Слоняясь без дела возле Каабы, он услышал, как Мухаммед читает 69 суру из Корана. «Как хорошо написано, наверно, это поэт», – подумал великан. Но Мухаммед продолжал читать: «Это речь не поэта; в вас мало веры». «Должно быть, он колдун, раз знает мои мысли», – решил Омар. Но Мухаммед продолжал: «Это речь не колдуна». Услышав эти слова, Омар уверовал.

Омар стал третьим выдающимся приверженцем ислама, после самого Мухаммеда и Абу Бакра. Если первый был вдохновителем и источником новой веры, второй – ее разумом и здравым смыслом, то третий – силой и энергией. Мухаммед изрекал откровения, Абу Бакр говорил речи и вел переговоры, а Омар действовал.

Но приобретение Омара, хотя и очень ценное, было только каплей в море по сравнению со стеной враждебности и неверия, которая окружала Пророка в родном городе. Десять лет Мухаммед твердо и мужественно проповедовал свою веру в Мекке, несмотря на притеснения и гонения, доходившие до угрозы смерти. Мужья изгоняли дочерей Мухаммеда из своих домов, новообращенных мусульман морили голодом, заключали в тюрьму, избивали и выставляли днем на солнечное пекло. Несколько рабов были убиты, других удалось выкупить Абу Бакру. Сам Мухаммед сделать этого уже не мог: после начала откровений он забросил свои дела, и его состояние расстроилось. Преследования привели к тому, что большая часть верующих, около сотни человек, бежали из

города и, переплыв через Красное море, поселились в Абиссинии.

В это трудное время даже сам Мухаммед на минуту пошатнулся в вере: он согласился признать трех языческих богинь аль-Лат, Оззу и Манат, если мекканцы признают Аллаха. Сделка состоялась, но в тот же день к Пророку явился архангел Гавриил и укорил его за отступничество. Мухаммед поспешил отказаться от своих слов, заявив, что его соблазнил дьявол.

Бойкот

Проповедуя новую веру, Мухаммед отрицал самые основы арабского общества: семейно-клановую связь и связанное с этим почитание древних идолов. Однако в Мекке его защищала та самая система родовой поруки, которую он отвергал. Семья хашим не приняла пророчеств Мухаммеда, но она горой встала на его защиту, как только ему стал угрожать другой клан. Каким бы ни был этот горе-провидец, он принадлежал к клану, и это было намного важнее его личных качеств. Разногласия в семье были ее внутренним делом, а по отношению к внешним она составляла единый монолит.

Воевать с Мухаммедом означало воевать со всем кланом хашим, а это было трудным и опасным делом, даже для омейядов. Главы курейшитских кланов попытались обратиться к шейху хашимитов, дяде Мухаммеда Абу Талибу, прося его

запретить проповедовать своему племяннику или изгнать его из семьи. Но они получили отказ: Абу Талиб считал, что каждый в его клане имеет право говорить и думать так, как считает нужным. Понимая, чем грозит междоусобица, он все-таки попросил Мухаммеда прекратить публичную проповедь – ведь это может навлечь беду на всю семью. Мухаммед пришел в волнение, заплакал и ответил: «Если бы мне грозили смертью или если бы предложили дать в одну руку луну, а в другое – солнце, я бы и тогда не оставил своего дела!» Это тронуло дядю, и он пообещал, что никогда не лишит племянника своей защиты.

Разозленные курейшиты объявили семье хашим бойкот: не иметь никаких дел с хашимитами, не вести с ними торговлю и не заключать браков. Соплеменники Мухаммеда оказались изолированы в своем квартале, обнесенном каменной стеной: их лишили возможности отправлять своих верблюдов с общим караваном, и им неоткуда было брать деньги и еду. Хашимиты бедствовали и голодали, но держались стойко. В конце концов, их упорство возымело действие: бойкот отменили, а мир был восстановлен. Но гонения на Мухаммеда не прекратились. Наоборот, его положение стало даже еще более тяжелым, поскольку в это время он потерял своего верного покровителя, дядю Абу Талиба. Почти одновременно с ним умерла и его любимая жена Хадиджа.

Миссия в Таифе

Потрясенный двумя этими ударами, Мухаммед попытался вырваться из враждебной Мекки и найти убежище в Таифе. Это был курортный городок, куда в летний зной летом приезжали жители Мекки: роскошный оазис, похожий на те прекрасные и волшебные места, которые так любили воспевать арабские поэты. Здесь росли сладкие дыни, виноград, оливки и инжир, цвели пышные персидские розы и гелиотропы. В легкой тени, овеваемой прохладным ветерком и шумом качающихся пальм, журчала проточная вода. Таиф казался раем для бедуинов, измученных вечным зноем, пустыней и песком.

Большим уважением и авторитетом в Таифе пользовалось трое братьев-купцов, наживших огромное состояние торговлей: к ним и обратился Мухаммед, надеясь через них привлечь на свою сторону весь город. Но они встретили его ничуть не лучше, чем мекканцы. «Если бы Бог хотел послать пророка, он нашел бы кого-нибудь получше», – сказал один из них. Другой добавил, что говорить им не о чем: если Мухаммед посланник Божий, то с ним вообще нельзя спорить; а если он обманщик, то не стоит тратить на него время. Третий не только отказался встретиться с Мухаммедом, но и подговорил народ забросать его камнями. Пророку и его спутникам едва удалось сбежать из города. Избитые и окро-

вавленные, они укрылись в каком-то пригородном саду, где два добрых брата, Утба и Шейба, угостили его блюдом со свежим виноградом. Мухаммед был так испуган и удручен этой неудачей, что не решался вернуться в Мекку, пока за него не поручился знатный мекканец аль Мутим. Только после того, как тот гарантировал ему свое покровительство и безопасность, Пророк вступил в город, обошел семь раз вокруг Каабы и укрылся в своем доме.

Йасриб

Проходили годы. Убежденной в своей правоте, Мухаммед неустанно продолжал искать сторонников везде, где мог: не добившись успеха с мекканцами, он взялся за паломников, в изобилии посещавших город. Но и здесь его усилия долго ни к чему не приводили: бедуины, приезжавшие почитать своих идолов, не спешили верить проповеди новой веры, да еще из уст человека, имевшего дурную репутацию в Мекке. Все шло к тому, что Мухаммед останется «семейным» пророком, а его немногочисленные приверженцы – одной из множества второстепенных сект, которые могут прозябать какое-то время, прежде чем исчезнуть в небытии.

И вдруг ему улыбнулась удача. В потоке паломников Мухаммед встретил горстку людей из племени хазрадж, живших в Йасрибе, большом оазисе к северу от Мекки. Пророк завел с ними разговор и рассказал об Аллахе и своих про-

рочествах. Хазраджи часто слышали от иудеев о грядущем мессии и решили, что перед ними тот самый пророк, которого ждут их еврейские соседи. Они приняли ислам и пообещали рассказать о нем своим соотечественникам. На следующий год в Мекку прибыло уже 12 мусульман из Йасриба. Мухаммед отправил вместе с ними своего сподвижника Мусаба ибн Умейру, способного проповедника, который должен был увеличить число обращенных в Йасрибе. Мусульманская община в городе стала быстро расти.

Мухаммед подтвердил знаменитые слова Христа: нет пророка в своем отечестве. Мекканцы, хорошо и близко знавшие Мухаммеда как человека из своей среды, не приняли его пророчество, так же, как жители Назарета не поверили в божественность Иисуса. Слишком уж земными, обыденными выглядели эти пророки в их глазах. Другое дело чужаки йасрибцы: они слышали о Мухаммеде как о необычном проповеднике, человеке исключительном, особенном, с какими-то чудесными видениями, таинственным и уже имевшем много приверженцев. Ситуация, сложившаяся в их городе, еще больше склоняла их к принятию новой веры. Когда-то Йасриб был целиком еврейским, но бедуинские племена хазрадж и аус потеснили иудеев и начали воевать между собой. Это была одна из тех кровавых безнадежных междоусобиц, которые легче начать, чем закончить. Измученные бесконечными столкновениями и кровавыми стычками, йасрибцы надеялись, что мекканец Мухаммед, этот долгожданный Про-

рок, сможет их примирить и восстановить мир и процветание.

Переезд

Мухаммед продолжал жить в Мекке, но почти не выходил из дома и мало с кем общался: все его мысли были уже в Йасрибе. Пророк задумал неслыханное: оставить свой родной город, разорвать все племенные связи и переехать вместе со своими приверженцами в Йасриб, где его почитали и любили. Для этого он должен был официально объявить о своем желании выйти из собственного рода хашим и перейти под покровительство другого.

Мирадж. По мусульманскому преданию, как раз в эту зиму произошло его знаменитое путешествие в Иерусалим – миражд, продолжавшееся не дольше секунды. Глубокой ночью, когда Мухаммед крепко спал, его разбудил архангел Гавриил и посадил на чудесное животное по кличке Сполох (Аль-Бурак) – крылатого коня с человеческим лицом. Аль-Бурак мгновенно перенес его в иерусалимский храм, где пророка встретили Авраам, Моисей и Христос. После того, как они вместе помолились в храме, Мухаммеду предложили выбор из трех сосудов, наполненных вином, водой и молоком; и пророк предпочел молоко – более питательное и не затемняющее разум.

Затем перед ним открылась лестница, и Мухаммед

поднялся на небо к ангелам. Один из них, по имени Малик, показал ему адское пламя и души грешников, которых Адам отправлял в геенну криком «тьфу!». От этого зрелища Пророк пришел в ужас и попросил поскорей закрыть от него преисподнюю. Потом он последовательно прошел все небеса, встретив Иоанна Крестителя, Иосифа Прекрасного, патриарха Еноха и других персонажей Библии, и, наконец, попал к самому Аллаху, который предписал ему читать каждый день по 50 молитв. Мухаммед, ссылаясь на немощь людей, упросил снизить эту цифру сначала до 10, а потом и до 5. Затем он в один миг вернулся в Мекку и застал свою постель еще теплой, а опрокинутую чашку – не успевшей пролиться.

Рассказ Мухаммеда был так чудесен, что даже многим правоверным показался слишком сомнительным. Только Абу Бакр твердо заявил, что если Мухаммед так сказал, значит, так и есть. За это Пророк прозвал его Ас-Сиддиком – «свидетелем правды».

На следующий год в Мекку прибыла новая делегация паломников из Йасриба. В глубокой тайне были проведены переговоры верующих йасрибцев с Мухаммедом. Разрыв с семьей и родом означал, что уезжавшие теряли насиженные места, связи, имущество и средства к существованию: без договора с йасрибцами они превратились бы в чужом городе в кучку бесправных изгоев. От имени рода хашиим выступил один из дядей Мухаммеда аль-Аббас, человек дальновидный

и практичный, считавший, что оказанная новой секте услуга может принести пользу в будущем. Как законный представитель рода, он передал Мухаммеда и его людей под покровительство жителей Йасриба, которые поклялись защищать их так же, как «защищали бы своих жен и детей».

В Мекке быстро узнали об этом совещании, но сделать ничего не могли: по закону каждый мекканец мог отправляться куда хотел, и никто не имел права ему препятствовать. За несколько дней мекканские мусульмане покинули город вместе со своими семьями, взяв только то, что смогли унести с собой. Последними уходили Моххамед и Абу Бакр. По легенде, курейшиты не хотели отпускать Мухаммеда и даже договорились его убить. Узнав об этом, он ночью тайно сбежал через окно из дома, оставив вместо себя племянника Али, который, завернувшись в его зеленый плащ, изображал для врагов фигуру Пророка. За городом Мухаммеда уже поджидал Абу Бакр с двумя быстрыми верблюдами; они укрылись в горах и три дня жили в пещере, ожидая, когда затихнет погоня. Чтобы скрыть беглецов, вход в пещеру заткал паук, а голубь свил перед ней гнездо. Через восемь дней Мухаммед и Абу Бекр, сделав большой крюк по берегу моря, въехали в предместья Йасриба.

Местные жители сбежались посмотреть на знаменитого пророка. Он ехал по городу, отпустив поводья, чтобы дать верблюду остановиться в том месте, где Аллах предопределил найти себе новое пристанище. Верблюд встал перед до-

мом Абу Аюба аль-Ансари из клана хазраджитов. Хозяин выделил ему несколько комнат и поручил своей жене готовить для Пророка. Мухаммед поселился у них скромным постояльцем, который сам прибирался у себя в комнате и хваливал стряпню хозяйки.

Жены Мухаммеда

Свой первый год в Йасрибе Мухаммед жил в этом доме вместе с присоединившимся к нему женами и дочерьми. Пророк глубоко почитал свою первую жену Хадиджу, но это не помешало ему через два месяца после ее смерти жениться на Саиде, некрасивой и немолодой вдове одного из своих соратников. Еще через несколько месяцев он обручился с Аишей, шестилетней дочерью Абу Бакра. Через три года она переехала к нему в дом и стала его женой. В то время Моххамед был так беден, что даже не смог сделать ей свадебный подарок. На деньги Абу Бакра он построил для Саиды и Аишы два новых дома, а позже, когда жен стало больше, для каждой из них строил новый дом, пока их число не достигло девяти. Обстановка в этих домах была скромной: стены из необожженного кирпича, крыша из пальмовых ветвей, на полу циновка и на ней матрац, набитый пальмовыми волокнами.

Ранний брак. Вокруг малолетства Аишы и ее раннего замужества в свое время было сломано

немало копий. Европейцы и сейчас нередко упрекают Мухаммеда в педофилии. Стоит отметить, что по арабским законам девочка могла вступать в брак в возрасте одиннадцати лет. Но некоторые исламские богословы и историки пишут, что и в браке с девятилетней не было ничего не обычного, поскольку в таких южных странах, как Аравия, месячные у девочек начинаются в 8 лет, а в 9 или 10 они становятся невестами. Кроме того, в мусульманской литературе нет единого мнения о том, в каком возрасте Аиша вступила в брак с Мухаммедом: по разным источникам выходит 12, 17 и 27 лет. Правда, эти цифры нигде не указаны прямо, а получаются в результате косвенных хронологических вычислений.

Аиша стала любимой женой Мухаммеда. Он ценил ее выше всех, давал ей ласковые прозвища – Хумайра («Румянькая»), Шукайра («Беленькая») и аль-Муаффака («Счастливица»), – и одаривал подарками. С каждой из жен пророк проводил одну ночь, но только в ту, когда он приходил к Аише, его посещали божественные видения. Он позволял ей много вольностей – например, давал подсматривать за играющими в мечети суданцами, прикрыв ее полой халата, – и молился в то время, когда она лежала рядом с ним в постели. Словно дети, они бегали наперегонки и мылись из одного сосуда. Аиша гордилась тем, что была единственной девственницей среди жен Пророка. Она часто спрашивала его, насколько крепка его любовь к ней, и Мухаммед всякий

раз отвечал – «как канатный узел». Даже умер он, положив голову на ее колени, и был похоронен в ее доме.

Об остальных женах Пророка известно гораздо меньше. Четвертой женой Мухаммеда, следующей после Аиши, стала восемнадцатилетняя Хафса, молодая вдова бин Умара, погибшего в битве с мекканцами при Бадре. Биографы пишут, что она отличалась «непокорным характером» и по натуре была раздражительна. В одном предании рассказывается, что однажды она застала Пророка со своей служанкой и дело едва не кончилось разводом. Но тут возмутился отец Хафсы: чем провинилась его дочь, что Пророк с ней разводится? Тогда архангел Джабраил объявил, что Мухаммед не должен разводиться с Хафсой, поскольку она благочестива, и дело было закрыто.

Пятая жена по имени Зайнаб бинт Хузайма умерла всего через три месяца после замужества, поэтому о ней мало можно что сказать. Шестой женой была еще одна вдова, Умм Салама, тоже пожилая женщина, имевшая несколько детей, а седьмой – Зайнаб бинт Джашш, бывшая жена его приемного сына Зайда, который с ней развелся. Причиной развода обычно называют высокомерие Зайнаб, гордившейся своим древним родом и считавшим Зайда – бывшего раба – себе неровней. Женитьба на разведенной жене собственного пасынка была настолько необычным делом, что для оправдания ее понадобился специальный аят в Коране: «Мы женили тебя на ней, чтобы верующие не испытывали никакого стес-

нения в отношении жен своих приемных сыновей после того, как те удовлетворят с ними свое желание» (33:37). После этого Зайнаб стала гордиться тем, что стала женой Пророка не по воле людей, а по велению самого Аллаха, – чем сильно раздражало ревновавшую к ней Аишу.

Среди жен и наложниц Мухаммеда было несколько иноплеменниц и иноверок. Пророк брал жен из пленниц и рабынь, как правило, дочерей вождей захваченных племен или красивых вдов, чьи мужья были убиты мусульманами. Христианку Марию он получил в подарок от египетского правителя, и она родила ему единственного сына, Ибрагима. К этой красивой египтянке Аиша ревновал больше всего. Мухаммед с гордостью показывал ей на малыша: смотри, как похож на меня! – на что Аиша мрачно бурчала: совсем не похож. К несчастью, ребенок умер, не прожив и полутора лет.

О точном количестве жен Пророка историки до сих пор спорят. Не все его сватовства были удачными. В Мекке Мухаммед хотел жениться на дочери убитого мекканца. Когда он вошел к ней в дом, она воскликнула: «Прибегаю к помощи Аллаха!» – и Мухаммед, устыдившись, отступился от невесты. Была у него и неудачная попытка развода с Саудой, которой уже исполнилось 60. Усевшись на улице с вещами, она начала так громко возмущаться, что Пророку пришлось принять ее обратно, при условии, что свой день она уступит Аише.

Год хиджры

День переселения (по-арабски – хиджры) в Йасриб стал начальной точкой нового мусульманского летоисчисления. До этого у арабов не было единого календаря, и счет они вели по-разному: то от «года слона», то от смерти легендарного основателя арабской нации Кусая. Но когда арабская держава разрослась, такие разночтения стали неудобны: читая отчеты из дальних областей, халиф часто не мог понять, к какой дате отнести описанные в них события. После долгих раздумий и обсуждений было решено взять за точку отсчета переезд в Йасриб – 24 сентября 622 года. К этому времени название города поменялось на Медину, точнее, на Мадинат ан-Наби – «город Пророка».

В Медине Мухаммед очень скоро стал непререкаемым авторитетом. Если раньше он был только лидером религиозной группы, то теперь превратился в лидера политического. Произошло это не сразу. В 1-й год хиджры в городе жило два арабских племени, хазрадж и аус, и три еврейских – бану кайнука, ан-надийр и курайза. Мухаммеду пришлось с ними договориться, чтобы определить свой официальный статус и права. Все стороны, включая иудеев, согласились не воевать друг с другом, вместе выступать против внешнего врага и подчиняться авторитету Мухаммеда при решении общих дел. Пророк стал чем-то вроде мединского верховно-

го судьи, к которому обращались для рассмотрения личных тяжб и межплеменных раздоров.

В договоре с мединцами мусульмане выступили как новый клан, в который при желании могли переходить представители других кланов. Семейно-родственные отношения здесь уже не имели значения – важней была близость к Пророку и заслуги перед исламом. Первая община делилась не на хазраджей, аусов и курейшитов, вечно враждовавших друг с другом, а на ансаров, то есть местных мусульман, и мухаджиров (совершивших хиджру), приехавших с Мухаммедом из Мекки. Мединские и мекканские мусульмане к тому же побратались – религиозное единство было скреплено кровными связями.

Договор. В соглашении, заключенном в Медине, подробно перечислялись все племена, как мекканские, так и мединские, и для каждого оговаривались их права. В то же время все верующие объединялись в одну общину, противостоящую язычникам. Про каждое племя говорилось, что оно остается, как есть, распределяя внутри себя свои прежние права и обязательства. Кроме того, оговаривалось, что все верующие должны заботиться друг о друге и вместе выступать против неверующих. В договоре было сказано: «Не убьет верующий верующего из-за неверующего и не будет помогать неверующим против верующих»; «поистине верующие – покровители друг другу от остальных людей»; «верующие мстят друг за

друга за кровь, пролитуую на пути Аллаха». В союз на равных правах включались и иудеи, по крайней мере, те, «кто следует за нами». Им предлагались «помощь и равенство, их не притеснят и не будут помогать против них».

Внутри мусульманской общины – по-арабски уммы – Мухаммед обладал безраздельной властью. Он единолично устанавливал все законы, как религиозные, так и светские, определял имущественные отношения между членами общины, предписывал новые правила исполнения обрядов, количество молитв, нормы поведения в личной и семейной жизни. Во всем этом было много привычного, старого, основанного на давних племенных традициях и обиходе бедуинов. В мусульманской умме сохранялись кровная месть, правило виры (выкупа) за убитого и подобные им обычаи.

В Медине ислам стал не только идеологией, но и повседневной практикой. Раньше у арабов не было храмов, кроме Каабы. Теперь Мухаммед построил для мусульман *масджид*, то есть «место поклонения», – первую мусульманскую мечеть, где могли собираться правоверные. Это было большое квадратное сооружение из камня и кирпича, с пальмовыми стволами вместо колон и крышей из пальмовых листьев вместо крыши. По повелению Аллаха мусульмане молились в сторону Иерусалима пять раз в день: на восходе, в полдень, после полудня, на закате и перед сном. Правоверным предписывались обязательные омовения перед каждой молитвой или в

других случаях, требовавших ритуальной чистоты.

Неимущие, ожидавшие помощи от Мухаммеда, жили прямо вокруг его дома: их называли «люди веранды», суффа. Чтобы содержать бедных, все правоверные должны были давать милостыню, позже превратившуюся в обязательный налог.

В новых установлениях Мухаммед намеренно подчеркивал отличие ислама от других религий. Например, посещение мечети было обязательным по пятницам – в этот день в полдень в храме собиралась вся община, – а не по субботам, как у иудеев, и не по воскресеньям, как у христиан. Был установлен 40-дневный пост, как у христиан, но не перед Пасхой, а в месяц рамадан. Вместо христианских колоколов и иудейских труб на молитву созывали голосом. Один из подвижников пророка, Билал, обладал очень зычным голосом – он забирался на крышу дома Мухаммеда и звал всех мусульман в мечеть, возглашая: «Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед Пророк его». Этот призыв стали называть азаном, а провозглашающего – муаззином. Вместо «доброе утро» мусульмане говорили – мир с тобой (салам алейкум), при каждом упоминании об Аллахе прибавляли «святой» или «высочайший», а если заходила о каком-то будущем действии, обязательно добавляли «иншалла» – если будет угодно Аллаху.

Мусульман в Медине становилось все больше, и вскоре местные жители совсем перестали поклоняться идолам. Недовольные и несогласные с исламом постепенно теряли

влияние и авторитет, выдавливались из общества и уходили из города. Так ушел Абу Амир, местный религиозный лидер, ханиф, возглавлявший в Медине кружок почитателей единого Бога. Он стал заклятым врагом Мухаммеда и сражался с ним до последнего вздоха. Многие принимали ислам только формально, по примеру большинства. Таких Мухаммед называл «лицемерами»: они поддерживали Пророка внешне, но втайне были недовольны властью чужака и про себя вспоминали арабскую поговорку: «Откормишь собаку, она тебя и съест».

С иудеями отношения сложились менее удачно. Поскольку Мухаммед утверждал, что продолжает традицию Авраама и Моисея, они стали задавать ему вопросы, проверяя его знания Торы, и обнаружили, что эти знания неудовлетворительны. Евреи смеялись над невежеством Мухаммеда в учении Торы, а он называл их «ослами, нагруженными священными книгами», то есть людьми, которые сами не понимают, что проповедуют. Мухаммед заявлял, что его учение подлинное и первоначальное, а иудеи отпали от Бога и исказили истину. Бог заключил союз с Авраамом именно в Мекке, говорил он, и распорядился построить здесь дом – Каабу, чтобы ее почитали все его потомки. Сын Авраама Исмаил – родоначальник арабов. Значит, религия Авраама древнее и истинней религии иудеев и христиан. Религия Авраама и есть ислам.

Дело кончилось тем, что мединские иудеи отвергли Пророка и превратились из его союзников во врагов. Тогда Му-

хаммед распорядился молиться не в сторону Иерусалима, а в сторону Мекки. Главной святыней стала считаться мекканская Кааба. Обязательным стал хадж – паломничество в Мекку. А отсюда уже можно было сделать вывод, что и сама Мекка должна быть мусульманской.

Битва при Бадре

Недостаток средств после переселения Мухаммед решил пополнять чисто бедуинским способом – грабежом караванов. Его целью было перерезать все пути торговли для мекканцев.

Первые атаки на караваны мекканцев были неудачны, но через год небольшой отряд верных – человек 10–12 – сумел неожиданной атакой застать врасплох мекканцев, взять двоих пленных и захватить товар. Один из мекканцев был убит. Эта удача придала Мухаммеду смелости, и в следующий раз, собрав больше людей, он напал уже на огромный караван, состоявший из тысячи верблюдов и перевозивший товары на сумму в 50 тысяч динаров. Караван сопровождала охрана из 70 человек, тогда как в отряде Мухаммеда было 78 мухаджиров и 230 ансаров. Правда, с конницей у них было плохо: всего два коня и 70 верблюдов, на которых приходилось ехать по очереди.

Мекканцы заранее узнали о грядущем нападении и, возмущившись наглостью мусульман, решили преподать им

урок. Старейшина рода абдшамс Абу Джахл возглавил войско из 1000 человек, 100 коней и 700 верблюдов.

Однако все пошло не так, как рассчитывали мекканцы. Возглавлявший караван Абу Сафьян успел ускоренным маршем пройти мимо города Бадр, где его поджидал Мухаммед, и сообщил Абу Джахлу, что опасность миновала и помощь больше не нужна. Мекканское войско стало расходиться, остались только те, кто хотел отомстить за убитого ранее жителя Мекки. Однако и среди них было много колеблющихся, поскольку далеко не все были связаны с убитым мекканцем узами кровного родства, зато приходились ближайшими родственниками Мухаммеду и его сподвижникам.

Несмотря на численный перевес противника, мусульмане решили дать бой. Мухаммед первым занял выгодную позицию у Бадра – так, чтобы солнце било мекканцам в глаза, – засыпал колодцы на стороне врага, чтобы лишить их воды, и пообещал своим людям помощь Аллаха.

Битва оказалась короткой – мекканцы бросили в бой конницу, и когда пехота мусульман выдержала удар и перешла в контратаку, развернули верблюдов и бежали с поля боя, оставив 50 человек убитыми и столько же пленных. Мертвецов победители бросили в сухой колодец, а пленников со связанными на затылке руками повели в Медину. (Только одному из них, Ан-Надир ибн ал-Харису, некогда высмеивавшему Мухаммеда в Мекке, тут же отрубили голову). Мусульмане захватили богатую добычу, в том числе 150 вер-

блюдов и 30 коней. Мухаммед взял себе знаменитый меч Зул-факар и самого быстрого рыжего верблюда, принадлежавшего убитому шейху. Успех был таким поразительным, что обе стороны пришли к убеждению, что на стороне Мухаммеда воевали ангелы. Очевидцы описывали небесное воинство на пегих конях, облаченное в желтые чалмы. Будто бы ангелов были три полка по тысяче в каждом, а руководили ими Гавриил, Михаил и Сарафилъ. Говорили также, что в решающий момент сам Пророк швырнул во врагов горсть песка и это определило ход сражения.

Вернувшись в Медину победителем, Мухаммед нанес удар по иудеям, не признававшим его авторитет. Еврейский клан бану кайнука был заподозрен в измене или, по крайней мере, во враждебности к исламу. После нескольких уличных столкновений иудеи заперлись в своем квартале и две недели выдерживали осаду мусульман. Другие иудеи, ал-надийр и кузейра, их не поддержали. В конце концов голод заставил осужденных сдаться. Все племя было изгнано из города, а его имущество конфисковано: изгнанники взяли только то, что могли унести с собой. Мухаммед получил из этой добычи пятую часть.

Войдя в силу, Мухаммед позаботился и о том, чтобы расправиться с инакомыслящими. Он не отдавал прямых приказов, а лишь жаловался вслух на тех, кто ему досаждал. Женщина Асма бинт Марван написала на него сатиру, призывая мединцев покончить с властью чужеземца, который без жа-

лости расправился с собственными соплеменниками. «Кто же освободит меня от этой несносной женщины?» – с досадой спросил Мухаммед. Некий Умейр в ту же ночь проник в дом Асме, нашел ее спящей среди своих детей и пронзил мечом. «Ты оказал услугу и Аллаху, и Его Пророку!» – воскликнул Мухаммед, узнав об этом. В другой раз так же ночью в своем доме убили Абу Афака, посмеявшегося высмеять Пророка в своих стихах.

С Каб ибн Ашрафом, еще одним противником Мухаммеда, вышло сложнее: он держался настороже и не давал возможности напасть на него врасплох. Тогда его молочный брат Абу Наила, ревностный мусульманин, уговорил его ночью прогуляться без оружия. Каб ибн Ашраф решил, что от своего родственника ему опасаться нечего, и согласился. Когда они оказались в уединенном месте, Абу Наила по-братски его обнял и начал трепать ему волосы, как бы играя; но вдруг крепко схватил за кудри, бросил на землю и держал до тех пор, пока подоспевшие из укрытия мусульмане не добились жертву. Утром они принесли Мухаммеду голову убитого, и тот восславил Аллаха. Иудеям, пришедшим к нему с жалобой на убийство, Пророк объяснил, что так будет с каждым, кто посмеет обидеть мусульманина. Евреи притихли и больше не смели выступать против Мухаммеда.

Ухуд

Мекканцы не сразу решились отомстить за позорное поражение при Бадре. Долгое время тянулся выкуп пленных: за каждого захваченного в битве мекканца мусульмане требовали по 80 верблюдов. Впрочем, многих своих родственников, попавших к нему в плен, Мухаммед отпустил без выкупа. Некоторые пленники, не имевшие денег, заплатили тем, что обучили грамоте мусульманских детей.

В это время купцы из Мекки втайне отправили небольшой караван с серебром; Мухаммед узнал об этом от пьяного мекканца, проболтавшегося в харчевне, атаковал караван и захватил добычу в сто тысяч дирхемов, из которых двадцать тысяч взял себе. Чаша терпения у мекканцев, наконец, переполнилась: они собрали огромную армию в 3000 человек и двинулись на Медину.

Битва произошла к северу от города у горы Ухуд. Мусульман было втрое меньше, но они дрались храбро и едва не одержали победу: все уже бросились грабить вражеский лагерь, когда с тыла ударила конница курейшитов во главе с Халидом ибн-Валидом и рассеяла нападавших. Мухаммед получил такой сильный удар по голове, что края его железного шлема врезались ему в лоб; соратники едва утащили его с поля боя, отбиваясь от наседавшего со всех сторон противника. Битва была проиграна. Мекканцы сочли себя ото-

мщенными и ушли, не добив поверженного врага.

Однако Мухаммед, как искусный политик, сумел обратить неудачу в свою пользу. Ссылаясь на новые откровения, он объяснил, что все произошло по воле Аллаха и виноваты те, кто не проявил достаточно веры и рвения в борьбе. Обвинив в вероломстве второе племя иудеев, ал-надийр, якобы покушавшихся на его жизнь, он заставил их уйти из города. Мусульманам досталось оружие иудеев и все их имущество, которое те не смогли унести с собой.

Битва у рва

Следующее столкновение мекканцев с мединцами произошло через два года. Мекканцы и их союзники снова двинулись на Медину, собрав почти десять тысяч человек. Мусульман опять было втрое меньше, поэтому они перешли в оборону и применили хитрость, позаимствованную у персидской армии. Город с трех сторон окружили шестикилометровым рвом, через который не могла перебраться мекканская конница. Все попытки прорвать эту оборону: внезапные атаки Халид ибн-Валида, ночные вылазки, – ни к чему не привели. Один раз курейшитам даже удалось прорвать оборону и перейти через ров, но вместо того, чтобы закрепить успех, глава отряда предпочел бросить личный вызов зятю Али. В завязавшейся схватке мекканец проиграл, и весь отряд вернулся обратно.

Через две недели осады мекканцы ушли, потеряв троих человек и убив шестерых мединцев.

Расплачиваться за все пришлось последнему иудейскому племени курайза, которое обвинили в пособничестве мекканцам. Теперь уже некому было оказать им помощь, и Мухаммед не церемонился с бывшими союзниками. Все мужчины у евреев были казнены, а их жены и дети проданы в рабство. Головы рубили с утра до вечера, погибло несколько сотен человек. Убивали даже мальчиков 12–13 лет: мужчинами считались те, у кого уже появились волосы на лобке. Аиша потом вспоминала, как казнили одну женщину, чем-то оскорбившую Пророка: «Она громко смеялась, в то время как посланник Аллаха убивал ее людей. Один из людей схватил ее и обезглавил. Я не забуду, как громко она смеялась, даже зная, что ее собираются убить».

Племя курайза перестало существовать, а в Медине у Мухаммеда больше не осталось ни религиозных, ни политических противников.

Из тех, кто оказался в эмиграции, некоторые тоже не избегли своей участи. Рука Пророка протягивалась далеко. Он послал пятерых человек в отдаленный северный оазис, где жил Абу Рафи, иудей из племени надир, которому исполнилось уже сто лет. Мухаммед считал его своим давним врагом. Один из посланных проник ночью в дом Абу Рафи и в темноте стал звать его, чтобы найти по голосу. Убийца вспоминал: «Я пошел на голос, как будто я хочу помочь ему, и

нашел Абу Рафи, лежащего на спине. Я воткнул саблю ему в живот и давил на нее, пока не услышал звук треснувшей кости». Позже все пятеро пытались приписать себе честь убийства Абу Рафи, но Пророк опознал настоящего героя по его мечу – на нем осталась еда из живота Абу Рафи.

Паломничество

Все это время, словно ведомый тайной силой, Мухаммед неизменно действовал правильно и впопад. Любые, самые неожиданные и необдуманые его поступки оказывались кстати и приводили к благоприятным результатам. Все было ему на руку и все вело к успеху.

Так же удачно Мухаммед задумал совершить паломничество в Мекку, прямо в стан своего врага. Удивленным сподвижникам он объявил, что ночью во сне совершил паломничество в Мекку и ему были даны ключи от Каабы. Этого было достаточно, чтобы развеять у мединцев все сомнения. В путь отправился караван из 1000 человек и 70 верблюдов, которым завязали морды, чтобы и они «постились» во время хаджа. Сам Мухаммед облачился в одежду паломника – белую накидку и белую набедренную повязку.

Пораженные такой дерзостью мекканцы встретили его с войском у границ города и поклялись, что не пустят его в Мекку. Дело едва не кончилось стычкой. У курейшитов появился шанс одним ударом покончить с Мухаммедом и ис-

ламом. Мусульмане находились в чистом поле, вооруженные только «оружием путника», то есть мечами без ножен, без щитов и кольчуг. Сознавая опасность, Мухаммед личного взял с каждого бойца клятву верности. Но мекканцы в последний раз проявили роковую слабость, выбрав путь переговоров. Было решено впустить Мухаммеда и его спутников в Мекку в следующем году на три дня. Курайшитам на это время следовало удалиться из города.

Заключив мир с мекканцами, Мухаммед воспользовался этой передышкой, чтобы добить иудеев, собравшихся возле Медины в оазисе Хайбар. Каждый дом здесь представлял собой отдельную крепость, но это не спасло иудеев от поражения. Мусульмане захватили богатую добычу, однако Мухаммед заметил, что в ней не хватало серебряной посуды, принадлежавшей одному из вождей клана бен надир – Кинане бен Абу-л-Хукайку. Кинана поклялся, что потратил все средства на оборону, но его выдал слабоумный племянник, простодушно рассказавший, где спрятаны сокровища. Кинану и его брата казнили, а овдовевшую жену Кинаны, Сафийю, Мухаммед сделал своей восьмой женой. Остальных иудеев Пророк оставил в оазисе, но обложил данью, обязав их отдавать половину урожая.

В Хайбаре произошло покушение на жизнь Пророка. Одна из местных женщин попыталась отравить Мухаммеда, подложив ему отравленную баранину, но Пророк почувствовал привкус и выплюнул мясо. Отравительницу казнили. По-

том Мухамеду всю жизнь казалось, что этот яд бродит у его в теле, и даже свою предсмертную болезнь он приписал его действию.

Земли Хайбара Мухаммед разделил на две части: половину отдал воинам, а другую – своим женам и родственникам. Больше всех получили Фатима и Аиша. Доход с этих земель состоял в основном из фиников, которые продавали на рынке.

После Хайбара были захвачены или сдались и другие оазисы в окрестностях Медины.

Захват Мекки

В следующем году Мухаммед совершил предусмотренный договором малый хадж (умру) в Мекку. После всех успехов мусульманства чаша весов даже в самой Мекке стала клониться в его сторону. Лучший полководец мекканцев Халид ибн Валид перешел в ислам. Его убедили не пророчества Мухаммеда, о которых он знал и раньше, а его военные победы и неизменная удача во всех делах.

Мухаммед почувствовал себя достаточно сильным, чтобы расправиться со своим главным врагом. В 630 году он собрал огромную армию, включавшую всех его союзников, во главе с Халилом ибн Валидом и подошел к Мекке. Мекканцы даже не думали о сопротивлении, они пытались только договориться о почетной сдаче. Лидер мекканцев Абу Суфьян

принял ислам в обмен на гарантию безопасности и сохранения имущества. Утром мусульмане вошли в пустой город – все население попряталось в домах. Мухаммед пообещал не трогать тех, кто не будет сражаться, и мусульмане беспрекословно выполнили его приказ. Не было никаких убийств и грабежей – дисциплина, немислимая прежде у арабов. Мухаммед семь раз объехал вокруг Каабы на верблюдице и семь раз коснулся жезлом Черного камня. Войдя в святилище, он стал тыкать своим луком в лица и глаза идолов, говоря: пришла истина, ложь исчезла, – и приказал разбить все статуи и уничтожить все росписи на стенах. Он оставил только одну христианскую икону, изображавшую Богоматерь и младенца.

После захвата Мекки Мухаммед дал аравийским племенам четыре месяца на размышление, после чего объявил войну всем, кто не примет ислам: «Сражайтесь с многобожниками всюду, где их встретите, берите их в плен, устраивайте им засады». Ислам начал свое триумфальное шествие по Аравии. Города и оазисы, прежде упорно сопротивлявшиеся мусульманам, теперь сами присылали в Медину послов с извещением о принятии ислама. Несметные богатства и военные победы Пророка были убедительней всяких слов, тем более, что Мухаммед щедро раздавал дары своим бывшим противникам. Вождю враждебных племен Малику ибн Ауфу он предложил вернуть его семью, а также все захваченное у него имущество и сто верблюдов в подарок, если тот примет

ислам; предложение было с благодарностью принято. Злейшим своим врагам курейшитам он дал больше земель и богатств, чем верным ансарам. Как было устоять перед такой щедростью? В то же время он без сожалений казнил тех, кто пытался усомниться в истинности его миссии и высмеивал его пророчества. Были убиты даже две рабыни, распевавшие про посланника Аллаха юмористические песенки.

Классическая политика кнута и пряника действовала на арабов безотказно. Девятый год хиджры прозвали «годом делегаций» из-за непрерывного потока племен, желающих принять ислам. Каждое племя старалось при этом выторговать себе максимальное количество выгод, вроде сокращения налогов и освобождения от военной службы. Сакифиты из оазиса Таиф особо настаивали на праве пить вино, что было запрещено Кораном.

Наибольшая опасность исходила не от политических, а от религиозных соперников Мухаммеда. В Йамаме, занимавшей центр Аравии, появился свой пророк по имени Мусайлима. О его учении ничего неизвестно, кроме того, что он тоже впадал в транс и имел откровения от Бога. Мусалийма имел много сторонников и даже отправил Мухаммеду предложение разделить власть в Аравии пополам.

В северном Йемене на лавры пророка претендовал некий Абхала ал-Асвад, который так же, как Мухаммед, заворачивался с головой в плащ и получал видения от Аллаха. Мусульмане не отрицали этих видений, но говорили, что их по-

сылает шайтан.

Все арабские пророки были очень воинственны, иначе их никто не стал бы слушать. Ал-Асвад захватил столицу Йемена Сану и выгнал людей Мухаммеда, посланных собирать дань. Их примеру последовал Тулайха бен Хувайлид из племени бану асад.

Смерть Пророка

Несмотря на свои 62 года, Мухаммед все еще был здоров и крепок телом. Во время последнего хаджа он, побрившись наголо, лично забил в жертву 36 верблюдов. Посланник Аллаха был неутомим в походах, спал в палатках и отдыхал стоя, прислонясь к скале.

Но накануне очередного похода Мухаммед внезапно заболел. У него начались головные боли, лихорадка, отек ног. Временами он впадал в беспамятство, но не позволял себя лечить, желая страданиями очиститься от грехов. Под конец он перестал соблюдать очередность жен и поселился у Аиши, куда его пришлось нести на руках. Аиша присутствовала и при его смерти. «Я посадила его так, чтобы он опирался на меня, и положила на него руку. Голова его повернулась, и моя рука упала с нее, изо рта его мне на грудь упала холодная капля, и он повалился на постель». Вошедшим соратникам она сказала, что ее муж в обмороке. «Это самый глубокий обморок, который был у посланника Аллаха», – заметил

один из них, взглянув на его лицо. Выйдя на улицу, он объявил о смерти Пророка.

Многие не поверили этому известию. Пошли слухи, что Аллах только на время взял Мухаммеда к себе на небо и скоро он вернется обратно, как Моисей вернулся с горы Синай. Тогда Абу Бакр сказал: «Кто поклонялся Мухаммеду – знайте, что он умер; а кто Аллаху – что тот не умер и никогда не умрет».

Похоронили его на том же месте, где он скончался, – прямо в доме Аиши.

Как ислам изменил жизнь арабов

Вера в Аллаха надела на свободолюбивых бедуинов как бы жесткий панцирь, который не только пришелся им впору, но и сделал их более дисциплинированными, целеустремленными и практически непобедимыми. Перемены коснулись всех сторон их жизни, включая быт, культуру, войну, семью и хозяйственную жизнь.

До ислама арабы делились на племена и верили в разных богов. Новая вера, принесенная Пророком, объединила их в один народ и сделала всех мусульман братьями. Племенная рознь и кровная месть (по крайней мере, в теории) полностью упразднились.

Если во времена джахилии поведение арабов не отличалось особой нравственностью, то по новым правилам цело-

мудрие вне брака должны были хранить и женщины, и мужчины. Женщине предписывалось носить хиджаб, почти полностью закрывавший ее тело: ибо вся она, включая волосы и глаза, представляла собой сплошной соблазн.

Ислам узаконил многоженство, включавшее четырех законных жен и неограниченное число наложниц. На деле мусульманин имел столько жен, сколько мог содержать, чаще всего – одну. Все преимущества в браке были на стороне мужа. Он легко мог получить развод, просто выразив такое желание. Законными считались дети, которых признал отец, независимо от того, родились они от законной жены или рабыни. Наследство распределялось между всеми детьми, но дочери получали вдвое меньше, чем сыновья.

Пророк проповедовал милосердие ко всем, даже к рабам. Их запрещалось жестоко наказывать и убивать, а продавать разрешалось только в крайнем случае. Наложницу, давшую потомство, нельзя было продать, а после смерти хозяина она получала свободу. Освобождение раба вообще считалось благочестивым делом, невольник мог и выкупиться за деньги.

Одним из самых главных новшеств ислама стал джихад – священная война, которую можно было отложить на время, но нельзя было отменить. Джихад был обязателен против всех язычников. Что касается иудеев и христиан, то они подлежали уничтожению, если трижды отказывались принять ислам. Предполагалось, что в завоеванных странах мужчин

следует убивать, а женщин и детей отдавать в рабство. На деле часто ограничивались тем, что брали дань. Это было выгодней и избавляло мусульман от необходимости проливать реки крови.

Пророк не любил поэзии и поэтов, особенно если они не служили исламу. При нем были казнены несколько слагателей эпиграмм и сатирических стихов, посмешивших неуважительно отозваться о посланнике Аллаха. Но когда послы племени темим выставили поэта, который воспел достоинства их клана, Мухаммед вызвал своего придворного поэта, Хассана ибн Сабиту, и тот победил в состязании. У мусульман все должно было быть лучше, в том числе стихи.

Плащ Пророка. Поэт Каб часто высмеивал своего брата Буджейра, принявшего ислам, и когда власть в стране перешла к Пророку, оказался под угрозой смертной казни. Тогда Каб, пробравшись в мечеть, где находился Мухаммед, выпросил у него прощение и прочел ему новые стихи, воспевавшие посланника Аллаха. Там были такие строчки: «Посланник – это меч, сверкающий во мраке; сам Бог орудие святое закалил». Восхищенный Мухаммед снял мантию со своих плеч и набросил на Каба. Позже поэт так дорожил этим подарком, что отказался продать его даже за целое состояние – десять тысяч дирхем.

Предписания в еде в исламе были близки к иудаизму. Запрещалось есть определенные виды животных (собак, свиней, хищников), удавленину и то, что было осквернено, на-

пример, прикосновением неверного. Под запрет попало и вино, хотя многие пытались его обходить, употребляя вместо виноградного вина ячменное пиво или вино из фиников.

Главное достоинство мусульманина состояло в том, чтобы строго исполнять обряды и платить налог на милостыню, закят. Все остальное, в том числе и добрые дела, было вторично. Честность и доброта имели значение не сами по себе, а как форма повиновения Аллаху. Кроме милостыни, пять обязанностей мусульманина, в которых заключалась суть ислама, включали омовение, молитву, пост и хадж.

Мусульманин должен был омываться перед каждой молитвой. Омовение требовалось для того, чтобы очиститься от скверны. Оскверниться же можно было очень легко, например, прикоснувшись к вину, падали, нечистотам или даже неверному. В зависимости от серьезности дела омовение могло быть малым (когда очищали только лицо, руки до локтя и ноги до лодыжек) и большим. При необходимости вместо воды разрешалось использовать песок.

Молитва – намаз – совершалась 5 раз в день. В молитве были строго определены не только слова, но и правильные телодвижения, которые составляли несколько чередующихся циклов. Циклы назывались «кругами» – ракат. Каждая молитва должна была состоять не менее, чем из двух ракатов. Если молящийся не знал, где восток, он мог прибегнуть к компасу.

В месяц Рамадан проходил пост, когда в течение дня за-

прещалось есть, пить и вступать в интимную близость. Это было время молитвенных подвигов и душевной чистоты, чтения Корана и других богоугодных дел.

Паломничество в Мекку считалось обязательным. Мусульманин мог отговариваться тем, что он беден, болен, связан разными обстоятельствами, в крайнем случае – посылать вместо себя заместителя. Но все это были отклонения от общего правила, заключавшегося в том, что каждый мусульманин хотя бы раз в жизни должен совершить хадж.

Почитание Мухаммеда

После своей смерти Мухаммед стал образцом для всех мусульман, старавшихся подражать его жизни. Его соратники и близкие бережно собирали самые мелкие подробности его быта: какой у него был плащ, что он ел, как умывался, чем расчесывал бороду. Со временем эти мелочи тоже превратились в обязательные предписания и правила ислама.

Арабам было за что любить Мухаммеда. Дипломат, политик, полководец, законодатель, религиозный реформатор – он полностью изменил их жизнь, сделав одной из величайших наций мира. Арабы не только осознали себя единым народом, верящим в единого Бога, но и народом исключительным, мессией, призванным обратить весь мир в новую и окончательную веру.

Многие современники любили его не только как Пророка

ка, но и как человека. У Мухаммеда было немало привлекательных черт и несомненных достоинств. Огромная власть не вскружила ему в голову, не превратила в лицемера и тирана, как это часто случается в истории. Окруженный всеобщим поклонением и сознавая себя избранником Аллаха, он тем не менее сохранял благодушие и скромность, не требовал себе никаких исключительных прав (кроме многоженства) и вел простую жизнь.

Несмотря на свою нервическую утонченность, в трудные минуты он всегда проявлял мужество и присутствие духа. Во время битвы с Маликом, окруженный врагами, он выхватил меч и воскликнул: «Ко мне, сыны древа!» Даже во время предсмертной болезни Мухаммед сохранял полное самообладание и продолжал заниматься повседневными делами. Только однажды он заметил, что из двух жизней: на земле и у Аллаха, – он выбирает ту, что у Аллаха.

Мухаммед до конца жизни сохранял веру в свою миссию и не сомневался, что исламу суждено завоевать весь мир. Если иногда он поступал жестоко, то извинял себя тем, что следовал своим предшественникам, которые, как он считал, делали то же самое. Мухаммед не сомневался, что Иисус вместе с апостолами тоже воевал с евреями. Себя он считал только еще одним пророком, которые все излагали одно и то же учение, только они были даны другим народам, а он – арабам. Он был пророк арабов, равноценный Иисусу, пророку евреев.

В конце жизни Мухаммед удовлетворенно заметил: поистине я совершил все, предначертанное для меня.

Аль-Курди, «Книга вечных даров». «Он ел верблюжье мясо, баранину, мясо курицы, рыбу, свежие и сушеные финики, пил чистое и смешанное молоко. Он ел хлеб с финиками: иногда натошак, иногда добавлял жир. Он ел жареную печень овцы, сушеное ломтиками мясо и молодую саранчу, которую он любил, как любил сыр, тюрю, хлеб с изюмом и маслом. Он ел мясо птиц, которые попадались ему случайно. Но никогда не гонялся и не охотился за ними с умыслом. Он мог съесть упавший на землю кусок хлеба, говоря: “Не оставим этот хлеб шайтану!” Он не ел стоя. Из фруктов больше всего он любил виноград и арбуз. Его постель была из грубой кожи и джута длиной в два локтя с лишком и локоть с небольшим шириной. Иногда он спал на циновке и на земле. Он любил уют и не любил сильный ветер. Он использовал благовония миск, камфору, гуд и подкрашивал глаза сурьмой».

Читайте в Приложении. Чудеса Пророка

Глава 4. Четыре праведных халифа (и один под вопросом)

После Мухаммеда

Мусульманская община сформировалась вокруг одного человека, и пока он был жив, никому не приходило в голову думать о его преемнике.

Но когда Пророк умер, сразу обнаружилось, что среди верующих нет единства. В самом сердце ислама, Медине, мусульмане делились на два лагеря: пришлых мекканцев – мухаджиров, и местных мединцев – ансаров. Уже на следующий день после смерти Мухаммеда обе эти партии собрались в разных палатках и стали выбирать нового правителя. Каждая половина считала, что достойна дать преемника Пророка из собственных рядов.

Лидером мекканцев был ближайший сподвижник Мухаммеда Абу Бакр. Узнав о совете мединцев, он бросился со своими сторонниками в их палатку. В разгаре вспыхнувших споров Абу Бакр проявил самообладание и красноречивость, сумев убедить обе стороны, что его кандидатура наилучшая. В самый критичный момент, когда весы еще колебались, положение спас мединец Бешир: охваченный религиозным вдохновением, он изменил собственной партии и

первым принес присягу Абу Бакру. Вслед за ним присягнули все мединцы и мекканцы. Один только Али, зять Мухаммеда и муж единственной оставшейся в живых дочери пророка Фатимы, долго не хотел признавать первенство Абу Бакра. Но через полгода сдался и он.

Абу Бакра называли «заместителем посланника Аллаха» – халифа расули-л-лах, или проще – халифом.

Однако авторитет у Абу Бакра был не такой, как у Мухаммеда. Раньше конфликты среди мусульман решались легко: Пророку достаточно было сказать новую строку из Корана. Теперь пророчества закончились, и приходилось полагаться только на себя. Права любого правителя могли быть подвергнуты сомнению – ведь он не пророк Аллаха. Новых же пророков, по учению ислама, больше быть не могло. Поэтому по-настоящему нового вождя арабов признали только в Медине. Другие арабские племена считали, что принесли присягу самому Мухаммеду, а раз он умер, они больше никому ничего не должны. Мухаммед был посланник Божий, а кто такой Абу Бакр? «Мы рабы Аллаха, а не Абу Бакра», – говорили бедуины. Они презрительно называли халифа «человеком из рода тайм».

Начался процесс, который в арабской истории называют ридда: массовое отпадение племен от ислама и отказ платить положенную дань – садаку. Для многих именно вопрос садаки был ключевым: они соглашались принять новую религию, если это им ничего не стоило. Несколько племен пред-

ложили халифу договор, по которому они обязались и дальше признавать ислам, но без уплаты дани. Но Абу Бакр тоже прекрасно понимал решающее значение денег – именно они были фактическим выражением власти. Он резко ответил: «Без садаки нет ислама».

В конце концов, Аравию пришлось завоевывать заново. Мусульманское ядро в Медине должно было на деле доказать свои права на власть. И оно стало делать это всеми доступными способами, от прямой военной силы до подкупов и убийств. К влиятельному ал-Асваду, правившему в Йемене, подослали убийц: они проникли в его спальню, пока он спал, и отрубили ему голову. Пророчице Саджах, вторгшейся в Аравию во главе нескольких кочевых племен, пришлось бежать от вооруженных отрядов мусульман. Другой пророк, Тулайха бен Хувайлид, собрал большую армию, но арабы по очереди разгромил его союзников и напали на самого Тулайху. В упорной битве полководец арабов Халид аль-Валид сумел остановить своих бежавших воинов и лично убил вражеского знаменосца: это решило исход битвы. Пока шел бой, Тулайха лежал у себя в палатке в трансе, завернувшись в плащ; узнав о поражении, он вскочил на коня и бежал вместе с женой.

Халид аль-Валид сыграл решающую роль в победе мусульман. Его почтительно называли Сайфу-ллах – «меч Аллаха». Вместе со своей армией он прошел по всей Аравии, убеждая бедуинов железом и пламенем, что ислам – это ис-

тинная религия и садаку лучше платить. Но сами мусульмане относились к нему неоднозначно. Говорили, что Халид проливал кровь мусульман. Однажды, возвращаясь в Медину, он вез с собой знатного пленника, вождя племени бан йараб по имени Малик, и его красивую жену. Ночью во время привала Малик был убит. Почему это произошло, точно неизвестно: рассказывали и о случайной ошибке (якобы Халид приказал обогреть пленников, а слугам послышалось слово «убить»), и о грубых словах, за которые поплатился Малик. Зато достоверно известно, что вскоре Халид женился на вдове убитого.

В последнем сражении за восточную Аравию врагами мусульман командовала женщина. Это была Салма, дочь Умм Кирфы. Ее мать некогда убил Зайд бен ал-Хариса, любимец Мухаммеда, разорвав напополам между двумя верблюдами. Воинственная Салма билась до последнего, стоя на спине верблюда, и пала, окруженная трупами врагов.

Разобравшись с восточной угрозой, Халид отправился на запад, в Йамаму, и напал на последнего из оставшихся лжепророков, Мусайлиму. Его сторонники показали себя храбрыми бойцами и в кровопролитной битве все пали на поле боя вместе со своим предводителем. Мусульмане тоже понесли сильный ущерб: многие видные сподвижники Мухаммеда были убиты, а Халид ранен. Но это не помешало женолюбивому военачальнику сразу после боя справить свадьбу с дочерью одного из захваченных в плен врагов.

Читайте в Приложении. Как Абу Бакр стал халифом

Завоевание Персии

Аравия, как мы помним, находилась между двух великих держав – Византией и Персией. Дойдя до ее границ, арабы неизбежно должны столкнуться с обеими. В 633 году, продолжая двигаться на восток, мусульманская армия, возглавляемая неутомим Халидом аль-Валидом, вторглась во владения Персии.

Неизвестно, что персы думали в это время об исламе, но первую же битву при Хире они проиграли. Арабы захватили в бою слона и драгоценную диадему персидского наместника Хормизда. Драгоценности бедуины видели и раньше, а вот приведенный в Медину слон всех изумил. Многие не могли поверить, что такое животное существует на самом деле, и считали его каким-то искусственным творением. Диадему, стоившую сто тысяч драхм, Абу Бакр подарил самому Халиду.

Халид брал крепость за крепостью, облагая данью тех, кто сдавался на милость, и истребляя тех, кто сопротивлялся. В сражении на Евфрате Халид поклялся, что если Аллах дарует ему победу, река потечет кровью. Когда битва была выиграна, он выполнил свою клятву – приказал перебить всех пленных, чтобы вода превратилась в кровь. При взятии Айн

ат-Тамра Халид из всех жителей пощадил только сорок христианских учеников, спрятавшихся в церкви: он обратил их в рабство и раздал своим военачальникам.

В битве у Аль-Фирада персы объединились с византийцами, чтобы дать отпор арабам, но это им не помогло. Наступление на востоке остановила только еще более крупная экспансия на западе. Абу Бакр направил в Сирию и Палестину сразу три арабских армии. Халида он тоже перебросил на запад, и персы, воспользовавшись этим, временно оттеснили арабов назад к Евфрату.

В Персии в это время шла гражданская война. Государственные перевороты следовали один за другим. Все кончилось тем, что молодой претендент на трон Йездегерд III в союзе с Рустамом, наместником провинции Хорасан, сверг с трона царицу Азармедохт и стал новым шахиншахом.

Йездегерд разделил свои силы на три армии и бросил их против арабов. Во главе мусульман в это время стоял опытный Мусанна, но Абу Бакр заменил его Абу Бейдом: Мусанна принял ислам только после смерти Мухаммеда и поэтому считался ненадежным мусульманином. Абу Бейд успешно разбил два персидских войска, но в сражении с третьим попал в ловушку, расставленную персами. Предводитель персов Бахман, словно подвергая сомнению храбрость Абу Бейда, предложил ему выбрать, на какой стороне реки он хочет сражаться. Пылкий араб немедленно бросился на другой берег и демонстративно разрушил за собой мост, чтобы побе-

дить в бою или погибнуть. Вскоре он пал, растоптанный слонами, и арабы, потеряв предводителя, бросились обратно в воду. К счастью, нашелся смельчак, который со своим отрядом прикрывал их отступление, пока мост не был восстановлен.

Персы не смогли воспользоваться плодами этой победы – им пришлось вернуться в свою столицу Ктесифон, где продолжались беспорядки, а арабы восстановили силы и с еще большей армией вновь вторглись в Персию. Тридцатитысячное войско мусульман во главе с Мусанной встретилось у Евфрата с персами, которыми командовал Михран Хамадани. На этот раз персы сами перешли через реку и двинулись на врага тремя колоннами, каждую из которых возглавлял слон. Арабы дрогнули, но им на помощь подоспели союзники-христиане с двухтысячным отрядом: они нанесли мощный удар по персам и убили их предводителя Михрана. Это решило исход битвы. Персы были разбиты, а их войско почти полностью уничтожено.

После этого страшного разгрома персы мобилизовали все свои силы. Рустам сформировал новую армию, собрав войска из всех провинций. Халиф Омар, сменивший Абу Бакра, в ответ призвал арабские отряды с юга и запада, где арабы разбили византийцев и крупные силы могли быть временно переброшены на восток.

Битва при Кадесии

Перед битвой обе стороны провели переговоры. Арабы, как обычно, требовали принятия ислама или выплаты дани, персы не соглашались и предлагали незначительные уступки, которые были заведомо неприемлемы для арабов. Той же ночью Рустам навел через реку переправу, соорудив импровизированный мост из земли, сухого тростника и конских седел. Его армия – около 40 тысяч солдат и 33 боевых слона – вытянулась на другом берегу реки, и Рустам воссел на троне посреди своих войск. Над ним развернули огромное сасанидское знамя, сшитое из тигровых шкур, – 6 метров в ширину и 40 в длину.

Арабов было почти вдвое меньше – 20 или 30 тысяч воинов. Они выстроились напротив вдоль оборонительного рва и крепости Кудайс. После полуденной молитвы, на которой была прочитана специальная сура «война», арабы пошли в наступление под крики «Аллах акбар!» В ответ персы бросили в бой слонов и отборную конницу с закованными в броню всадниками. Эта двойная атака едва не решила исход битвы. Слоны, расставленные по всему фронту, были мощной ударной силой, и арабы с трудом выдерживали их напор. Арабские воины демонстрировали храбрость, выходя на поединки со слонами: кололи длинными копьями им в глаза, отрубали хоботы саблями и старались сбить боевые башни. Пер-

вый день сражения кончился ничем; ночью с поля боя подобрали тела убитых и раненых.

На второй день к обеим сторонам подошли подкрепления, и схватка началась снова. Арабы водрузили на спины верблюдов палатки и посадили в них лучников; персы окружили своих слонов пехотой, не давая поражать их в глаза и хобот. Рукопашная длилась несколько часов, не принося никому победы. К концу дня персы пошли в атаку длинными цепями, загибавшимися по краям, чтобы сломить сопротивление арабов мощным натиском пехоты, но и эта тактика не принесла успеха. Ожесточенная битва продолжалась весь вечер и не утихла даже ночью, когда никто уже ничего не видел в темноте и не понимал, что происходит: только звенели вокруг щиты и казалось, что во мраке бьют тысячи наковален (позже эту схватку прозвали «ночь грохота»). Утром третьего дня атака арабов в центре увенчалась успехом: персы, ослепленные бившей им в глаза пылью, не выдержали и побежали. На поле боя остались только несколько десятков солдат, решивших сражаться до конца и умереть; почти все они полегли под мечами и копьями арабов.

Мусульмане потеряли каждого третьего солдата; Рустам был убит. Разбитые персы бросили столицу Ктесифон и убежали в горы, в укрепленную крепость Хильван. В Ктесифоне арабы захватили сокровищ на 900 миллионов дирхемов. Персы успели забрать только казну, но оставили все драгоценности. В их числе было много редкостей: золотая ло-

шадь с зубами из драгоценных камней, поразивший бедуинов серебряный верблюд в натуральную величину с золотым всадником в седле, мечи, принадлежавшие некогда могущественным царям, в том числе римским императорам, – вся история могущества и славы Персии. Одним из трофеев стал гигантский ковер, усыпанный изумрудами, жемчугом и другими самоцветами, изображавшими цветущий сад. Ковер был настолько большим, что в Медине не знали, что с ним делать; в конце концов, его разрезали на куски и поделили.

Арабы обогатились так, что потом об этом времени рассказывали легенды. Какому-то бедуину из добычи достался огромный перстень, стоивший несметных денег, но он продал его купцу всего за тысячу дирхемов. Когда его спросили, почему так дешево, бедуин ответил, что назвал самое большое известное ему число. Некоторые солдаты вместо соли употребляли в пищу драгоценную камфару, которая стоила целое состояние. Один воин обменял золотое блюдо на серебряное – он думал, что серебро дороже.

Хумс. При разделе добычи солдаты могли брать только трофеи с лично убитого врага. Все остальное сдавалось в общую кассу, которая затем делилась по правилам, установленным Пророком. Пятая часть захваченного – хумс – выделялась самому халифу, а оставшееся равномерно распределялось между воинами, с учетом того, что конница получала втрое

больше пехоты.

Конец Персии

Персы еще раз собрали все силы и дали бой при Нихавенде, но снова проиграли. После этого поражения Персия распалась на отдельные области и крепости, в которых местные князьки отсиживались еще какое-то время, пока не были разбиты один за другим. Пали главные оплоты персов: Нихавенд, Хамадан, Исфахан, Рей, Мерв. Персидский шах Йезегерд, бежавший из города в город, укрылся на какой-то мельнице, но был найден и убит. Ему едва исполнилось 28 лет. По преданию, его похоронили местные христиане – из уважения к его бабке Ширин, которая была христианкой и отличалась добротой и благочестием.

Арабы хлынули дальше на север и восток Ирана, следуя по стопам Александра Македонского. Маленький Нихавенд откупился, выслав на переговоры зороастрийского жреца, который предложил арабам два сундука с драгоценным жемчугом. Богатый Хамадан, больше известный как Экбатана, древняя столица Мидии, сдался мусульманам без боя. Мощный Рей мусульмане захватили благодаря вражде между двумя знатными персидскими семьями, Михран и Зинави. Михраниды правили городом сотни лет, и Зинавийцы из зависти к ним переметнулись на сторону арабов. В награду после взятия Рея арабы поставили их у власти как своих заместителей.

ников.

На волне успеха мусульманская армия двинулась на север и вторглась в Азербайджан. Проиграв несколько сражений, азербайджанский царь Исфендиар признал себя побежденным и согласился выплачивать дань. Дальше начинались кавказские горы, а за ними – степи кочевников, воевать с которыми арабы не стали. Их дело было не нести цивилизацию и культуру диким народам, как римляне или македонцы, а собирать плоды других цивилизаций. Поэтому каспийские степи арабов не интересовали: там нечем было поживиться, а без хорошей добычи распространять ислам среди бедных кочевых племен им было неинтересно. Здесь арабские завоевания достигли своего северного предела, дальше которого уже не распространялись.

Война с Византией и гуманность арабов

На западе арабы продолжали воевать с византийцами в Сирии и Палестине. Призванный с востока Халид аль-Валид совершил дерзкий бросок прямо через пустыню, где его войско пять дней и ночей шло без воды от одного колодца до другого. Он взял с собой 20 верблюдов и каждый день убивал по четыре верблюда: водой, хранившейся в их желудках, поили лошадей, а мясо шло на ужин воинам. Этих запасов, должно было хватить как раз на пятидневный переход: стоило им немного отклониться от пути, и все погибли бы от

жажды. Но когда через пять дней арабы добрались до оазиса Сува, где находился водопой, оказалось, что воды в нем нет. В отчаянии солдаты бросились копать песок и спустя несколько часов, на большой глубине, все-таки нашли воду.

Благодаря этому смелому маневру Халид оказался прямо у столицы Сирии, Дамаска. Местные жители, сирийцы, были настроены против Византии из-за религиозных разногласий. Арабы казались им более мягкой и терпимой властью, чем православные ромеи, безжалостно выжигавшие яковитскую ересь.

Арабы действительно в целом вели себя сравнительно гуманно и дисциплинированно, соблюдая правила ведения войны, предписанные исламом. Абу Бакр наказал войскам соблюдать десять правил: не калечить, не красть, не обманывать, не нарушать договоров, не убивать стариков, жен и детей, не рубить пальм и плодовых деревьев, не убивать скота и не брать у местного населения больше, чем это нужно для нужд войска. Этим арабы выгодно отличались от византийских армий, после каждой победы получавших города на бесконтрольное разграбление и избиение жителей. Но говорить о каком-то добросердечии арабов не приходится: это были суровые солдаты, проявлявшие подчас страшную жестокость. Правила Абу Бакра соблюдались далеко не всегда, и в тех случаях, когда гарнизон отказывался сдаться и город захватывали силой, о них редко кто вспоминал.

История арабских завоеваний пестрит историями, где во-

ины Аллаха убивали без разбора все мирное население, включая монахов и епископов. Так произошло в персидском городе Тустаре, где предатель открыл арабам ворота города. В захваченном Истахре (персидская провинция Фарс) Ибн Амир поклялся не останавливать бойню до тех пор, пока из его ворот не потечет кровь, и выполнил свою клятву. Другой полководец, Саид, пообещал жителям Тамисы (персидская провинция Джурджан), что после сдачи города не будет убит ни один человек, но потом заявил, что они неправильно его поняли, а на самом деле он сказал: будут убиты все, кроме одного человека, – что и исполнил в точности. Не менее жестокая резня случилось в армянском Арцапе. В египетской Никиу мусульмане, по рассказу хрониста Иоанна, «перебили всех, кого нашли на улицах и в церквях, мужчин, женщин и младенцев, не милуя никого». Интересно, что полководец, руководивший этой бойней, был так чувствителен, что накануне штурма запретил разбирать свой походный шатер, потому что за время стоянки в нем успела свить гнездо голубка. Для охраны этого голубиного гнезда к шатру даже приставили часового.

Омар

В разгар своего правления Абу Бакр простудился после бани и заболел лихорадкой. Он умер в 63 года, в том же возрасте, что и Мухаммед.

Все историки изображают его достойным человеком. Обладая огромной властью, Абу Бакр вел скромную и неприхотливую жизнь и сам зарабатывал себе на хлеб, пася овец и торгуя одеждой на базаре. После смерти из его имущества остался только один раб, верблюд, на котором возили воду, и поношенная одежда. Ночью небольшая группа близких похоронила его рядом с Мухаммедом, и на его могиле не оставили ничего – ни камня, ни даже холмика земли. Смерть его была так же аскетична, как и жизнь.

Перед смертью Абу Бакр назначил преемником Омара. Кто-то из приближенных усомнился в правильности выбора, заметив, что Омар слишком груб. «Он груб, потому что я мягок, – возразил Абу Бакр. – А когда он останется один, ему придется смягчиться».

Омар пришел к власти в расцвете сил, когда ему было чуть больше 50. Он отличался огромным ростом – был выше всех арабов, – и быстрой походкой, имел лысину, обрамленную седыми волосами, и бороду, крашенную хной в рыжий цвет.

Это был самый энергичный и самый сильный из «праведных халифов». Он уверенно держал в руках все нити власти, сдерживая честолюбие и жадность наместников в завоеванных областях и умело управляя армией.

Омар был не только силен и решителен, но и мудр. Соратники вспоминали случай, когда он осмелился противоречить самому Пророку. Перед смертью Мухаммед потребовал бумагу, чтобы продиктовать свою последнюю волю, но Омар

отговорил его от этого намерения, боясь, что в помрачении ума, вызванном болезнью, Пророк может чем-нибудь навредить делу веры.

Слова Абу Бака о «смягчении» Омара сбылись только отчасти. Строгость халифа в вопросах веры была неумолима, а кнут Омара, которым он лично хлестал нарушителей шариата, вошел в легенду. Но в отношении некоторых «грешников» он порой проявлял неожиданную мягкость, если не лукавство. Об этом говорит известная история с Мугирой.

Мугира был уважаемым сподвижником Пророка – он относился к так называемым «участникам клятвы в Худайбии». И вдруг его обвинили не в чем-нибудь, а в смертном грехе прелюбодеяния. Мугира славился своей любовью к женщинам – говорили, что только официально он был женат 300 раз. Будучи наместником Басры, он вступил в связь с замужней женщиной Умм Джамил, и это не осталось незамеченным: на него донес бдительный сосед, который лично поехал в Медину и доложил обо всем Омару. В доказательство своих слов он, как положено в исламе, предоставил четырех свидетелей, которые тайно наблюдали за свиданием Мугиры и его любовницы. За прелюбодеяние Мугире грозило побивание камнями. Однако Омар встал на сторону Мугиры. Он сделал вид, что не верит показаниям свидетелей, и даже приказал их высечь за клевету. После порки один из свидетелей хмуро буркнул: «А все-таки он прелюбодей», – но Омар только прикрикнул на него, пригрозив высечь вторично.

Продолжение войны с Византией

Наступление арабов не было неумолимым и непрерывным движением вперед: оно шло с большими паузами и откатами. На западе армия арабов остановилась у границ Палестины, которые охраняли арабские союзники Византии – Гасаниды. (Как раз перед этим император Ираклий прекратил платить им жалование из-за недостатка средств в казне: после разгрома Персии он не думал, что ему что-то угрожает с этой стороны). Взятый после осады Дамаск Халиду вскоре пришлось отдать обратно. Но арабы быстро учились и извлекали уроки из своих поражений.

После оставления Дамаска Халид, оставшийся с небольшой армией, – все силы были брошены против Персии, – тянул время. Византийцы тоже не торопились дать бой, предпочитая тактику медленного выдавливания. В конце концов 20 августа 636 года состоялась битва. Византийцы дважды прорывались с флангов к лагерю, но не смогли сломить сопротивление арабов. Ветер – в который уже раз – нес пыль в лицо византийцев, и чтобы не задохнуться, они заворачивались в плащи, закрывая нос и рот. На следующий день ромеи атаковали вражеский центр. Арабы пытались контратаковать и попали под обстрел армянских лучников, целивших им в глаза. От стрел окривело 700 мусульман, поэтому этот день назвали «днем окривения».

Командовавший византийцами армянин Вахан бросил в бой тяжелую пехоту. Она шла рядами по 10 человек, скованных друг с другом цепями, чтобы никто не мог развернуться и бежать (легендарная деталь, повторявшаяся в описании арабами многих битв). Но и эта атака захлебнулась. На третий день арабы устроили глубокий рейд в тыл врага. В решающий момент христианские арабы в армии ромеев перешли на сторону мусульман. Среди византийцев началась паника, они бросились бежать. В густой пыли, стоявшей над полем, многие попадали с крутого берега реки и разбились насмерть. Сам Вахан выжил. Он военную оставил карьеру, ушел в монахи и жил в синайском монастыре под именем Анастасий, толкуя псалмы.

После этого поражения Византия осталась практически без армии. Император Ираклий бросил Сирию на произвол судьбы, оставив Антиохию и уехав в Константинополь. Арабы завоевывали один город за другим. Под Иерусалимом Халид аль-Валид разгромил брата императора Феодора, который бежал, бросив свое войско. Но сам Иерусалим им взять не удалось, а осада множества мелких городов выматывала их силы.

Взятие Иерусалима и Антиохии

Тем не менее, арабы стояли у стен Иерусалима, и его падение было только вопросом времени. Жители города согла-

сились сдать, но только самому халифу.

Ради Иерусалима Омар лично отправился в войска. Прибыв в лагерь, халиф прежде всего набросился на тех мусульман, кто погряз в роскоши, облачался в шелк и украшал себя драгоценностями. Он засыпал их пылью, чтобы «они больше походили на арабов». Сам он ходил в одной и той же выцветшей от пота рубахе, возил с собой только мешок сушеных фиников и ездил на верблюде, а не на коне.

Перед сдачей Иерусалима Омар заключил с его жителями договор, в котором обещал не трогать их имущество и не преследовать за веру. В ответ они обязались платить джизью и изгнать из города ромеев. Иерусалимский патриарх Софроний лично вышел на встречу Омару, стоявшему в лагере за пределами города, и провел для него экскурсию по иерусалимским храмам. Здесь, на развалинах иудейского храма, Омар заложил мечеть Маджид аль-Акса, то есть «Дальняя мечеть».

За Иерусалимом последовала Антиохия, столица Сирии и третья по значению православная патриархия (после Константинополя и Александрии; четвертой был Иерусалим). Она подверглась осаде и сдалась так же легко, как и другие сирийские города, заключив с Омаром договор о выплате дани. Всем не желавшим находиться под властью арабов дали возможность беспрепятственно уйти из города.

После этих успешных действий последовала неожиданная отставка Халида аль-Валида. Формально Омар сместил Ха-

лида аль-Валида за то, что тот раздавал деньги своим военачальникам вместо того, чтобы сдавать их в общую казну: проще говоря, за своеволие. Будь на месте Омара более слабый правитель, это могло бы вызывать возмущение в войсках. Халифу говорили: ты вложил в ножны меч Аллаха, ты сместил того, кого назначил сам Пророк. Но Омар считал, что арабы слишком восхищались Халидом и стали полагаться на него, вместо того, чтобы полагаться на одного Аллаха.

В 639 году разразилась эпидемия чумы, за которой последовала страшная засуха. Наступил голод, продолжавшийся девять месяцев; поля лежали, покрытые пеплом сгоревшей травы, весь скот был съеден. Омар раздавал в бесплатную еду и устраивал в своем доме совместные трапезы для беженцев из голодающих районов. Только в одной Аравии чума и голод выкосили 25 тысяч человек, некоторые бедуинские кланы исчезли полностью. В это время умерло много военачальников, в том числе наместник Сирии. Новым наместником стал Муавия, младший брат главы клана куфиев, Абу Суфьяна: с этого назначения началось его восхождение к верховной власти.

Завоевание Египта

Несмотря на сильные потери от чумы, арабы решили вторгнуться в Египет с небольшим войском – не больше трех с половиной тысяч человек. Считается, что его предводитель

Амр ибн аль-Ас аль-Кураши отправился в этот поход тайком от всех, недовольный тем, что наместничество в Палестине досталось не ему, а Муавии из рода Суфьянов. Это было почти авантюрное предприятие сродни экспедиции Кортеса в Мексике или походу генерала Черняева в Среднюю Азию.

Дорога из Палестины в Египет оказалась открыта – византийцы не выставили на ней никакой охраны. В 639 году арабы подошли к первому городу, Пелузии, жители которого совершенно не ожидали нападения. Но у города имелись крепостные стены, которые арабы не могли взять сходу. Осадных орудий у них не было, как и времени вести осады. Поэтому они дождались, когда защитники города сделают вылазку, устроили контратаку и ворвались вместе с ними в открытые ворота. Город пал, и арабы, уходя, срыли его стены, чтобы не оставлять в тылу враждебную крепость. У них не хватало воинов, чтобы оставить в Пелузии хотя бы маленький гарнизон.

Христианский Египет между тем был расколот очередной церковной смутой. Местные жители придерживались монофизитства, а константинопольские власти насаждали придуманное в столице монофелиство. Проводником официальной доктрины был патриарх Кир, сурово преследовавший сектантов и их главу – патриарха Вениамина, который прятался где-то в горах. Брат Вениамина, Мина, погиб мученической смертью, отказываясь отречься от своей веры: его поджарили на огне, вырвали все зубы, посадили в мешок с

песком и бросили в море. В стране происходили бунты, переходившие в кровавые столкновения. Религиозная вражда смешивалась с национальной – копты-египтяне не любили византийцев, считая их чужаками и оккупантами. Византийская армия в Египте под командованием Феодора была невелика и раздроблена на гарнизоны, рассеянные по всей территории страны. К тому же византийцем и в голову не приходило, что они имеют дело с малочисленным отрядом, а поражения в Сирии и Палестине заставляли их соблюдать осторожность. Поэтому они отсиживались в крепостях, не предпринимая никаких активных действий.

Между тем арабы взяли хорошо укрепленный город Бидбейс, устроив после месячной осады отчаянный штурм. После этого Амр присоединил к своей армии местных кочевников-бедуинов и отправился к городу Вавилон. Здесь в июле 640 года произошла крупная битва с византийцами. Византийской армией командовали Феодор и префект Александрии Анастасий. Амр атаковал их сразу с двух флангов, а затем ударил конницей с тыла. Византийцы бежали.

Спустя несколько недель Амр осадил Вавилон. Это была крупная крепость, построенная по всем правилам римской фортификации, с двадцатиметровыми стенами в два с половиной метра толщины. Ее ворота выходили к Нилу, откуда по воде защитником крепости доставляли все необходимое, а со стороны пустыни тянулась непреодолимая стена. Амр благоразумно согласился на предложение патриарха Кир о

мире и снял осаду в обмен на крупный выкуп. Однако в дело вмешался византийский император Ираклий, расценивший переговоры Кира как предательство; патриарх был отправлен в отставку, а договор с арабами расторгнут.

Не получив денег, Амр возобновил наступление. На этот раз он двинулся на север в сторону Александрии, пополняя свою армию примкнувшими к нему монофизитами. Феодор выступил ему на встречу и разбил арабов, которым пришлось укрыться в близлежащей крепости. Выждав и собравшись с силами, они отступили к Вавилону и снова осадили город.

На этот раз осада продолжалась семь месяцев. За это время Ираклий умер, и в Константинополе началась смута. Командующий византийской армией Феодор уехал из Египта в столицу, положение в стране стало зыбким. Измученные осадой жители Вавилона решили сдать сдаться при условии, что всех желающих беспрепятственно выпустят из города. 7 апреля 641 года, в день Пасхи, христианский гарнизон покинул город, предварительно выпустив из тюрем всех заключенных и отрубив руки тем, кто сидел в тюрьме за ересь.

Захватив Вавилон, Амр снова двинулся к Александрии. По дороге он взял город Никию, гарнизон которой в панике разбежался при приближении арабов, не оказав сопротивления. Вернувшийся в Египет Феодор организовал оборону на подступах к Александрии, но после десяти дней упорных боев арабы подошли к столице Египта.

Падение Александрии

Однако взять Александрию им не удалось. Это был огромный город с населением в 150 тысяч человек, имевший мощные укрепления и сильный флот. Он стоял на берегу моря и его нельзя было осадить, а огромные стены и отсутствие осадных орудий у арабов делали невозможным прямой штурм. Гарнизон города был более многочисленным, чем армия осаждавших его мусульман (от 20 до 50 тысяч против 15 тысяч у арабов).

Амр отступил от Александрии, но как только арабы ушли, в городе начались волнения. Партия «синих» не могла поделить власть с партией «зеленых», монофизиты устраивали заговоры против вернувшегося из Константинополя Кира. Религиозные и внутривосточные волнения доходили до кровавых стычек. В этих условиях Кир решил устроить перемирие с арабами. Прибыв в Вавилон, он заключил с Амром договор, согласно которому византийцы выплачивали арабам контрибуцию и обязались не предпринимать военных действий в течении 11 месяцев. Однако этим условия договора не заканчивались. По окончании перемирия войска византийцев должны были добровольно покинуть Александрию и уплыть за море. Арабы взамен поклялись не ущемлять интересы христиан и не разрушать церкви, а также не трогать евреев. В знак серьезности своих намерений визан-

тийцы выдали арабам 200 заложников.

Фактически это была сдача Александрии, которую византийцы так долго и упорно обороняли, причем сдача без боя и каких-либо выгод для ромеев, кроме временного перемирия. О причинах этого договора много говорилось у историков, но они до сих пор остаются неясными. Говорили, например, что Кир вовсе не собирался выполнять договор и просто выигрывал время, или что сдачи города требовал сам император, считая, что армия больше понадобится ему в Константинополе. Так или иначе, переговоры проходили за спиной горожан, которые ничего о них не знали и были просто поставлены перед фактом.

В отличие от александрийцев, арабы потратили перемирие с пользой. За 11 месяцев они захватили почти весь восточный Египет и в назначенный день пришли к Александрии, чтобы войти в город. Кир к этому времени уже умер.

Аристократы и зажиточная часть населения бежали, бросив свои роскошные дома. Вместо них в мраморных дворцах, еще носивших на себе следы эллинской культуры, поселились солдаты-бедуины. Бывшие кочевники не дорожили своими жилищами: они проводили в одном доме несколько дней или недель и переходили в другие. Здание разрушалось, исчезали в пожарах вместе с драгоценными фресками и изысканными статуями. Александрийская библиотека, по мнению большинства историков, тогда уже не существовала. Тем не менее, сохранилась легенда о том, как арабы распо-

рядились с тем, что от нее осталось. Омар якобы заявил, что если в этих книгах содержится то же самое, что в Коране, то они не нужны, а если что-то другое, то они вредны. Арабы бросили старинные папирусы в воду, и волны Нила несколько дней текли чернилами.

После прихода арабов монофизитский патриарх Венеамин с торжеством возвратился в Александрию. Но прошло немного времени, и копты, так яростно боровшиеся за свою веру, начали массово переходить в ислам.

Амр не сделал Александрию своей столицей – ему не нравилось, что она отделена от Аравии большой рекой. Поэтому во время перемирия арабы обустроили в Египте свою штаб-квартиру Аль-Фустат, то есть «лагерь», – будущий Каир.

Неутомимый Амр отправился на запад, в Северную Африку, где захватил греческую Киренаику (Барку) и разгромил византийцев у Карфагена, хотя сам город ему взять не удалось. Продолжая путь на запад, он перешел невидимую границу, отделявшую греческий мир от латинского, и завоевал Триполи и Лептис Магну – некогда цветущие римские города, запустевшие после нашествия вандалов. С местными берберами Амр заключил договор о выплате дани, по которому арабы при недостатке средств имели право забирать в рабство их детей. Затем он вернулся в Египет, оставив в качестве наместника своего племянника Укабу ибн Нафи, которому позже предстояло завершить завоевание Северной Африки.

Об Амре современники писали, что он был невысок ростом, но при этом такой грузный и широкий, что, по словам поэта, «заполнял собой всю мечеть». Все у него было огромным: голова, лоб, борода, руки и рот, густые брови и черные глаза. Как многие арабы, он отличался красноречием и проносил зажигательные проповеди.

Проповедь Амра. Одна из таких проповедей, сказанная Амром в фустатской мечети, сохранилась. Он призвал мусульман воздерживаться от излишеств и от многодетности, потому что она отнимает у человека время, которое ему нужно, чтобы задуматься о своей жизни и освободиться от страстей. По сути дела, это был панегирик мирной жизни, а также хорошего отношения к коптам и лошадям.

«О собравшиеся люди! Возшло созвездие Близнецов, пылает Сириус, и открылось небо. Отошла чума, и уменьшилась роса, улучшились пастбища, ягнились овцы, и подросли ягнята. Пастух должен хорошо смотреть за пастьбой. Пусть он с благословения Аллаха живет в своей долине! Пользуйтесь же ее скотом, ее молоком, ее барашками, ее дичью! Пасите своих лошадей, откармливайте их, заботьтесь о них, почитайте их! Ведь они – ваш щит от врагов ваших, в них ваше богатство и ваше бремя. Примите заповедь хорошо обращаться с коптами, с которыми вы окажетесь по соседству! И еще. Я запрещаю вам увлекаться благовониями и медовыми сладостями, ибо они портят нам веру и делают беззаботными».

В конце говорилось так: «Вам завещано хорошо обращаться с коптами, потому что они в родстве с вами и под покровительством. Так удержите ваши руки, не трогайте женщин, опустите ваши глаза! Я не знаю, что произойдет с человеком, который сам оброс жиром, но истощил лошадь. Знайте же, что я запрещаю по отношению к лошадям, то же, что по отношению к людям!»

Экономика

В возникшей словно ниоткуда исламской империи арабских воинов было всего 20–30 тысяч, а жителей захваченных земель – миллионы. Все эти огромные страны и территории требовали управления, но арабы не имели никакого опыта в административных делах. Это были солдаты, а не чиновники; они не жили в завоеванных городах, а разбивали в отдалении военные лагеря, ставя посреди пустыни свои бедуинские шатры. Все, что они делали после победы, это брали с покоренных народов дань и шли дальше.

Суровый Омар строго запретил арабам владеть завоеванными землями. Он не хотел, чтобы арабы привязывались к земле – это отбило бы у них привычку воевать. Омар предпочитал, чтобы его подданные не владели участками, а получали свою долю доходов со всех земель, которые как бы принадлежали мусульманской общине в целом. «Земля принадлежит Аллаху и Пророку», – говорил он.

В завоеванную провинцию обычно назначалось только два арабских начальника: амил, собиравший налоги, и амир (эмир), командовавший армией. Иногда две эти должности совмещались в одном наместнике, выполнявшим заодно и функции кадия – судьи. В остальном арабы пользовались местной бюрократией и администрацией: они не хотели лично участвовать в управлении, предоставляя собирать налоги старым византийским и персидским кадрам.

Договор с жителями города. «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Истинно, вы будете в безопасности, когда уплатите джизью! Вам надлежит ежегодно вносить джизью с каждого совершеннолетнего тому, кто будет управлять вашей страной; быть проводниками у мусульман; чинить дороги, по которым они следуют; в любое время оказывать им гостеприимство; доставлять путника до места остановки; не подстрекать против мусульман. Мусульманам – ваши советы и то, что вы должны уплатить, а вам безопасность за ваши деяния. Если же вы что-то измените или кто-нибудь из вас нарушит договор и вы не выдадите виновного – то нет вам защиты. Кто оскорбит мусульманина – о том станет известно, а если ударит его – того мы убьем».

Нередко эти поборы бывали непосильны. Все неверные платили два налога: джизью – подушный налог, и харадж – поземельный. Харадж устанавливался на единицу площади и различался в зависимости от того, что на ней росло. Боль-

ше всего брали за финиковые пальмы и виноградники – по 10 драхм с 1 джариба («площади, засеваемой одним мешком зерна», как определяли его арабы), за сахарный тростник – только шесть, за пшеницу – четыре драхмы, за ячмень – две. Если денег не хватало, платили товарами и скотом, а если не было и этого, должников забирали в рабство. Поток рабов шел в халифат нескончаемым потоком – как военная добыча и как плата в счет налогов. Один эмир за два с половиной года своего наместничества в небольшой провинции Систан набрал сорок тысяч рабов. Крупный город Мерв несколько лет расплачивался только рабами – денег на налоги не было.

Но размеры налогов могли меняться в зависимости от желания правителя. Когда один из местных князей пришел к наместнику Египта Амру и спросил, какую он джизью должен платить и какой ему ждать в будущем, тот ответил без обиняков: «Вы – наша казна. Если нам надо будет больше, мы возложим на вас больше, если нам потребуется меньше – возьмем с вас меньше!» Немалая часть доходов, разумеется, шла в карман самого наместника. В Египте хищения достигли таких размеров, что халиф Омар в гневе написал Амру: «Я послал тебя в Египет не для того, чтобы он стал кормушкой для тебя и твоего рода. Я тебя направил потому, что я надеялся, что ты обеспечишь обильный харадж, и на твое хорошее управление». Амр оправдывался, что не может присылать больше: население и так обложено непомерной данью. Нельзя выдаивать у верблюдицы все молоко – на-

до оставить и верблюжонку.

Только с пограничных поселений не брали никаких налогов: считалось, что они платят свою долю тем, что охраняют границы халифата.

Армия

Историки немало спорили и спорят о том, как и почему малочисленное арабское войско громило одну за другой мощные и хорошо обученные армии многих государств. Назывались политические, экономические, психологические и другие причины. Вкратце их можно свести к следующему.

Арабская армия отличалась быстротой, дисциплиной и воодушевлением солдат. Высокий дух войск определяли не только новая вера, но и арабский национализм, которые слились в исламе воедино. Мусульмане воевали не только за добычу и трофеи, но и за «идею»: одно подкрепляло и усиливало другое. «Лучше один день на войне с неверными, чем целый месяц поста и молитв», – говорил Пророк, и мусульмане шли на войну в уверенности, что не только добудут себе богатство и славу, но и попадут в рай.

Арабы были прирожденными воинами. В своих походах они только продолжали то, что хорошо умели и любили делать раньше – воевать. Изменились лишь масштабы и сцена действий, но храбрых арабов не смущали ни перемена климата, ни новые условия войны. Когда надо было взять Ктеси-

фон, не любившие воду бедуины без раздумий бросились в широкий Тигр и смогли перебраться вплавь на своих конях.

Военная наука усваивалась арабами быстро и легко. Это были хорошие ученики, на лету перенимавшие чужие знания. Уже в первые годы войны они научились брать укрепленные крепости персов и византийцев, о чем раньше в Аравии не слыхивали, и использовали катапульты и другие осадные орудия, отбирая их у врагов. Когда война переместилась на море, сухопутные кочевники буквально за десяток лет построили мощный флот – пусть и чужими руками – и освоили морское ремесло. В тактике боев арабские военачальники были умны, изобретательны и умело применяли неожиданные хитрости и маневры: ложные отходы, засады, ночные рейды. Крепость Музайях, например, арабы взяли ночью, напав на нее одновременно с трех сторон.

Арабская армия была самой быстроходной и мобильной. Она обходилась почти без обозов – отправляясь в опасные походы, воины ислама оставляли жен и детей и жили как пираты, налегке. Арабский солдат должен был сам находить себе пропитание и обеспечить себя всем необходимым, в том числе оружием, которое добывали как трофеи в успешных битвах.

Позже арабы с гордостью вспоминали, как изумлялись иностранные вельможи и правители, в первый раз увидев перед собой грозных воинов ислама. С виду это были настоящие оборванцы: грязные, в разношерстной одежде, без коль-

чуг (кольчуги были слишком дороги, их хранили в семьях, как фамильную ценность), они не имели ничего, кроме хорошего коня, острого меча и веры в Аллаха. Сохранилось описание внешности и вооружения одного араба, Риви, посланного на переговоры с персидским царем Йездегердом. Одеждой его была верблюжья попона с проделанной посередине дырой для головы. Вместо пояса он обвязывался тростником, голову перетягивал поводом того же верблюда, и четыре вихра на его голове торчали, «как козлиные рога». При нем был красный щит из бычьей шкуры, копье, обвязанное верблюжьими жилами, и меч, начищенный до блеска, но скрытый в потертых матерчатых ножнах.

Свой боевой порядок арабы заимствовали у византийцев и персов. Он состоял из классических пяти частей: авангард, центр, правое и левое крыло, арьергард (арабы дали им свои названия: аль-мукаддама, аль-майсара, аль-калб и т. д.). К ним добавлялась конная разведка (ат-талаи), лучники (аль-мурамейя) и другие вспомогательные войска. При этом арабские воины сохраняли внутри войска деления на кланы и сражались группами, сформированными по родам и племенам.

Конница арабов атаковала с налету, но основная часть боя была пешей. В рукопашной сходились на мечах, бились палицами. В бою использовали все, что было под рукой, – палки, палаточные шесты, большие камни. Часто в ход шли копыя, которыми можно было не только колоть, но и рубить.

При появлении вражеской конницы пехотинцы упирались копьями землю и наклоняли их вперед, так что их ряды щетинились стальными остриями, а когда всадники оказывались рядом, хватали копья и били в морды лошадей.

Арабы носили не кривые сабли, а прямые и широкие мечи, короткие, не больше метра: их вкладывали в деревянные или кожаные ножны и перекидывали на перевязи через плечо. Хорошие мечи высоко ценились, им давали собственные имена и передавали по наследству.

Арабские луки были более легкие, чем у персов. В то же время они пробивали щиты и кольчуги персов, тогда как персидские стрелы застревали в кожаных щитах арабов. Позже у арабов появились стремена и арбалеты.

Особым умением кочевников было устройство лагерей, которые они создавали далеко от городов, часто посреди пустыни, в местах, откуда было легко контролировать обширные площади. Эти лагеря напоминали арабские города в миниатюре: каждое племя жило отдельно, в своем секторе, вместе с семьями и скотом. Лагерь окружали земляным валом, дома строили из тростника: перед выступлением армии в поход их разбирали, а после возвращения – собирали снова. Из таких лагерей потом выросли крупные города – Басра, Куфа, Васит.

Смерть Омара и выборы Османа

В биографии Омара говорится, что халиф был скромнен, нестяжателен, жил в аскетической бедности и проповедовал великодушие и снисходительность. Однажды в пустыне он вместе со своим товарищем подошел погреться к костру, у которого сидела женщина с детьми. Не зная, что перед ней халиф, женщина стала жаловаться и ругать Омара, который отправил ее мужа на войну: муж теперь погиб, семье нечего есть, и она варит в котелке пустую воду, стараясь обмануть детей и надеясь, что они заснут, не дождавшись еды. Услышав эту историю, Омар смиренно отправился в лагерь, принес дров, еды и лично приготовил ужин для голодной семьи.

Но к неверным он был не так добр и снисходителен. Както в Медине к нему подошел Фируз, перс-христианин, и попросил спасти от его непосильного налога, который наложи на него хозяин. Узнав, что налог составлял два дирхема, Омар заметил, что подать не так уж велика. Ты мастер, добавил он, и, я слышал, умеешь делать ветряные мельницы, так сделай такую для меня. Ладно, пообещал Фируз, я сделаю тебе такую мельницу, о которой не скоро забудут на востоке и на западе. Когда он ушел, Омар насмешливо спросил: кажется, этот раб посмел мне грозить?

На следующий день, когда Омар молился в мечети, Фируз, закутанный в плащ, подошел к нему вплотную и вонзил в

живот кинжал. «Этот пес убил меня!» – крикнул халиф. Фируз бросился к выходу, вращая в воздухе длинным клинком с лезвием на двух концах: это и была обещанная «мельница». Нанося смертельные раны направо и налево, он сумел сбежать из мечети, но позже был найден и заколол себя тем же кинжалом. Не имея возможности отомстить самому Фирузу, сын Омара приказал убить его дочь.

Халифа похоронили в комнате Аиши рядом с Мухаммедом и Абу Бакром. Перед смертью он собрал приближенных и назначил своим преемником самого благочестивого и бескорыстного – Абдурахмана ибн Ауфа. Но тот в ужасе отказался, считая себя недостойным такой чести. Тогда Омар поручил выбрать нового халифа из пяти лидеров: Али, Зубейра, Османа, Сада ибн Абу Ваккаса и Талхи. Фаворитом считался зять Мухаммеда Али, но Абдурахман, которому доверили быть судьей, выбрал самого благочестивого – Османа.

При новом халифе волна завоеваний продолжала расходиться от Аравии во все стороны. Отбитая византийцами Александрия была снова завоевана арабами, а стены ее разрушены. (Амр сказал: пусть она станет как дом проститутки, в который может войти, кто хочет). После этого Осман предложил Амру остаться во главе армии, а заведовать финансами поставил своего молочного брата Абдаллаха. Амр с насмешкой ответил: «Это все равно что держать корову за рога, когда ее доит другой». Тогда Осман сместил Амра и назначил наместником Египта Абдаллаха. Тот успешно про-

должил экспансию на запад, разбив эрхарха Африки Григория и сузив владения византийцев до размеров одного Карфагена.

В Палестине были взяты державшаяся еще Кесария, Бейрут и Аскалон. В приморской Акке наместник Муавия создал арабский флот и завоевал Кипр, жители которого были застигнуты врасплох. В битве у Фойника арабы наголову разгромили знаменитый византийский флот и стали фактически полными хозяевами восточного Средиземноморья. На севере раздробленная Армения, которой византийский император упорно пытался навязать православный вариант христианства, не имела сил сопротивляться и заключила с арабами кабальный договор, результатом которого стала гражданская смута и разорение страны. (Как написал армянский историк Себеос: «Мы заключили союз со смертью и договор с адом»). Соседняя Грузия также покорилась власти мусульман и обещала платить дань, и лишь хазары дали отпор неудержимой волне ислама, окружив и уничтожив многотысячную армию полководца Салмана. На востоке арабы окончательно добились все еще сопротивлявшихся персов, захватив их последнюю провинцию Хорасан.

Правление и гибель Османа

Но внутри мусульманского мира нарастало недовольство. Некогда бедные бедуины неимоверно разбогатели за счет на-

грабленных сокровищ. Война за ислам была для них еще одним гигантским набегом за добычей, только в несравнимо больших масштабах. В арабских хрониках дележу и описанию трофеев уделялось едва ли не больше места, чем всем остальным событиям, вместе взятым. В Аравию шел непрерывный поток денег и рабов. Арабы погрязли в роскоши и сибаритстве. Хуже всего было то, что богатства распределялись неравномерно: больше всего доставалось правящей верхушке Омейядов, состоявшей из родственников Османа. Наместники провинций, которых Омар держал железной рукой, теперь осмелели и бесконтрольно грабили население. Благочестивые мусульмане начали роптать, что вера падает и нарушаются заветы Мухаммеда.

Как раз в это время по указанию Османа начался составление кодекса Корана. Это было сложным делом, поскольку существовали разные списки изречений Пророка, а некоторые были известны только устно и передавались по памяти. В трудных случаях обращались к еще живым соратникам Мухаммеда и спрашивали, слышали ли они, как Пророк говорил то-то или то-то; если изречение подтверждалось, его включали в канон. Осман опирался на мединский сборник, составленный его секретарем Зайдом бен Сабитом и дополненный самим халифом. Редакция Османа была принята как единственно правильная, а остальные варианты уничтожены, что дало повод для многих споров и разногласий. В разных городах нашлись люди, утверждавшие, что их Коран бо-

лее верный. В Басре это был Абу Муса, в Куфе – Абдулла ибн Массуд, искренне возмущенный тем, что его тексту, составленному еще во времена гонений на мусульман, предпочти список какого-то юнца Зайда.

Многих Осман настроил против себя тем, что отстранил от власти старых сподвижников Пророка и приблизил своих родственников, дядю аль-Хакама и его сыновей Марвана и аль-Хариса. Аль-Хакам до этого находился в ссылке, куда его отправил сам Мухаммед, считавший его своим политическим врагом. И вот такого человека, бывшего гонителя Пророка, Осман поставил рядом с собой только потому, что тот был его близким родственником. К ним присоединилась и другая родня халифа, которой он раздавал щедрые подарки и поручал самые ответственные должности.

В это время Осману пришло анонимное письмо, в котором говорилось: «Заклинаем тебя Аллахом подумать об общине Мухаммеда, ведь мы боимся, что расстроится ее дело твоими руками, потому что ты посадил на шею людям своих собратьев». В вину Осману ставили и то, что он разрушил старую мечеть Мухаммеда и вместо нее поставил другую, более просторную и красивую: это расценивали как знак неуважения к Пророку. Его обвиняли в том, что он добавил к двум призывам на молитву третий, а также увеличил длительность самой молитвы.

В Дамаске некий Абу Зарр обличал нечестие и порочный образ жизни дяди халифа аль-Хакама. Он же подал мысль,

что халифом должен быть не Осман, а более достойный человек – Али. В Египте Абдулла ибн Саб, иудей из Южной Аравии, начал проповедовать учение о том, что Мухаммед вернется на землю перед концом света, а пока миром должны править его помощники из самых приближенных – имелся в виду Али. Наконец, один из учеников Абдуллы, Малик аль-Аштар, устроил переворот в Куфе и отказался подчиняться халифу.

Осман, которому было уже больше 80 лет, даже не попытался восстановить свою власть. Увидев его слабость, противники Османа набросились на него со всех сторон. К Медине двинулись вооруженные толпы с запада и востока: из Египта под предводительством Мухаммеда ибн Абу Бакра, а из Куфы и Басры во главе с Маликом. Они потребовали отречения Османа от власти. Халиф нашел в себе силы отказать. В эти последние дни он проявил мужество и твердость, которых ему не доставало раньше. На требование Али отречься он ответил: не сниму одежд, которые возложил на меня Аллах. Он каждый день молился у всех на глазах в мечети, несмотря на оскорбления бунтовщиков, доходившие порой до рукоприкладства.

Наконец, молившихся разогнали камнями, и Осман укрылся в своем доме вместе с кучкой верных сторонников. Халиф обращался с крыши к осаждавшим и просил Али защитить его от насилия. Али молчал. Разнесся слух, что Муавия послал на помощь халифу войска из Дамаска и они уже

подходят к Медине. Медлить было нельзя: бунтовщики пошли на штурм дома. Перебираясь по крышам соседних зданий, они проникли во двор, перебили защитников и ворвались в комнату Османа, который спокойно читал Коран. Жена халифа Наила бросилась на его защиту, но ударом сабли ей отрубили пальцы. «И топтали они нас жестоко, – вспоминала она позже, – и заголили нас и срам повелителя верующих». Еще через минуту Осман упал, заливая своей кровью Коран.

Али

На следующий день сторонники в спешке похоронили халифа, кое-как закопав его за городом. Один из очевидцев (это был племянник Абдаррахмана ибн Ауфа, в свое время избравшего Османа) так описал похороны и окружавшую их атмосферу:

«Несут они его на двери, а голова, болтаясь, стучит: тук-тук. Они положили его в месте, где ставят погребальные носилки. Тут подошли к ним несколько ансаров и сказали им: «Клянемся Аллахом, не будете вы читать над ним молитву!» Абу Джахм сказал: «Вы не позволите нам читать над ним молитву, когда уже помолились над ним Аллах Всевышний и его ангелы?!» Тогда сказал ему один из этих людей: «Если будешь молиться, то Аллах отправит тебя туда же, куда и

его». А он ответил: «Да соединит меня Аллах с ним!» А тот сказал: «Соединит тебя Аллах с шайтанами! Клянусь Аллахом, если мы пропустим вас с ним, то Аллах отступится от нас». Люди сказали Абу Джахму: «Не разговаривай с ним, отступись», и он замолчал. Они подняли Османа и быстро удалились, и я слышал, как голова его бьется о доску».

По рассказам свидетелей, в какой-то момент тело упало с двери, и его начали пинать ногами. Похоронщики перенесли тело Османа с места на место, пока не нашли участок сада, где никто не помешал им произвести погребение и прочитать молитву. Но и тут, опасаясь преследований, они не положили его как следует, а просто засыпали землей.

Не успели Османа закопать в его собственном саду, как начались выборы нового халифа. Все кандидаты были представителями курейшитов, политической и финансовой элиты арабов: избирать кого-то другого никому уже не приходило в голову. Египтяне стояли за Али, басрийцы – за Талху, куфийцы склонялись к Зубейру. Но авторитет Али перевесил, и он был единогласно избран халифом. На следующий день новый правитель произнес речь, пообещав справедливо разделить деньги между всеми мусульманами и призвав их соблюдать благочестие, а не гоняться за мирскими благами: «Вы – рабы Аллаха, и деньги – деньги Аллаха, они делятся поровну, и нет в этом преимущества одного перед другим». Свои слова он тут же подтвердил делом, раздав все имуще-

ство Османа и выдав каждому, независимо от богатства и знатности, по три динара. Убийц Османа он не порицал и не одобрил, а в частной беседе с соратниками признал, что ничего не может сделать с мятежниками и остается только ждать, пока времена изменятся: царство шайтана не вечно. Действительно, выждав удобный момент, Али укротил и выслал наводнявших Медину чужаков и навел порядок в городе. Одновременно он разослал своих представителей по всем провинциям, чтобы утвердить свою власть на местах.

Али, как зять и воспитанник Пророка, женатый на его дочери Фатиме и внучке Умаме (всего у него было 8 жен), мог считаться естественным лидером ислама. Однако положение Али было шатким. Его поддерживали в Медине, но не в провинциях, где власть по-прежнему принадлежала Омейядам. Муавия в Сирии и не думал повиноваться новому халифу. Когда в Дамаск привели окровавленную рубашку Османа, сирийцы поклялись отомстить убийцам. Муавия демонстративно прислал Али пустой конверт (в нем был только заголовок: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного»), говоря тем самым, что обсуждать им нечего, пока Осман не будет отомщен. В Египте Амр аль-Ас объявил: нет в Египте наместника кроме Амра. Чтобы удержать свой пост, Амр присоединился к Омейядам, которых возглавлял теперь Муавия.

Али был храбр, умел хорошо говорить и даже сочинял стихи. Но в решительный момент он проявил неуверенность.

Его призыв к борьбе с Муавией никто не поддержал. Абу Вакас в ответ попросил Али дать ему меч, который может сам отличить верных от неверных: он не хочет убивать единоверцев. (Коран прямо это запрещал: «Кто убьет верующего предумышленно, то воздаяние ему навечно – геенна»). Больше того, недовольные халифом Талха и Зубейр бежали в Мекку и, объединившись там с Аишей, «матерью правоверных», выступили против Али. Захватив Басру, они устроили в городе побоище, казнив всех сторонников халифа. Их предводителя Ибн Хунейфа с позором изгнали, обрезав ему бороду, брови и ресницы.

Наконец, Али собрал 20 тысячную армию и выступил к Басре. Три дня он стоял у города, надеясь заключить мирное соглашение с мятежниками и обойтись без крови. Переговоры начали понемногу налаживаться, но ночью кучка непримиримых устроила вылазку, которая спровоцировала обе стороны на столкновение. Началось сражение, в котором Талха был убит, а Зубейр бежал с поля боя и погиб от руки какого-то бедуина. Отступавшие басрийцы сплотились вокруг верблюда Аиши и бились с отчаянием обреченных. Наконец, кто-то перерезал поджилки верблюду, и тот рухнул вместе с паланкином, накрывшим собой Аишу. На этом битва закончилась. Али проявил обычное великодушие и щедрость: запретил убивать бежавших и грабить их дома, вернул проигравшим все имущество и даже оружие, брошенное на поле боя. Выбравшуюся из-под обломков Аишу он просто

пожурил и посадили под домашний арест. На призывы соратников расправиться с мятежной вдовой пророка Али отвечал: «Не обижайте женщину, даже если она бранью задевает вашу честь, ведь женщины – слабы». Он всеми силами подчеркивал, что считает всех мусульман братьями и не хочет преследовать противника больше, чем это необходимо.

Одержав победу под Басрой, Али направил свою армию против Муавии. Он еще раз попытался примириться с главой Сирии и предложил ему принести присягу, как сделали все остальные, но получил отказ. Муавия прямо обвинил Али в убийстве Османа и привлек на свою сторону Амра аль-Аса, завоевателя Египта, пообещав в случае победы вернуть ему эту провинцию.

Главное сражение состоялось возле византийского городка Сиффин у реки Евфрат (657). Соотношение армий было примерно одинаковым, по 70 тысяч с каждой стороны. Мусульмане в этой битве воевали с мусульманами, представители одного рода – друг против друга. Воины сражались днем и ночью, в густых клубах пыли и песка, закрывавших солнце. У солдат не было времени на молитву, даже когда наступал вечер.

Исход битвы долго колебался. Был момент, когда Муавия уже вскочил на коня, собираясь бежать, – враг вплотную подобрался к его палатке, – но Амр уговорил его остаться. Чтобы остановить затянувшуюся бойню, Али предложил Муавии решить дело личным единоборством. Тот благоразумно

отказался, считая, что в таком поединке все шансы на стороне Али.

По преданию, бой продолжался восемь дней и восемь ночей. Воины с обеих сторон были так истощены, что почти не могли двигаться и только «кусали друг друга», как рассказывал один из участников сражения. Утром последнего дня Малик с конницей прорвался в лагерь сирийцев, а с другого фланга ударил сам Али. Левое крыло Муавии было полностью смято, до разгрома оставались считанные минуты. И в этот момент на копьях сирийцев вдруг появились книги: это был священный Коран. Потрясая им, они призывали именем Аллаха прекратить распрю, назначить третейский суд и разрешить вопрос как подобает мусульманам: по слову Аллаха и заветам Пророка, а не в бою. И битва сразу затихла, воины перестали сражаться, несмотря на все призывы Али, кричавшего, что нельзя верить обманщикам.

Объявили перемирие и назначили третейский суд. Но еще до начала суда начался разброд в лагере Али, которого стали обвинять в нерешительности и трусости. Некоторые из его приверженцев отложились, отказавшись признавать суд и его решения. Сформировалась партия так называемых «чтецов» – истово верующих, проводивших все время в чтении Корана. Чтецы призывали чуть ли не к прямому правлению Аллаха во всех светских делах. Халиф в их учении становился почти символической фигурой, которого следовало лишать должности при любом нарушении буквы писания. Са-

ми они называли себя хариджиты, «выходцы», то есть «выходящие на путь Аллаха» (по другой версии «вышедшие из повиновения, восставшие»).

В то же время начал формироваться культ Али. Для своих приверженцев он стал носителем особой миссии, которая якобы втайне была поручена ему самим Пророком. Рассказывали истории, как Али сам обмывал тело Пророка, и помогали ему в этом ангелы. Так на свет появились шииты, сторонники «Шиат Али» – партии Али. Они стояли за законно избранного халифа. Преемственность халифата для них была важнее, чем толкования писания.

Хариджиты вскоре окончательно отделились от Али и переместились в Нахраван в окрестностях Багдада. Там они избрали своего халифа, Абдуллу ибн Вахба.

Как и следовало ожидать, третейский суд кончился ничем. Одни из судей предложили избрать халифом Муавию, другие – какое-нибудь третье лицо. Снова началась война. Но теперь лагерь Али был расколот: шииты стали преследовать хариджитов и устроили против них военный поход. Большинство «чтецов» рассеялось при появлении войск Али, около двух тысяч самых верных было уничтожено. Но само движение хариджитов осталось жить и распыляло силы Али. Появились перебежчики, уходившие от Али к Муавии: в основном это были аристократы, недовольные политикой «равноправия», которую проводил благочестивый халиф и которая лишала их обычных привилегий. Жители Куфы от-

казались идти на Сирию, заявив, что хватит с них войн. В Египте вспыхнуло восстание, и власть в провинции перешла к Муавии.

Началась затяжная гражданская война, состоявшая из бесконечных стычек и мятежей, которые все больше ослабляли власть халифа. Отряды Муавии совершали глубокие рейды в тыл врага, захватив на время даже Мекку и Медину. В разгар междоусобицы Али был убит. В Куфе, куда он перенес свою столицу, три хариджита напали на него по пути в мечеть и проломили ему голову мечом. Два дня спустя он скончался в мучительной агонии. Одновременно хариджиты попытались убить Муавию и Амра, но оба спаслись по счастливой случайности: первый во время удара склонился в молитвенном поклоне и избежал смерти, а вместо второго по ошибке убили другого человека.

По описаниям современников, Али был толст и некрасив, среднего роста, очень смугл. Его белая борода, необыкновенно широкая, закрывала всю грудь, а белые волосы – цвета хлопка, как писали арабы, – гривой ниспадали на спину и венчиком курчавились вокруг лысины. В молодости он был очень воинственен и даже сына своего хотел назвать Харб – «война», но потом превратился в мирного семьянина, отрастил большой живот, за что его прозвали «пузаном», воспитывал своих многочисленных сыновей и дочерей и отличался большим добродушием. При всей своей личной храбрости и силе он был миролюбив и во время гражданской войны

всегда до последнего старался оттянуть столкновения между арабами. Горькая ирония заключалась в том, что именно миролюбие его и погубило.

Читайте в Приложении. Речь Али

Муавия и Хасан

Перед смертью приближенные спросили Али: если ты умрешь, присягать ли нам твоему сыну Хасану? Халиф ответил: я не побуждаю вас к этому и не запрещаю, решайте сами.

После тайных похорон Али – он приказал закопать себя в скрытом месте, чтобы враги не осквернили его могилу, – его сподвижники сразу присягнули Хасану. Тот первым делом отомстил убийце отца: хариджиту отрубили голову, а тело отдали на растерзание мусульманам. Все, что осталось после этого, облили нефтью и сожгли.

Али почитался его сторонниками так высоко, что многие отказывались верить его смерти. Говорили, что он не может умереть, пока не овладеет всем миром. О Хасане же никто не мог сказать ни хорошего, ни плохого. До того, как стать халифом, он вел тихую и приятную жизнь в Медине, пользуясь своим положением и не проявляя особого рвения ни в битвах, ни в политических распрях. Известно, что он участвовал во многих сражениях Али, но на войне не проявил себя ничем особенным. Внешнее Хасан был похож на своего

деда Мухаммеда, что очень трогало мусульман. В разговоре он немного заикался, но и это шло ему на пользу: считалось, что таким же недостатком обладал Моисей.

Новый халиф попытался договориться с Муавией. Все знали, что Хасан лично защищал Османа во время осады, поэтому никто не мог обвинить его в убийстве халифа, как прежде обвиняли его отца. Хасан надеялся, что сможет добиться присяги от Муавии, и писал ему письма, предлагая миром решить все вопросы и прекратить гражданскую войну. В качестве главного аргумента он приводил свое родство с пророком Мухаммедом, в то время как Муавия был сыном его худшего врага, Абу-Суфьяна.

Эти наивные попытки ни к чему не привели. Муавия ответил, что халифами всегда избирали и избирают людей достойнейших: не по семейному признаку, а по их способностям и умелости в управлении общиной верных. «Если бы я знал, что ты лучше меня поддержишь порядок среди подданных и лучше оградишь эту общину, будешь лучше управлять, и будешь тверже собирать средства, и будешь изворотливее в отношении врагов, то я ответил бы тебе согласием на то, к чему ты меня призываешь, и считал бы, что ты больше подходишь для этого. Но я знаю, что я дольше тебя управляю и опытнее тебя в отношении этой общины, больше тебя понимаю в политике и старше тебя годами». Он предложил Хасану добровольно отказаться от халифата, а взамен получить деньги и богатство.

Пока шла эта переписка, Хасан не делал никаких попыток собрать войско – и вдруг оказалось, что Муавия с армией уже стоит недалеко от Куфы. Хасан все-таки выступил ему навстречу, но во время похода его солдаты взбунтовались. Что послужило причиной мятежа, точно не известно. Говорили, что Хасан произнес перед армией миролюбивую речь в духе своего отца Али, и это вызвало гнев наиболее воинственных противников Муавии. Кто-то ранил его кинжалом в ногу, когда Хасан сидел в седле, и поход пришлось отложить.

Муавия воспользовался моментом, чтобы подкупить одного из главных сподвижников Хасана по имени Убайдаллах: за миллион дирхемов тот отрекся от халифа и перешел на сторону его соперника. Правда, Муавия и тут сумел сэкономить: он авансом отдал перебежчику только половину суммы, а остальную так и не выплатил.

Оставшись почти без армии, Хасан был вынужден начать переговоры об отречении от поста халифа. О том, как они проходили, историки рассказывают по-разному. Кто-то утверждал, что жадный и не желавший воевать Хасан попросил у Муавии ежегодного содержания в миллион дирхемов и все доходы от провинции Дарабджерда. Другие настаивали на том, что он требовал прежде всего гарантий безопасности для своих сторонников. Есть красивая история, как в разгар переговоров Муавия поставил свою печать на чистый лист и отдал Хасану, сказав, что тот сам может написать все условия, какие только пожелает.

Так или иначе, была заключена сделка, согласно которой Муавия принимал на себя власть халифа, а взамен обещал не назначать себе преемника и не причинять вреда никому из тех, кто выступал на стороне Хасана. После этого Хасан уехал в Медину и стал вести прежнюю беспечную жизнь, от которой в истории не осталось никаких следов. Ходили слухи, что он женился не меньше сотни раз, имел триста наложниц и множество детей. По натуре Хасан был очень женонлюбив и, поскольку по закону не мог иметь больше четырех жен, часто разводился с ними и женился на новых, за что получил прозвище аль-Митлак – «расторгатель браков». Шиты считают, что в конце концов он был убит Муавией, который боялся, что после его смерти власть снова перейдет к Хасану, а не к сыну Муавии – Йазиду. Похоронили Хасана рядом с его матерью, дочерью Мухаммеда Фатимой.

Так закончилась эпоха праведных халифов и началась другая – правление династии Омейядов.

Глава 5. Первая династия

Халиф Муавия

К моменту прихода к власти Муавия был уже пожилым человеком. Хроники описывают его как невысокого мужчину крепкого телосложения, с короткими ногами и слишком крупной головой. Вид у него не был ни грозным, ни могучим, но порой он умел наводить страх на собеседников, выпучив на них огромные черные глаза. Однако чаще халиф производил впечатление веселого и добродушного толстяка, который от всей души хохотал над шутками, трясая большим задом и животом, и от смеха порой даже заваливался на спину.

Муавия очень любил поесть, но не проявлял частой у арабов необузданной страсти к женщинам: он имел только четыре жены (не считая наложниц), а большую часть жизни обходился двумя. По арабским меркам, у него было мало детей: всего четыре дочери и три сына, из которых один умер во младенчестве, а второй страдал слабоумием. Немногочисленность потомства объясняли тем, что во время покушения на его жизнь хариджит повредил ему детородный орган, и Муавия стал бесплодным. Если верить летописям, после ранения врач предложил ему на выбор два лечения: мучительное или безболезненное, но грозившее бесплодием. Муавия

выбрал второе и все свое внимание и заботу сосредоточил на младшем сыне Йазиде, единственном наследнике. «Есть у меня Йазид, – говорил он, – и мне достаточно».

Муавия стал халифом не благодаря своему благочестию или родственным связям с пророком Мухаммедом, а исключительно с помощью политической и военной силы. Разумеется, он посещал мечеть и совершал все положенные намазы, точно следовал всем правилам ислама и даже имел определенный авторитет как секретарь Мухаммеда и источник хадисов, но благочестие его было скорее формальное, для виду. По сути он был политик до мозга костей.

В споре с другими претендентами на трон Муавия имел полное право выставлять себя как более опытного и умелого руководителя. Он твердо держал власть в своих руках и действовал продуманно и прагматично, не поддаваясь эмоциям и не упуская ничего из виду. Друзей и сторонников он осыпал щедрыми наградами, врагов привлекал добрым расположением и обещанием всевозможных благ, а если это не удавалось, расправлялся с ними быстро и беспощадно. Шита Ибн Аббаса, приходившегося Али двоюродным братом, он одарил огромной суммой денег, а колеблющегося Мугиру привлек, отдав ему во владение Куфу. Даже Зийяда, яркого сторонника алийцев, он переманил на свою сторону, сделав наместником в Басре. Муавия сравнивал себя с удильщиком, который отпускает леску, когда рыба тянет, и натягивает, когда она пытается уплыть. «Зачем применять меч

там, где достаточно бича, – спрашивал он, – и бич там, где хватает языка?»

Арабы ценили не только воинскую доблесть и безудержную агрессию. Они уважали «хильм» – благоразумное и мягкое поведение, когда результат достигается не силой, а уговорами и хитростью. Этим качеством вполне обладал Муавия, говоривший, что не любит войну, потому что она обходится слишком дорого.

Как человек и как правитель Муавия отличался религиозной терпимостью. Его личным секретарем был христианин Сергей, отец православного святого Иоанна Дамаскина. Лечившие его врачи тоже были христиане, которых арабы считали непревзойденными лекарями. Есть сведения, что он принимал участие в религиозных спорах христиан и однажды присудил победу секте маронитов. Муавия разрешил крестные ходы в Дамаске, с почтением относился к христианским святыням в Иерусалиме и допускал к ним многочисленных паломников из Европы, а собор в Эдессе, разрушенный землетрясением, приказал отремонтировать за государственный счет.

Муавия боялся покушений и даже в мечети сидел в специальном месте, отделенным от всех остальных перегородкой. Его повсюду сопровождала охрана, вооруженная копьями. Хариджиту, напавшему на него в мечети, пришлось дожидаться, пока стражник, стоявший между ним и халифом, нагнется в молитвенном поклоне: тогда он прыгнул ему на

спину и нанес удар Муавии. Но халиф в этот момент тоже склонился в молитве, и кинжал вонзился ему в ягодицы, не причинив особого вреда: Муавию спас его толстый зад.

«Кто подожжет, того сожжем»

Одним из самых ценных приобретений Муавии был Зийад ибн Сумайя или, по официальной версии, ибн Абу Суфьян. Человек без рода без племени, отпрыск не то рабыни, не то бродячей нищенки, – «сын своего отца», как презрительно его называли современники, – он начинал как ярый сторонник Али, но вовремя переметнулся на сторону Омейядов и стал его ближайшим помощником. Со временем этот незаурядный человек завоевал такое расположение халифа, что тот объявил его своим «братом» и передал в его власть все восточные провинции халифата. При этом своим настоящим братьям халиф не давал никаких постов, считая, что для дела важны личные качества, а не родная кровь.

Зийад полностью оправдал доверие Муавии, успешно подавив волнения иракцев и прибегнув для этой цели к невиданным прежде суровым мерам. В Басре, где бунтовали хариджиты, ненавидевшие Муавию еще больше, чем Али, он ввел комендантский час. После вечерней молитвы горожанам давалось немного времени, чтобы успеть разойтись по домам («столько, сколько длится чтение самой длинной сур в Коране», то есть около часа). Если кто-то появлялся

на улице позже, ему отрубили голову. Рассказывали, что в первую же ночь после указа было убито 500 человек, казнили даже какого-то несчастного бедуина, пригнавшего в город скот и ничего не знавшего о новых правилах. После этого напуганные басрийцы с такой быстротой покидали мечеть после молитвы, что часто забывали в ней свои сандалии.

Зийад закрыл все притоны и увеселительные заведения, где арабы предавались пьянству и разврату, и объявил войну преступникам. В городе стало так спокойно, что жители перестали запира́ть двери на ночь. Наместник лично ездил по городу на коне, прихватив с собой судью и начальника полиции, чтобы виновные сразу могли получить наказание. Его сопровождала многочисленная стража: куда бы он ни направлялся, она окружала его лесом из копий и щитов. Зийад получал подробные сведения от своих чиновников и частных лиц, наводнявших его дворец доносами. Строгий порядок был наведен не только в Басре, но и во всех провинциях. Наместник видел все и следил за всем. Он говорил, что если между ним и Хорасаном пропадет хотя бы веревка, он будет об этом знать.

Сразу по приезде в Басру Зийад обратился к горожанам со своей знаменитой речью, которую можно считать новой политической доктриной халифата. Смысл его выступления можно было свести к формуле: «Всякая власть от Бога, а поскольку я власть, то и я – от Бога». «Мы управляем вами властью, данной нам Аллахом, – объявил наместник, – и вы обя-

заны слушаться и повиноваться нам в том, что нам угодно, а мы обязаны обеспечивать вам справедливость в том, чем нам поручено управлять». В обмен на повинование и верность он обещал даровать справедливость и порядок. «Знайте, что я могу в чем-то совершить упушения, но в трех делах я не сделаю упушения: не укроюсь от того из вас, у кого будет нужда, даже если он постучится ночью, не задержу выплату вам содержания и жалованья позже положенного срока и не затяну вашего пребывания в походе».

Но наказание за любое неповиновение сурово и неотвратимо. «Берегитесь созывать сородичей на помощь, как во времена язычества: если я найду кого-нибудь, издавшего такой призыв, – отрежу ему язык. Вы придумали небывалые преступления, а мы введем для каждого преступления наказание: кто кого-то подожжет – того сожжем, кто кого-то утопит – того утопим, кто сделает пролом в стене дома – тому проломлю сердце, кто ограбит могилу – того закопаю в нее живым. Если вы уберете от меня свои руки и языки, то и я удержу мою руку от наказаний. Как только кто-то из вас окажет противодействие тому, на чем стоит большинство, так отрублю ему голову».

Зийяд ввел в Басре не слыханную прежде вещь – круговую поруку. «Клянусь Аллахом, что буду требовать с опекающего за опекаемого, остающегося за уезжающего, приехавшего за приезжающего, здорового за больного». Раньше считалось, что каждый араб отвечал только за себя: это следо-

вало из учения Пророка, и блюстители веры не преминули указать на это Зийяду. «Аллах сказал нам лучшее, чем ты, Зийяд», – заявил один из них. Но Зийяд ответил прямо и без ссылок на Коран: «Такие вопросы решаются только через кровь».

С той же целью Зийяд нарушил племенное формирование армии. Он разделил арабское войско на арафы – отряды, в которые входили воины разных племен. Теперь во главе каждой арафы стоял арифа, староста, лично отвечавший за своих подчиненных перед наместником. За проступок одного из членов арафы староста-арифа мог поплатиться своей головой.

Заключение его речи прозвучало как угроза: «Я вижу много качающихся на плечах голов – пусть каждый побережет свою!»

Все это было новостью для свободолюбивых и не любивших подчиняться арабов. Хотя в Куфе Зийяд обратился к горожанам с более примирительной речью, возмущенные куфийцы закидали его камнями. Тогда он окружил мечеть солдатами и заставил каждого из собравшихся по очереди поклясться Аллахом, что он не бросал камень. Всем, кто не дал такой клятвы, он отрубил правую руку.

Иракцы ответили бунтами и мятежами, вспыхнувшими сразу с нескольких сторон.

В Куфе была сильна шиитская оппозиция, к которой некогда принадлежал и сам Зийяд. Он попытался договорить-

ся с ее вождями, прибегнув к обещаниям и угрозам. Какое-то время ему удавалось держать их под контролем. Не менее опасны для власти были хариджиты, суровые блюстители веры, считавшие, что все, придерживающиеся «ложных» взглядов на ислам, должны быть уничтожены. По сути дела, это означало, что уничтожать следовало каждого, кто не был хариджитом. Воспользовавшись отсутствием Зийяда, они подняли восстание в Басре и начали убивать подряд всех жителей, попадавших им по пути. Поднятая по тревоге стража, объединившись с частью горожан, окружила и уничтожила мятежников. Главари восстания были распяты на стенах города, а их жены розданы в награду победителям. Некоторых из сопротивлявшихся женщин распяли обнаженными – это был неслыханный позор и сильный акт устрашения для мусульманок.

В том же году восстали шииты Куфы (671 г.). Возглавил восстание Худжр ибн-Ади, бывший соратник Зийяда в войнах Али, ставший теперь его врагом. Его влияние и авторитет были так велики, что Зийяд, подавив мятеж, не решился судить его сам, а отправил Муавии, который после долгих уговоров и убеждений скрепя сердце приказал казнить Худжру и его сподвижников. Это был первый случай, когда благоверных и благочестивых арабов казнили другие такие же благоверные и благочестивые арабы. Муавия сумел задобрить недовольных щедрыми подарками, заметив, что «раздача денег заменяет справедливость». Но огонь шиизма не

погас, и Худжр стал первым мучеником шиитов после самого Али.

Династия

Возможно, самым революционным деянием Муавии было введение династического правления. До сих пор халифом выбирали самого достойного и самого благочестивого араба: это подразумевалось само собой. Но Муавия, опиравшийся на власть государства, а не силу веры, не собирался следовать этой традиции. Он задался целью превратить халифат в наследственную монархию, соединив власть царя и имама. А для этого ему надо было убедить арабов присягнуть своему сыну.

Это невиданное прежде новшество столкнулось с сопротивлением всех явных и тайных противников Муавии. Оппозицию возглавили сыновья праведных халифов, считавшие, что они имеют больше прав на власть: Хусейн, второй сын Али, Абдаррахман, сын Абу Бакра, Абдаллах, сын Омара, и другой Абдаллах, сын Зубайра, ближайшего сподвижника Пророка. Муавии пришлось пустить все свое дипломатическое мастерство, чтобы после многолетних уговоров, угроз, маневров и интриг все-таки добиться своего.

Ключевой момент наступил в мекканской мечети, когда Муавия неожиданно объявил, что все сыновья халифов якобы уже тайно принесли присягу Йазиду. Окружавшие Муавию

вию воины тут же выхватили мечи и предложили убить всех негодяев, которые отказываются присягать публично. Напуганная четверка не осмелилась возразить, а их сторонники, решив, что вожди действительно принесли присягу, последовали их примеру. Когда выяснилась правда, было уже поздно: Йазид стал наследником халифа.

Со временем правление Муавия приобрело все внешние признаки монархии. Он первым из халифов завел себе двор и построил дворец (правда, такой скромный, что византийцы в насмешку называли его «скворечником»). Он принимал поданных, восседая на троне, окруженном стражей. Его личный секретарь и доверенное лицо, хаджиб, имел огромное влияние, хотя был всего лишь слугой: только через него можно было получить доступ к халифу. По вечерам халиф устраивал богатые приемы, где гостей развлекали чтением стихов и занимательными историями из прошлого.

Царствование Муавии продолжалось двадцать лет. Перед смертью он завещал похоронить себя в рубахе, подаренной ему Мухаммедом, и с обрезками его ногтей, которые сам собрал при жизни Пророка. Йазид в этот момент при нем не было – тот уехал в свое имение в Хувварин, где развлекался, проводя время на охоте.

Муавия оставил по себе хорошую память. Даже при Абассидах, его ярых противниках, старавшихся очернить все связанное с Омейядами, Муавию вспоминали с симпатией. Его называли «мурсал», то есть посланник Божий, и ставили на-

равне с первыми халифами. После прихода к власти Аббасидов сирийцы ждали некоего «суфьянида» (отца Муавии звали Абу Суфьян) как мессию, который спасет их от новых правителей. Правда, аббасидские халифы по-своему толковали эти пророчества, считая суфьянида чем-то вроде антихриста, который установит царство зла.

Смута

Когда умирает сильный лидер, долго правивший страной, нужен другой сильный лидер, чтобы удержать ее от волнений и неурядиц. После смерти Муавии такого человека не нашлось. Сын халифа Йазид был слишком молод и неопытен, а его вольный образ жизни отталкивал от него правоверных мусульман. Йазид любил роскошь и радости жизни. Он проводил время в компании певичек и танцовщиц, пил вино, сочинял стихи, ценил хороших собеседников и был знатоком псовой и соколиной охоты.

В Медине давние противники Муавии: Хусейн, сын Али, и Абдаллах ибн Зубайр, – отказались присягнуть Йазиду и демонстративно покинули город, перебравшись с семьями в Мекку. В Ираке, узнав о смерти Муавии, забурлили Басра и Куфа. Память об Али здесь была еще свежа, многие жители этих городов чувствовали свою вину за то, что в трудный момент отвернулись от своего предводителя. Теперь, когда Муавия умер, все взгляды обратились в сторону сына Али –

Хусейна.

Из Куфы к нему посыпались письма с призывами прибыть в город и возглавить восстание против Йазида. Авторы посланий уверяли, что здесь его ждет целая армия почитателей, что Куфа готова вспыхнуть, а к ней немедленно присоединится и Басра. «Поторопись! Поторопись, о сын дочери посланника Аллаха! Приезжай, если хочешь, ведь ты придешь к своему собравшемуся войску». Хусейн долго колебался, но в конце концов дал себя убедить. Он отправил в Куфу двоюродного брата Муслима, чтобы тот выяснил обстановку на месте и привел к присяге сочувствующих горожан, а сам стал готовиться к отъезду.

Прибыв в город, Муслим действительно нашел множество сторонников Хусейна и привел их к присяге. Он написал письмо Хусейну, сообщив об успехе дела, и отправил послания шиитским вождям в Басру. Но в Басре его призывы не нашли отклика. Наместником Басры и Куфы был Убайдаллах ибн Зийад, сын сподвижника Муавии, человек энергичный и не любивший медлить. Узнав о приезде Муслима, он в тот же день в ярости бросился в Куфу, захватив с собой только маленький отряд. В город он въехал ночью, завернувшись в плащ, и куфийцы, приняв Убайдаллаха за Хусейна, приветствовали его радостными криками.

Зийад-младший немедленно направился в мечеть и обрушил на горожан громы и молнии. Он пообещал выполнить все распоряжения халифа, наградив повинующихся и нака-

зав бунтовщиков. «У меня есть плеть и меч для тех, кто пренебрежет моим приказом и воспротивится моему распоряжению. Пусть каждый ответит за себя!»

Убайдаллах потребовал от военных старост составить списки всех приезжих в городе, пригрозив в случае саботажа и укрывательства врагов распять каждого виновного арифа на воротах собственного дома, а его солдат лишить жалования и отправить воевать на дальних рубежах. Муслиму пришлось прятаться в домах разных людей, пока один из них, авторитетный шиит Хани, не был арестован и жестоко избит Убайдаллахом. Только тогда, поняв, что терять нечего, куфийцы подняли бунт. Толпа из нескольких тысяч человек окружила дворец наместника, где укрылся Убайдаллах. В его распоряжении было всего два десятка соратников и тридцать человек охраны.

Но Муслим медлил, не желая открыто возглавлять мятеж и надеясь на стихийные действия толпы. Постепенно во дворец стянулись верные наместнику люди, и положение сил стало выравниваться. Убайдаллах снова пригрозил лишить жалования восставших и отправить их на окраины империи. Этого оказалось достаточно, чтобы пыл толпы угас и люди начали расходиться. Через несколько часов на площади перед дворцом уже не было ни души.

Убайдаллах назвал Муслима «трусом и дураком» и потребовал немедленно привести его к себе. Через день Муслима, одинокого и всеми брошенного, настигли за городом в чьем-

то саду и после короткой схватки доставили к наместнику. Никто не осмелился встать на его защиту. Вскоре он был казнен, его тело распято на базаре, а голова отвезена к Йазиду.

Гибель Хусейна

Хусейн в это время был уже в пути. Он выехал из Мекки со всеми своими женами, детьми и многочисленными родственниками. Караван почти достиг предместий Куфы, когда ему сообщили о смерти Муслима и разгроме мятежа. Пораженный этим известием, Хусейн остановился, не зная, что делать дальше.

Казалось бы, решение было очевидно. Весь отряд Хусейна едва насчитывал сотню человек, а в Куфе стояла многотысячная армия. Продолжать поход было безумием и самоубийством. И все-таки Хусейн решил идти в Куфу.

Позже было придумано много версий, объяснявших этот удивительный поступок. Говорили, что братья Муслима настаивали на кровной мести и убедили Хусейна, что как только он сам появится в Куфе, все изменится и горожане встанут на его сторону. Возможно, Хусейн был настроен фаталистически, как подобало истинному мусульманину, и хотел положиться на волю Аллаха, к чему бы это не привело. Возможно, он считал недостойным отступить с раз выбранного пути, тем более, что правда была на его стороне. Наконец, могло быть и так, что он сознательно стремился к мучениче-

ству, собираясь принести себя в жертву ради справедливости и истины. В любом случае, Хусейн двинулся дальше. Он отправил своего гонца в Куфу, все еще надеясь переманить на свою сторону его жителей, а когда это не удалось (посланца казнили, сбросив с крепостной стены), обратился к своим спутникам и предложил всем, кто не хочет идти на смерть, оставить его и вернуться в Мекку. Многие так и поступили.

Следующие несколько дней Хусейн кружил вокруг города и пытался проникнуть в Куфу с разных сторон, но это было невозможно. Убайдаллах не пускал его в Куфу и выслал к нему разных людей с приказом привести его к себе и принудить присягнуть Йазиду. Хусейн объяснял посланцам, что поехал в Куфу только потому, что его просили об этом сами куфийцы, и в доказательство предъявлял два мешка писем. Он пытался убедить их в своей правоте и призывал благочестивых мусульман перейти на его сторону, чтобы сражаться за внука и наследника Пророка. Все было бесполезно: многие слушали его сочувственно, но жертвовать своей жизнью никто не хотел.

Наконец, ему поставили ультиматум: сдаться или умереть. Хусейн попросил один день на размышление и начал готовиться к сражению. Ночью он и его люди выкопали вокруг лагеря ров, плотно сомкнули шатры и обвязали их веревками, образовав защитную стену. В его отряде было всего восемьдесят человек, в том числе тридцать два всадника; еще один, некий аль-Хурр, перебежал к нему перед самой схват-

кой. На стороне его противников было пятитысячное войско.

Несмотря на столь чудовищное преимущество куфийцев, сражение началось и продолжалось несколько часов. Куфийская конница атаковала нерешительно и вяло, пехота вообще не пошла в бой, и только лучники издали обстреливали врага, постепенно сокращая и без того маленький отряд Хусейна. Когда защитников почти не осталось, всадники беспрепятственно подъехали к шатру Хусейна и подожгли его, заставив женщин и детей с воплями вскочить наружу.

Сам Хусейн, раненный мечом в голову, взял на руки своего малолетнего сына и молча сел у шатра. Враги окружили его, не решаясь напасть. Вскоре пущенная кем-то стрела убила ребенка. Хусейн, продолжая сидеть, попросил воды, и ему дали чашу, но когда он поднес ее к лицу, еще одна стрела пронзила ему рот. Мучимый жаждой, он встал и попытался подойти к реке, но ему не позволили. Наконец, один из солдат ударил его мечом, второй пронзил копьем, третий отрубил голову. Вместе с ним погибли пятеро его сыновей, семеро родных братьев и множество двоюродных братьев и племянников: пощадили только младшего сына Али, болезненного подростка.

Победители добились раненных и разграбили лагерь, отобрав у жен Хусейна драгоценности и роскошные наряды. Самого Хусейна раздели догола, хотя перед смертью он нарочно надел дырявые штаны, чтобы избавить себя от этого бес-

честью. Когда его голову привезли в Куфу и бросили к ногам Убайдаллаха ибн Зийада, тот пренебрежительно потыкал ее в зубы палкой и назвал убитого «лжецом и сыном лжеца». Подавленные и напуганные куфийцы, еще недавно сами призывавшие Хусейна в город, не посмели возражать.

Поход Хусейна и его гибель казались полным поражением шиизма, но, как ни странно, в действительности оказались его победой. Если бы Хусейн повел себя более благоразумно, возможно, это религиозное течение никогда не достигло бы такой широты и силы. Но безумный подвиг внука Мухаммеда поразил воображение современников и превратил его в главного мученика шиитов. Все участники битвы в Кербеле стали считаться святыми, а их имена обросли легендами.

Хусейн стал в глазах шиитов чем-то вроде мусульманского Иисуса: его страдания переживались как личная трагедия каждого верующего. Сопереживание его мукам, покаяние и чувство вины за смерть праведника, всеми преданного и покинутого, стали центром религиозной жизни шиитов-двунадесятников. Рассказывали, что когда отрубленную голову Хусейна везли халифу, она по дороге обратила множество неверных и даже одного льва. Из кербельской глины, пропитанной кровью Хусейна, делались защитные амулеты, которые клали на ночь под подушку: спавший с ними спал как бы в самой Кербеле под покровительством Хусейна. Паломничество в Кербелу приравнивалось к хаджу в Мекку, и совершивший его официально считался хаджой.

Жажда Хусейна. Фраза «жажда Хусейна» стала у шиитов нарицательной. Одна из легенд рассказывает, что его брат Аббас бросился к реке и наполнил бурдюк водой, чтобы напоить Хусейна. Враги отрубили ему обе руки, но он все равно принес воду, неся бурдюк в зубах. В праздник «ашура» шииты в память об этом ставят на улице себилы – символические колодцы, в которых каждый желающий может выпить свежей воды. При этом пьющий обычно произносит: «Привет, Хусейн!»

Восстание Ибн аз-Зубайра

После отъезда Хусейна из Мекки Абдаллах ибн аз-Зубайр стал главным центром сопротивления Йазиду. Гибель Хусейна вызвала возмущение мекканцев и побудила Ибн аз-Зубайра призвать к выборам нового халифа. Все попытки Йазидом договориться с ним ни к чему не привели; максимум, что ему удалось, это с помощью подкупов и подарков переманить на свою сторону нескольких его соратников. Посланный против Ибн аз-Зубайра и мекканцев двухтысячный отряд Йазидом был разгромлен, а возглавлявший его Амр ибн аз-Зубайр (родной брат Абдаллаха, с которым они давно соперничали) – взят в плен и засечен до смерти.

Вскоре к возмущению присоединились и мединцы. Собравшись в мечети, они объявили Йазидом низложенным: каждый демонстративно скинул с себя чалму или сандалию и

воскликнул: «Вот так я низлагаю и Йазида!» Халифу ничего не оставалось, как отправить в город карательную экспедицию. Пятитысячная армия сирийцев подошла к Медине, жители которой углубили ров, выкопанный еще при Мухаммеде, и заделали проходы между домов, создав из них оборонительный вал. В завязавшейся битве перевес был на стороне мединцев, но их подвело отсутствие дисциплины: узнав, что небольшой отряд противника вошел в город с тыла, они бросились защищать свои дома и проиграли сражение. Сирийцы три дня безжалостно грабили город, убивая беззащитных горожан и насилуя женщин. После бойни оставшиеся в живых мединцев заставили не только присягнуть Йазиду, но и предоставить ему все свое имущество и собственную жизнь, то фактически есть объявить себя его рабами. Отказавшиеся были казнены, в том числе и старые сподвижники пророка Мухаммеда.

Покончив с мединцами, армия Йазида двинулась к Мекке, где Абдаллах ибн аз-Зубайр собрал своих сторонников. Во время осады города произошел невероятный для ислама эпизод: сирийцы начали обстреливать из катапульта Каабу, возле которой расположились Ибн аз-Зубайр и его люди. Некоторые историки сообщают, что удары катапульты и последовавший затем пожар повредили священный Черный камень. Словно в ответ на это кощунство, из Дамаска пришла новость о смерти Йазида. На очередной охоте он спьяну упал с лошади и разбился насмерть.

Новым халифом стал его слабый и болезненный сын Муавия II, передавший управление страной в руки своего двоюродного дяди Хасана ибн Малика. Это сразу изменило расстановку сил. Сирийская армия бросила осаду Мекки и вернулась в Дамаск. Египтяне списались с Ибн аз-Зубайром, предлагая признать его своим халифом. Даже младший Зийяд в Басре не проявил лояльности к Муавии и предложил басрийцам просто считать его своим правителем до тех пор, пока не закончатся неурядицы в столице. Но власть Зийада, державшаяся только на грубой силе и авторитете государства, была слишком шаткой; кончилось тем, он сбежал из дворца наместника, прихватив с собой казну, и укрылся в одном из кварталов Басры. В городе воцарились хаос и анархия.

Положение еще больше ухудшилось, когда Муавия-младший – благостный и тихий юноша, любивший размышлять о бренности земной жизни, – публично отрекся от власти и вскоре умер, не оставив преемника. В стране началось безвластие. Брат Муавии, Халид, на которого делали ставку Омейяды, больше интересовался наукой, чем политикой, и переводил греческие трактаты по химии. Начальник дамаской полиции ад-Даххак с трудом поддерживал порядок в городе. Тем временем Ибн аз-Зубайр неожиданно объявил себя халифом. Это вызвало недовольство многих его соратников: они считали, что халиф должен быть выбран всеарабским советом, как это делалось раньше. «Неужели ты не мог

дождаться, когда мы тебя выберем и присягнем», – возмущались они. В стане Ибн аз-Зубайра тоже начались разногласия и раздоры.

Марваниды

Между тем весы постепенно начинали склоняться на сторону Абдаллаха ибн аз-Зубайра. Ему присягнули Египет и Палестина, позже к ним присоединилась Басра, измученная беспорядками, а за ней и весь восток. Даже в Дамаске у Ибн аз-Зубайра было множество сторонников. Возможно, и сами Омейяды в конце концов согласились бы признать его власть, если бы в Дамаске вдруг не появился Убайдаллах ибн Зийад, сбежавший из Басры. Его энергичное вмешательство убедило сирийцев собрать совет и выбрать на нем единого халифа. Им стал Марван аль-Хакам – глава влиятельного клана хакам. Марвану пришлось жениться на матери своего политического соперника Халида, чтобы встать выше него в правах на престол, и пообещать ему и его сторонникам, что Халид получит власть после его смерти.

Халиф был избран, но почти вся страна находилась в руках Ибн аз-Зубайра. Даже ад-Даххак переметнулся на его сторону и отобрал у Омейядов Дамаск. Поэтому первый удар Марван нанес по армии ад-Даххака. Битва у Мардж Рахит – точнее было бы назвать ее противостоянием – продолжалась двадцать дней. Исход сражения решила хитрость Убайдал-

лаха ибн Зийада: он посоветовал Марвану заключить с ад-Даххаком перемирие, а когда его воины расслабятся, сокрушить их внезапной атакой кавалерии. Тот так и поступил. Армия ад-Даххака была разгромлена, и вся Сирия перешла под власть Марвана.

Следующей целью халифа стал Египет. Это была стратегически важная провинция, откуда в Мекку поступали золото и зерно. Хотя египтяне присягнули Ибн аз-Зубайру, часть местной знати поддерживала Омейядов и обещала Марвану помощь, если он вторгнется в Египет. Так оно и произошло: когда его армия появилась у Фустата, городская верхушка договорилась о почетной сдаче города. Вместе с Фустатом в подчинении Марвана оказалась вся египетская провинция.

После египетского успеха Марван почувствовал себя достаточно сильным, чтобы объявить своим преемником не Халида, как это было решено на совете Омейядов, а своего собственного сына – Абд-аль-Малика. Его предложение почти не встретило сопротивления. Хасан ибн Малик по каким-то причинам решил отказаться от своего протекже Халида, а других сильных соперников у него не было. Вскоре после того, как сирийцы присягнули Абд-аль-Малику, Марван умер. Говорили, что ночью его задушила подушкой собственная жена, мать Халида, чтобы отомстить за унижение сына.

Абд аль-Малик в это время был уже немолод – ему исполнилось сорок, – и имел большой опыт в политике и ведении

войны. Внешне он был очень привлекателен: высокий, статный, большеглазый, с орлиным носом, – но страдал скупостью и любил лесть. Власть попала к нему в неудачное время: халифу приходилось одновременно отбиваться от арабов на юге и византийцев на севере. Во главе Византии стоял талантливый Константин IV Погонат, не так давно разбивший флот Муавии с помощью греческого огня. Воспользовавшись раздорами арабов, византийский император за два года отвоевал Родос, Крит и Кипр и очистил от арабов все Средиземноморье, а на суше захватил Кесарию, Антиохию и Акку. Абд аль-Малику пришлось заключить с Погонатом унижительный мир, чтобы перебросить все свои силы на восстановление власти в халифате.

Снова шииты

Все это время в Басре и Куфе продолжались беспорядки. Формально оба города перешли под власть Ибн аз-Зубайра, но на деле их гораздо больше волновали свои внутренние распри. После смерти Хусейна они не только не угасли, но получили новый толчок. Вскоре после битвы в Кербеле в доме Сулеймана ибн Сурада, авторитетного шиита, в Куфе собрались пять старых сподвижников Али. Целью этого собрания было решить один вопрос – как искупить свою вину за предательство Хусейна. Все они чувствовали себя в ответе за гибель своего имама и считали невозможным жить даль-

ше, не отомстив за его смерть. На совете было решено уничтожить убийц Хусейна или умереть.

Такой случай представился очень скоро: у ворот города показался главный виновник смерти Хусейна – Убайдаллах ибн Зийяд, вернувшийся из Дамаска с сирийской армией. Шииты решили немедленно дать ему бой. К этому времени на стороне Сулеймана было уже 16 тысяч сторонников, но когда он объявил военный сбор, пришли только 4 тысячи. Союзники из Басры и вовсе не явились. Наместник Ибн аз-Зубайра в Куфе предложил подождать, пока он соберет свое войско, и выступить вместе, но Сулейман отказался: его цель была умереть ради искупления греха, а в таком деле помощь не нужна.

Преимущество изначально было на стороне Зийада-младшего, и во время сражения к нему подходили все новые войска. Сулейман с его 4 тысячами двое суток бился с троекратно превосходящей его армией. На третью ночь к Ибн Зийаду подошли еще десять тысяч человек. Исход битвы стал очевиден. На следующее утро шииты отбросили ножны своих мечей – было ясно, что они им уже не пригодятся, – и пошли в бой. Сражение длилось почти до вечера, пока лучники Зийада-младшего не перебили большую часть шиитского войска, в том числе и самого Сулеймана. Остатки его армии ночью отошли за реку, сожгли мосты и вернулись в Куфу.

Разгром и смерть Сулеймана выдвинули на первый план нового вождя шиитов по имени аль-Мухтар. Поначалу он не

имел большого авторитета и формально действовал от имени последнего сына Али, брата погибшего Хусейна, – Мухаммеда ибн Али. Сам Мухаммед не предпринимал никаких действий и даже не поощрял к ним аль-Мухтара, туманно говоря о воле Аллаха и возмездии за убийство брата, но аль-Мухтару, человеку убежденному и энергичному, было достаточно и этой уклончивой поддержки. Главными виновниками гибели Хусейна он считал куфийскую знать, поэтому его целью стало восстание против местных властей в Куфе. Он уговорил присоединиться к нему аль-Аштара, сына одного из близких друзей Али и влиятельного человека в городе, и начал подготовку к мятежу.

В ночь на 18 октября 685 года в Куфе началось восстание. Аль-Мухтар и аль-Аштар двумя отрядами пробились к центру города и осадили наместника в его дворце. Ему пришлось бежать из Куфы, и куфийская знать перешла на сторону мятежников. Таким образом, Куфа оказалась во власти аль-Мухтара и шиитов.

Дальше дела пошли менее удачно. Не теряя время, аль-Мухтар отправил армию против Мекки, поддерживавшей Ибн аз-Зубайра, но она была почти полностью разгромлена. Это пошатнуло положение аль-Мухтара. Чтобы повысить свой авторитет, он продемонстрировал своим сторонникам подлинное кресло Али: закутанное в парчу, оно превратилось в шиитскую святыню и предмет культа, к которому обращались с молитвами, как к живому существу. Но неудач-

ное сражение против Убайдаллах ибн Зийяда, снова придвинувшегося к городу, окончательно подорвало репутацию аль-Мухтара. Воспользовавшись отсутствием его главного военачальника аль-Аштара, который отправился воевать с Ибн Зийядом, куфийская знать подняла мятеж. Осажденный в центре города, отрезанный от пищи и воды, аль-Мухтар несколько дней отбивался от мятежников, дожидаясь помощи аль-Аштара, которого он призвал срочно вернуться в Куфу. Ему удалось продержаться до его прихода, и восстание было подавлено. Аль-Мухтар казнил несколько сотен человек – не только тех, кто участвовал в мятеже, но и всех, кого он считал врагами Хуйсена.

Расправившись с бунтовщиками, он снова бросил войска аль-Аштара против Ибн Зийада, и на этот раз удача была на стороне шиитов: сирийцы потерпели сокрушительное поражение, Ибн Зийяд был убит, а аль-Аштар захватил крупный город Мосул и несколько соседних областей, над которыми поставил своего брата.

В тот момент, когда дела шиитов, казалось, шли как нельзя лучше, все рухнуло: аль-Аштар, воодушевленный своими военными успехами, решил отделиться от аль-Мухтара и стать самостоятельным правителем. Аль-Мухтар остался один на один с враждебной Басрой, где местная знать, возмущенная расправой над куфийской верхушкой, уже готовила карательную экспедицию против шиитской Куфы.

Басра и хариджиты

В самой Басре тоже не было спокойствия. В городе снова подняли голову хариджиты. Они были четвертой силой, влиявшей на политическую обстановку в халифате, – после Омейядов, Ибн аз-Зубайра и шиитов.

Хариджиты, как и шииты, сражались не против представителей той или иной династии: они выступали против династического принципа как такового. Это были люди религиозной, а не государственной идеи: любое государство они считали злом, если в нем не господствовала вера.

Если в основе шиизма стояла простая и ясная мысль – халифами правоверных должны быть только прямые потомки пророка Мухаммеда (такие мысли легко укореняются и с трудом опровергаются), то хариджиты подошли к вопросу более радикально: единственной властью в стране может быть только сам ислам, все остальное вторично.

Как раз в это время произошло разделение на строгих и умеренных хариджитов. Глава первых, аль-Азрак (в честь него их называли азракитами), считал всех не-хариджитов язычниками, которых следует убивать, не различая возраста и пола. Каждый, уклоняющийся от пути Пророка, – это враг Аллаха, нечисть и мусор, который нужно как можно скорее вымести из этого мира. С неверными нельзя общаться, нельзя есть мясо их скота, жениться на их женщинах, принимать

от них деньги и наследовать их имущество. Более мягкое течение во главе с Надждой ибн Амиром признавало такой подход справедливым только для многобожников-язычников. В приверженцах других ветвей ислама они видели еретиков, своих заблудших братьев, признающих власть Аллаха и поэтому достойных того, чтобы им сохранили жизнь, тем более, если это были маленькие дети. (Хариджиты не видели ничего дурного в убийстве детей неверных).

Главные силы хариджитов находились не в Басре, а на окраине города, в военном лагере, где вся власть принадлежала ал-Азраку. Несмотря на многочисленные попытки, хариджитам не удалось захватить Басру силой, но они взяли город в полукольцо, почти отрезав его от поступления денег и товаров. С большим трудом басрийцы, собрав сильную армию, сумели прорвать эту блокаду и оттеснить хариджитов к северу, убив во время сражения их нового вождя ибн Башира.

Разгром аль-Мухтара

Восстановив свою влияние в близлежащих областях, басрийцы обратили все свои силы против аль-Мухтара, поставив во главе армии талантливого аль-Мухаллаба. Во время сражения с куфийцами аль-Мухаллаб притворным бегством конницы заманил противника в ловушку – это был любимый прием арабов – и одержал победу. Вскоре он подошел к

границам Куфы, где аль-Мухтар вместе с кучкой единомышленников уже подготовил оборону города. Начались ожесточенные бои за каждый городской квартал, в которых басрийцы постепенно теснили местных. Наконец, шииты, продолжая обороняться на тесных улицах, отступили в укрепленный район Куфы и дали последнее сражение. Исход битвы висел на волоске, когда свежие резервы аль-Мухаллаба, брошенные в последний момент, решили дело. Разгромленные шииты под покровом ночи прорвались в центр и укрылись в резиденции наместника.

Аль-Мухтар во второй раз оказался осажденным в центре города, но помощи ждать было уже не откуда. В его лагере осталось только несколько сотен человек, умиравших от голода и жажды. В распоряжение аль-Мухтара имелся лишь один колодец, вода в котором протухла, поэтому ее приходилось смешивать с медом. Несмотря на это, аль-Мухтар продержался в осаде четыре месяца. Когда положение стало безнадежным, он предложил соратникам выйти в город и погибнуть с оружием в руках. На его призыв откликнулось всего двадцать человек. Они бросились в бой и были перебиты вместе со своим вождем. Оставшиеся шииты сдались, сложив оружие, но этим ничего не выгадали: все они поголовно были казнены.

Победившие куфийцы постарались очернить аль-Мухтара, заявив, что он был еретиком и объявил себя пророком. В подтверждение этому обвинению представили нескольких

свидетелей, в том числе его жен. Но эти попытки были бесполезны: за спиной аль-Мухтара стояла фигура его идейного вдохновителя – Мухаммеда, сына Али и брата Хусейна, которой высоко почитался многими мусульманами. Сам Мухаммед, впрочем, сохранял полный нейтралитет, не выдвигая никаких претензий на власть, но отказываясь присягать кому бы то ни было.

Скрытый имам. После того, как Абд аль-Малик восстановил единовластие Омейядов, Мухаммед ибн Али продолжал спокойно жить в окрестностях Медины. Некоторые мусульмане верят, что он до сих пор тайно обитает в том же месте под охраной двух львов, питаясь мясом и молом белых газелей, которые посылает ему Аллах, – ибо он никто иной как «махди», мессия, который придет на землю в конце времен. Почитание Мухаммеда позже перешло и на его сына Абу Хашима, который якобы передал свои права Аббасидам, следующей династии ислама.

Так Ибн аз-Зубайр руками басрийцев вернул себе контроль над Куфой. На его сторону перешел даже аль-Аштар, сидевший после разрыва с аль-Мухтаром в своем Мосуле и после долгих колебаний между Абд аль-Маликом и Ибн аз-Зубайром выбравший последнего. Как показало время, это решение было ошибкой.

Хариджиты тем временем не дремали и захватывали все новые территории в халифате. Лидер умеренного крыла хариджитов Наджда ибн Амир отвоевал Бахрейн, Йамаму,

Йемен и Оман, став фактическим хозяином всего южного побережья Аравийского полуострова. Суровые азракиты, восстановив свои силы после поражения от басрийцев, терроризировали северные области, истребляя целые деревни, убивая детей и вспарывая животы беременным женщинам. Поражение под Исфаханом заставило их прекратить набеги и осесть в Кермане и Систане, основав там собственное государство.

Завоевание халифата Абд аль-Маликом

В первое время Абд аль-Малику было не до борьбы за власть: он упорно сражался со своим могущественным северным соседом, Византией, стоявшим у его границ. После нескольких лет войны халиф сумел снова захватить Антиохию и добиться выгодного мира с императором Юстинианом II. Только после этого, обезопасив себя с севера, он обратился к внутренним делам.

Его умелые и решительные действия быстро изменили ситуацию в стране. В течение двух-трех лет Абд аль-Малик разгромил несколько восстаний и мятежей, утвердил свою власть в Сирии и вторгся во владения Ибн аз-Зубайра. Действуя то силой, то дипломатией, то подкупом, он частью разбил, частью переманил на свою сторону большинство его союзников. С одним из них, Зуфаром, он даже породнился, женив на его дочери своего сына.

Когда дело дошло до Басры и Куфы, вопрос о власти удалось решить гораздо легче, чем можно было ожидать. Жители обоих городов устали от бесконечных войн и междоусобиц, к которым добавлялись частые неурожаи, голод и чума. Они искали сильную руку, и энергичный Абд аль-Малик, в отличие от пассивного Ибн аз-Зубайра, выглядел достойным кандидатом. После кровопролитной битвы у Маскина, где сторонники Ибн аз-Зубайра потерпели поражение, а воинственный аль-Аштар был убит, практически все население Басры и Куфы добровольно перешло под власть нового халифа. Вслед за этой победой Абд аль-Малик без особого труда справился с Наджей и его умеренными хариджитами, освободив Бахрейн, Йемен и Оман. Один из его полководцев без боя взял Медину.

Между тем Ибн аз-Зубайр продолжал пассивно сидеть в Мекке. Трудно понять, было ли это связано с его природной нерешительностью или благочестивой уверенностью в том, что священный град ислама защитит его всякого зла. Тем временем принадлежавшая ему территория, в которую некогда входил почти весь халифат, стремительно таяла, пока в его распоряжении не осталась одна только Мекка. В марте 692 года город окружили многочисленные войска халифа во главе с его новым фаворитом, суровым и решительным аль-Хаджджем ибн Юсуфом.

Омейядский полководец не стал брать Мекку штурмом, а предпочел выжидать, когда у ее защитников кончится про-

визия. Мучительная осада продолжалась семь месяцев. В последние недели голод стал невыносимым; под конец Ибн аз-Зубайр раздал воинам все запасы своего зерна и даже скормил им своего коня, но это не помогло. Наконец, аль-Хадждадж объявил, что помилует всех, кто добровольно покинет город, и большая часть мекканцев перешла на его сторону. В их числе был старший сын Ибн аз-Зубайра, Абдаллах. Сам Ибн аз-Зубайр с младшим сыном и кучкой бойцов засел в мечети, где стояла Кааба, и упорно сопротивлялся нападавшим, которым пришлось снова обратиться к помощи катапульты. В конце концов, главе повстанцев ничего не осталось, как броситься в последнюю безумную атаку и погибнуть смертью храбрых. Тело Ибн аз-Зубайра распяли в Мекке, а отрубленную голову отправили Абд ль-Малику. С гражданской войной в халифате было покончено.

Реформатор и строитель. Восстановив власть в халифате, Абд аль-Малик приказал воздвигнуть в Иерусалиме новую мечеть – Купол скалы, – посещение которой могло заменить паломничество в Мекку. Ее построили на месте вознесения пророка Мухаммеда на небо. Халиф постарался сделать мечеть самым заметным зданием в городе, чтобы показать победу и величие ислама. С той же целью он провел денежную форму, заменив старые византийские и персидские монеты на новые динары и дирхемы с изображением халифа и цитатами из Корана. При Абд аль-Малике все государственные дела впервые стали вестись только на

Аль-Хаджжажд

После смерти Ибн Зийяда, верного слуги Омейядов, Абд аль-Малик нашел ему достойную замену в лице аль-Хаджжажда. Его имя было достаточно красноречиво – оно означает «костолом». Бедняк и выходец из низов, аль-Хаджжажд начинал с должности учителя, потом вступил в армию и несколько лет служил в полиции Дамаска. Здесь он обратил на себя внимание халифа решительными действиями против мятежников, а когда ему удалось успешно расправиться с Меккой и Мединой, Абд аль-Малик сделал его своей правой рукой.

Человек жесткий и твердый, часто жестокий, аль-Хаджжажд как нельзя лучше подходил для роли сильного лидера и усмирителя провинций. Незначительность происхождения делала его независимым от клановой борьбы и от почтения к старым соратникам Пророка: он никого не уважал, никого не боялся и был лично предан одному халифу. Его не смутил даже кощунственный обстрел Каабы катапулей – безопасность государства была выше подобных мелочей. В Медине он велел на всех, кто посмел противостоять Омейядам, повесить свинцовые бирки рабов, невзирая на их знатность и прошлые заслуги. Чувствуя за спиной власть халифа, аль-Хаджжажд вел себя высокомерно и презрительно, осы-

пая оскорблениями и угрозами каждого, кто не проявлял лояльности к правителю. Зато и заслуги его перед халифатом были очень велики.

Как только в Куфе и Басре – источниках вечного брожения – начались новые волнения и стычки, Абд аль-Малик отправил туда аль-Хаджжажда, сделав его наместником всего Востока. Прибыв в Куфу, новый правитель сразу показал свой крутой нрав. Его громовую речь перед горожанами сравнивали с речью Зийада, хотя она была намного красочней и поэтичней. «Воистину, вижу я созревшие головы, время жатвы которых наступило. Я буду брать вас в руки не так, как берут инжир, и не шумите мне старыми бурдюками! Я обдеру вас, как обдирают кору с деревьев, и забинтую повязками смирения. Я буду бить вас, как верблюда, отбивающегося от стада, и, клянусь Аллахом, не отстану, пока не добьюсь своего. Клянусь Аллахом, я наставлю вас на путь истины или же займусь телом каждого из вас».

Он объявил новый набор в иракскую армию и пригрозил казнить каждого, кто спустя три дня все еще останется в городе. Для примера он велел казнить какого-то старика, пришедшего просить об отсрочке. Призывники тут же толпами хлынули на фронт. «Наконец-то в Ирак пришел мужчина», – заметил возглавлявший войска ал-Мухаллаб.

Всего этого оказалось вполне достаточно, чтобы восстановить против себя басрийцев. Не успел аль-Хаджадж отправиться в поход на хариджитов, как против него взбунто-

валась собственная армия. Недовольные его высокомерием и скупостью (он отменил полагавшуюся воинам прибавку), солдаты выступили против своего полководца и разграбили его ставку, захватив государственную казну и двух его жен. Аль-Хаджажд с кучкой сторонников укрылся в укрепленном месте. Однако вместо того, чтобы униженно вести переговоры о сдаче, как все ожидали, он высокомерно потребовал от мятежников явиться к нему с повинной, угрожая в случае неповиновения расправиться с их родными. Такая самоуверенность смутила бунтовщиков. В их лагере начались разногласия, и некоторые из восставших перешли на сторону аль-Хаджаджа. Это почти уравнило силы. Когда в решающей схватке аль-Хаджадж убил главаря мятежников и обещал прощение всем остальным, остальные предпочли сдаться. Зачинщики были казнены и дисциплина восстановлена.

Партизанская война Шабива

Хариджитов в это время возглавлял Шабив ибн Йазид – талантливый и смелый полководец, славившийся своей удачливостью и считавшийся непобедимым. Он умел появляться в самых неожиданных местах и нападал внезапно, чаще всего ночью, нанося удары там, где враг был наиболее слаб и уязвим. В самых безнадежных ситуациях он совершал дерзкие вылазки и смелые маневры, которые позволяли ему разбивать превосходящего противника. Когда силы становились

совсем неравны, Шабиб уходил в пограничные районы и, пополнив свои ресурсы, возвращался с новой армией.

Аль-Хадждадж не знал покоя: стоило ему отойти от Куфы, как Шабиб появлялся у него в тылу и, ворвавшись в беззащитный город, бесчинствовал на его улицах и площадях. Раздраженный наместник собрал, наконец, огромную армию в 12 тысяч человек и, разделив ее на семь отрядов, попытался взять Шабиба в кольцо; но тот по очереди разбил все отряды и снова ускользнул на север. Аль-Хадждадж бросил вдогонку шеститысячную армию, однако и она была разгромлена хариджитами. Большинство солдат были перебиты, а оставшиеся в живых помилованы с условием, что признают Шабиба в качестве халифа.

Тогда аль-Хадждадж обратился за помощью в Сирию, и когда Шабиб вернулся в Ирак, его встретила опытная, закаленная в боях сирийская армия из восьми тысяч человек. Ничуть не обескураженный, Шабиб напал на Куфу раньше, чем к ней успели подойти войска. Во время ночной атаки, перебравшись по какой-то дамбе через заградительный ров, он наголову разбил трехтысячный отряд куфийцев и убил их военачальника. Но аль-Хадждадж уже ждал его в городе с подоспевшими сирийцами. Теперь он лично встал во главе войска, и яростные атаки хариджитов стали захлебываться одна за другой. Наконец, аль-Хадждадж сам перешел в наступление; он оттеснил Шабиба от города и в то же время бросил отряд наемников на его лагерь. Хариджиты спе-

шились и выстроились в каре, ошестинившись копьями, но, узнав о разгроме своего лагеря, обратились в бегство.

Шабиб отступил с небольшой кучкой сторонников и вновь ушел на север. Через пару месяцев он снова появился у границ Ирака, и начались новые сражения. Во время одного из них Шабиб, прикрывая с небольшим отрядом свое отступающее войско, упал с моста и утонул. Его конь остутился в темноте, и поскольку он ехал последним, хариджиты не сразу поняли, что произошло. Наутро сирийцы выловили тело Шабиба, отрубили ему голову и отправили ее аль-Хаджжаджу (697).

Покончив с Шабибом, аль-Хаджжадж расправился и с радикальными азракитами. Их погубили собственные распри, расколовшие армию и ставшие причиной ряда тяжелых поражений. Хариджиты рассеялись, но не исчезли; собираясь маленькими группами и уходя в пограничные районы, они при каждом удобном случае нападали на омейядские войска. То здесь, то там вспыхивали бунты и восстания, которые быстро и жестоко подавлялись, но всегда только на время.

Хариджиство пронизывало все арабское общество и служило плодородной почвой для любого восстания и бунта. Недовольство радикальных мусульман постоянно тлело в ожидании повода для вспышки. Особенно это было заметно на пограничных территориях халифата. Здесь собирались те, кто был недоволен властью или собственной судьбой: всевозможные наемники, искатели удачи, авантюристы, смель-

чаки, любители риска и наживы.

Война с аль-Ашасом

Как только аль-Хаджжадж навел порядок в Ираке, Абд аль-Малик перебросил его дальше на восток, в пограничные провинции Систан и Хорасан. В Систане наместник быстро набрал мощную и боеспособную армию для вторжения в соседний Кабулистан (Афганистан) и поставил в ее главе Абдаррахмана ибн Мухамада ибн аль-Ашаса. Такое назначение многих удивило: не потому, что аль-Ашас не был достойным кандидатом, – наоборот, среди арабов он пользовался уважением и авторитетом, – а из-за личной неприязни к нему аль-Хаджжаджа. Аль-Ашас был аристократ, потомок древнего и знатного рода, один из тех представителей арабской верхушки, которые презирали аль-Хаджжаджа и откровенно демонстрировали ему свое высокомерие и превосходство. В ответ аль-Хаджжадж испытывал к нему такую неприязнь, что, как говорили, не мог даже спокойно смотреть на его походку. Некоторые увидели в назначении аль-Ашаса скрытое коварство: говорили, что аль-Хаджжадж нарочно поручил ему трудную и опасную миссию борьбы с афганскими горцами, надеясь, что он потерпит поражение. Другие предупреждали наместника, что если он даст аль-Ашасу такую сильную армию, тот обязательно против него взбунтуется. Аль-Хаджжадж на это будто бы ответил: «А я и хочу, чтобы он взбун-

товался».

И аль-Ашас действительно взбунтовался. Впрочем, начало компании было вполне удачным: аль-Ашас медленно, но неумолимо углублялся в Кабулистан, ставя свои гарнизоны в крепостях и готовя базу для масштабного наступления. Но у аль-Хаджжаджа это вызвало раздражение: он считал, что аль-Ашас слишком нерешителен, и осыпал его гневными письмами, требуя немедленного разгрома врага. «Приступай к выполнению приказа о вторжении в их землю, разрушении их крепостей, убиении их воинов и пленении их детей!» Аль-Ашас пытался оправдаться и переубедить наместника, но в ответ тот пригрозил лишить его власти и передать армию в руки его брата.

Тогда аль-Ашас собрал военный совет и предложил совместно решить, что делать дальше. Армия выступила за то, чтобы не повиноваться аль-Хаджжаджу и сместить его с поста наместника. Аль-Ашас тут же заключил союз с шейхом Кабулистана и пообещал не брать с него дани в случае победы над аль-Хаджжаждем. Тот, в свою очередь, обязался укрыть аль-Ашаса у себя в случае поражения. К восставшим присоединились хариджиты и многие недовольные режимом Омейядов; начали говорить о том, что сместить надо не только аль-Хаджажажа, но и самого Абд аль-Малика. Это напугало некоторых мятежников, в том числе четырех родных братьев аль-Ашаса, которые поспешили покинуть лагерь. Правитель соседнего Хорасана, знаменитый аль-Му-

халлаб, также отказался присоединиться к мятежу. Но армия ал-Ашаса и так была огромна: выйдя ей навстречу, аль-Хадждадж не решился вступить в сражение и отступил к Басре, а потом еще дальше, в Мирбад. Он дал бой только после того, как Абд аль Малик прислал ему значительное пополнение из Сирии. В решающей битве аль-Ашас едва не одержал вверх, но его воины увлеклись грабежом захваченного лагеря, и внезапная атака сирийской конницы смяла и опрокинула их ряды (701).

Аль-Ашас оставил своего полководца аль-Аббаса защищать Басру, а сам кинулся в Куфу, надеясь отрезать аль-Хадждаджа от помощи халифа и переломить ход событий в свою пользу. Без аль-Ашаса аль-Аббас не смог удержать Басру: басрийцы предпочли сдаться аль-Хадждаджу в обмен на помилование. Эта неудача была компенсирована положением в Куфе. Куфа к тому времени была уже захвачена еще одним бунтовщиком помельче, Маттаром, который при появлении аль-Ашаса благоразумно перешел на его сторону. То же самое сделали гарнизоны соседних крепостей, а когда к аль-Ашасу присоединился вырвавшийся из Басры аль-Аббас с тысячью воинов, армия мятежников стала такой же сильной, как до поражения.

Аль-Хадждадж направился из Басры в Куфу, но не решился дать сражение, а вступил в затяжное противостояние с преградившей ему путь армией аль-Ашаса. Это заставило халифа Абд аль-Малика начать переговоры с аль-Ашасом:

он предложил сместить ненавистного всем аль-Хадждажа с поста наместника и назначить вместо него своего брата Мухаммеда, а аль-Ашасу дать в управление любой крупный город Ирака. Но аль-Ашас не хотел удовлетвориться чем-то меньшим, чем место самого аль-Хадждажа; он отказался, решив добиться своей цели силой. Тогда халиф прислал новые подкрепления наместнику, и 26 июля 701 года произошла новая битва. И вновь сирийская конница нанесла решающий удар, атаковав левый фланг противника. Мятежники попытались провести излюбленный маневр арабов – ложное отступление – но сделали это так неудачно, что многие солдаты подумали, что сражение действительно проиграно, и ударились в бегство. Аль-Ашасу удалось уйти с небольшим отрядом, остальные сдались на милость победителя.

Однако мятеж на этом не закончился. Басрийцы неожиданно подняли бунт и, изгнав наместника халифа, передали город в распоряжение аль-Ашаса. Басра снова оказалась в его руках, и аль-Хаджаджу пришлось спешить назад из Куфы, чтобы заново отбить уже взятый город. На подступах к Басре аль-Ашас встретил его с крупным войском, собранным из новых повстанцев и остатков старой армии. Началось сражение, которое, на арабский манер, продолжалось почти месяц и закончилось новым поражением мятежников. В плен попало несколько тысяч солдат, безжалостно казнённых аль-Хаджадом. Аль-Ашас бежал с кучкой сторонников, отбиваясь от преследовавших его сирийцев, все дальше

на восток – в Систан, где оставались верные ему войска.

Но бывшие сторонники быстро отвернулись от разбитого бунтовщика. Города один за другим закрывали перед ним ворота. Наконец, в одном из них его схватили и арестовали, чтобы передать аль-Хаджжаду. Только пришедший на помощь шейх Кабулистана вызволил его из тюрьмы. С его помощью аль-Ашасу удалось вновь отвоевать Систан и собрать новую большую армию, способную бросить вызов аль-Хаджжаду. Однако время было уже не то. Недавние поражения подорвали его авторитет, и в стане мятежников начались разногласия и ссоры. В конце концов, аль-Ашас почел за лучшее оставить все и уехать к шейху в Кабулистан. Но задержался он там не долго. Вскоре шейх заключил выгодный договор с аль-Хаджжадом и для закрепления отношений выдал ему своего гостя и его соратников, заковав их попарно в цепи. До встречи со своим врагом аль-Ашас не дождался: по одной версии, он бросился со стены крепости вместе со своим напарником, по другой – просто умер по дороге.

Его дело попытался продолжить аль-Аббас, но потерпел поражение и с трудом сбежал на самую дальнюю окраину халифата, в индийский Синд, где власть халифа оставалась довольно условной. После его разгрома были казнены еще тысячи пленников, представители старой арабской аристократии. Мятеж закончился крахом, а власть аль-Хаджжада и Омейядов стала еще крепче.

Смерть аль-Хаджжаджа

Аль-Хаджжадж проявил себя не только воином, но и строителем. В противовес ненадежным и вечно бунтовавшим Басре и Куфе он основал новую восточную столицу – Васит, что значит «середина». Город возвели на берегу Тигра всего на за три года, согнав тысячи чернорабочих, мастеров и ремесленников со всего Ирака. Обитые железом двери и ворота для дворца и мечети вывезли из соседних городов, бесцеремонно сняв их с городских ворот и частных зданий. Примерно так же поступили и с жителями: в Васит переселили множество торговцев, менял, купцов, ювелиров и даже представителей знатных семейств из Куфы и Басры. В центре города построили огромный мост через Тигр и монетный двор, чеканивший иракские дирхемы. Для орошения окрестных земель был прорыт большой канал. Здесь, в окружении своих сирийцев, аль-Хаджжадж чувствовал себя уверенно и надежно.

Но даже сирийская гвардия не могла защитить его от смерти. В 714 году он скончался от какой-то болезни, передав власть не своим сыновьям, а начальнику городской полиции: даже в момент смерти он думал о пользе дела.

Аль-Хаджжадж был верным слугой Омейядов и всегда считал, что государство и власть халифа важнее жизни его подданных. Он сурово преследовал всех несогласных и осо-

бенно ненавидел заносчивых аристократов, чье своеобразие грозило нарушить порядок в обществе. Казни, карательные походы, подавление мятежей – все было направлено на благо халифата. И все-таки его жестокость, видимо, превосходила принятые в то время нормы, судя по той ненависти, которую испытывали к нему современники. Многие первоисточники рисуют его просто чудовищем. Историк аль-Масуд писал, что он родился уродом без ануса и ягодиц, не пил материнского молока, а питался кровью животных. По словам того же историка, при аль-Хаджадже было казнено ни много ни мало сто двадцать тысяч человек. Когда он умер, в тюрьмах сидело восемьдесят тысяч человек, из них тридцать тысяч женщин. В числе этих узников было и 16 тысяч так называемых муждаррадов, «неприкрытых»: они сидели в тюрьмах без крыши, на солнце, холоде и дожде, причем мужчин и женщин содержали вместе. За жестокость мусульманские законники даже якобы собирались признать его кафиром, неверным, но сошлись на том, что он послан для испытания, как наказание от Бога.

Внешний облик аль-Хаджаджа был мрачен и внушал страх. Он всегда ходил в черной чалме и панцире, с колчаном и луком. Близко знавшая его Умм аль-бинин, жена халифа Валида, говорила, что лучше встретиться с ангелом смерти, чем с аль-Хаджажем. Так или иначе, для арабов он стал легендарной личностью, одной из ключевых фигур мусульманской истории, величественной, но устрашающей и мрач-

ной. В нравоучительных рассказах и сказках это один из популярных персонажей, воплощение сильного и немилосердного властителя.

Валид I

После Абд-аль-Малика должен был править его младший брат Абд аль-Азиз, но он умер от болезни, и наследниками стали сыновья халифа Валид и Сулейман. Вопреки всем правилам им принесли присягу еще при живом халифе. Какой-то законовед, пытавшийся возразить против этого нововведения, получил сто ударов плетью.

Валид пришел к власти после смерти отца, в 33 года. На вид он был крепок, хорошо сложен и высок ростом. Только оспины и приплюснутый нос портили его лицо. Новый халиф не любил наук, был грубоват и энергичен, часто впадал в гнев. Положение его в государстве было прочно и надежно: западом халифата правили его братья и дядья, а востоком – аль-Хаджжадж.

Валид I прославился прежде всего как строитель. Он возвел знаменитую мечеть в Дамаске, пригласив мастеров и живописцев из самого Константинополя. Колонны, инкрустированные разноцветным мрамором, великолепная мозаика на стенах, гигантский купол с роскошной позолотой, пол, устланный тысячами ковров, – это было лучшее сооружение во всем арабском мире. В комплекс мечети вошла и пере-

строенная церковь Иоанна Крестителя, которую Валид, вопреки всем обещаниям и договорам, отобрал у христиан. Правда, ее главную святыню – голову Иоанна – он оставил: она до сих пор хранится на прежнем месте вместе с головой Хусейна, сына Али.

По приказу Валида была перестроена и расширена старая мечеть в Медине, хотя для этого пришлось снести дома жен пророка Мухаммеда, где жили их наследники. В его правление в исламских странах впервые появились минареты, подражавшие колокольням христианских храмов, и михрабы – ниши, указывающие направление к Каабе.

Валид не был чужд милосердия и благотворительности. В Медине он построил лепрозорий для прокаженных и распорядился приставить к каждому слепому поводыря, а к каждому парализованному – слугу. В Дамаске по его распоряжению аль-Хаджжадж организовал в бесплатную лечебницу.

При Валиде территория халифата увеличилась еще на миллион квадратных километров, а население – на миллион подданных. Но сам он никак не участвовал в этих завоеваниях, предоставив действовать своим наместникам, от которых только получал пополнения в казну. Во всем остальном он позволял им править независимо, по крайней мере, до тех пор, пока это шло во благо государству.

Через десять лет правления Валид заболел и в сорок четыре года умер в христианском монастыре близ Дамаска (715).

Сулейман

Следующим халифом стал младший брат Валида, 36-летний Сулейман. Внешне он был еще более привлекателен, чем брат: высокий, стройный, длинноволосый, с властным и красивым лицом, выделявшимся сросшимися бровями и необычной для араба светлой кожей. Поданные восхваляли его щедрость, называя «ключом благ». Его главной слабостью были еда и роскошные наряды. Сулейман первым ввел в моду шаровары – сирваль – и легкие пестрые ткани для мужчин.

Власть проявила худшие черты его характера – вздорность, самодурство, ненужную жестокость. Однажды к Сулейману во время пира привели несколько сотен пленных византийцев. Сулейман лично бросился их избивать и потребовал того же от всех присутствующих. Гостям пришлось взять мечи и рубить головы пленникам. При этом все считали его культурным и благочестивым правителем.

Придя к власти, Сулейман устранил всех людей Валида и заменил их своими. Аль-Хадждаж к тому времени уже умер, но халиф отыгрался на его родственниках: их арестовывали, пытали, убивали, вымогали деньги. Позаботился он и преемнике, приведя подданных к присяге своему сыну Айюбу. Однако Айюб вскоре умер, и вопрос о наследнике повис в воздухе.

Военные действия при Сулеймане не были так успешны, как при Валиде. Однако именно Сулейман чуть не захватил Константинополь. Он послал своего брата Масламу, который окружил город со всех сторон, как с суши, так и с моря. Столица ромеев никогда еще не был в такой опасности. Но через год осада была снята. В решающий момент египетские копты, успевшие возненавидеть арабов, перешли на сторону византийцев, что определило исход битвы. Помог и «греческий огонь».

В 717 году Сулейман неожиданно заболел и умер. Хотя у него оставались сыновья, перед смертью он объявил наследником Омара ибн Абда аль-Азиза – за его великое благочестие. Возможно, выбрав в правители праведника, Сулейман хотел замолить свои грехи.

Омар II

Омар II – идеал мусульманского государя, порой его называют «пятым праведным халифом». Жизнь подданных при нем считалась образцовой. Он отличался благочестием, набожностью, терпимостью и мягкостью. Внешность у него тоже была благообразной – тонкие черты лица, подчеркнутые пышной бородой.

Омар родился и жил в Египте в правление Абд аль-Малика. В юности лошадь ударила его копытом, и отметина от ее подковы осталась на его лице на всю жизнь. После этого

его старший брат Абан, ученый, умевший видеть будущее, предсказал Омару, что тот станет халифом.

В юности он был близок ко двору Омейядов и породнился с ними, когда Абд аль-Малик выдал замуж его сестру за своего сына Валида. Вскоре Омар приобрел такой почет, что получил право сидеть даже выше сыновей халифа, кроме Валида. Он был очень богат и тратил огромные деньги на лошадей, наряды и предметы роскоши. Молодой князь покупал самые дорогие духи, и многие старались стирать свою одежду в той же прачечной, что и он, чтобы она пропиталась запахом его духов.

При дворе Сулеймана, большого любителя женщин и пиров, Омар вел вольный образ жизни. В это время его описывали как крепкого жизнерадостного мужчину, не чуждавшегося удовольствий и развлечений. Женщин он, видимо, тоже любил, судя по тому, что от одной только рабыни-наложницы у него родилось девять детей.

Своей добротой он смягчал жестокий нрав Сулеймана. Однажды халиф приказал сжечь в Иерусалиме всех прокаженных, которые раздражали его звоном своих колокольчиков. Омар уговорил его просто отослать их в дальнюю деревню.

Став халифом, Валид I сделал его наместником Медины. Уже тогда Омар прославился своей милостью: при нем в Медину бежали те, кого преследовал аль-Хаджжажд.

Валид хотел сделать своим преемником не младшего бра-

та Сулеймана, как велел Абд аль-Малик, а своего сына Адб аль-Азиза, племянника Омара. Но Валид умер раньше, чем успел осуществить это намерение, и халифом стал Сулейман. Омар, бывший тогда уже первым лицом после халифа, привел народ к присяге к Сулейману, законному наследнику, в ущерб своему племяннику. Тот настолько доверял своему дяде, что не возразил ни слова и полностью признал его правоту. После смерти Сулеймана солдаты присягнули Абд аль-Азизу, не зная, что Сулейман завещал власть Омару. Омар попытался отказаться от трона, но его племянник заявил, что тот гораздо более достоин быть халифом, чем он.

Придя к власти в 35 лет, Омар полностью переменял свое поведение. Он отказался от роскоши, раздал свои имения и стал приверженцем бедности и простоты. Говорили, что, став халифом, он «пересел с коня на мула». Законом страны он сделал благочестие и точное следование исламу. В это время как раз наступил сотый год хиджры. Арабы были уверены, что мусульманская община просуществует только сто лет, а потом наступит конец мира. Религиозные, даже покаянные настроения были очень велики. Этому соответствовало и правление Омара. Он стал аскетом, худым и бледным, как монах. Весь его костюм стоил не более 12 дирхемов. Рассказывали, что он носил только одну рубашку, и когда она была в стирке, не мог выходить на люди. Он никогда не улыбался, ел один хлеб и чечевицу с чесноком. Его волновало только спасение своей души. Он говорил, что, став халифом,

достиг предела земных благ и отныне ищет лишь райского блаженства.

В том же духе он управлял своей страной. Омар распорядился установить мир во всем халифате, отвел войска от Константинополя и заключил мир с Византией. Взамен он попросил императора построить в византийской столице мечеть, что и было сделано. Большинство наместников он сместил за жестокость и произвол и поставил на их место других, поручив им заботиться о бедных и никого не притеснять. В своих посланиях он предписывал не отрубать рук должникам, гасить долги неимущих из казны, не бить животных кнутом с железными наконечниками, писать сжатым почерком, чтобы экономить дорогой папирус. Омар считал, что мусульмане должны довольствоваться тем, что имеют, и им не нужны никакие завоевания. Вместо то этого он отправлял послания соседним правителям, убеждая их принять ислам.

Омар приказал освободить от налогов всех, кто принял ислам. После этого количество мусульман сразу резко увеличилось, а поступления в казну – сократились. Он смягчил подати от христиан и освободил от них церковное духовенство. Он щедро платил жалованье армии, старался возместить ущерб тем, кто пострадал при прежнем халифе. Казна при нем опустела, за что его упрекали впоследствии. Но все, даже христиане, считали его образцовым, милосердным, богобоязненным правителем.

Даже к шиитам Омар проявлял благосклонность и запре-

тил проклинать Али в мечетях, как делалось до него. Он попытался договориться и с хариджитами и устроил с их представителями богословский и политический диспут об исламе. При всей суровости и благочестии хариджиты не могли предъявить никаких претензий лично к Омару.

Омар пытался сделать общество более благочестивым. Он запретил египетскому наместнику и всем египтянам пить вино, винные лавки были уничтожены. Женщинам он запретил посещать общественные бани. Мужчины в банях должны были носить купальные костюмы – мизар.

При дворе говорили только о Коране, молитвах и посте. Омар считал, что верить надо просто, как ребенок или бедин, и не думать обо всем остальном. Поэзия и наука при нем не пользовалась особым покровительством: мусульманину больше пристало помогать беднякам, чем давать деньги ученым и поэтам. Халиф избегал дворцов и почти не бывал в столице, предпочитая жить в каком-то пограничном городке на краю пустыни. Роскошь, даже в мечетях, вызывала у него досаду: он считал, что золото и украшения отвлекают от молитвы.

Заболев в дороге, Омар остановился в христианском монастыре Симеона Столпника, где вскоре умер, по преданию, купив за 10 динаров место для погребения у одного монаха (720).

Йазид II

Младший брат Валида и Сулемана, Йазид II, тоже пришел к власти в 35. Он был светлокожий, как его брат Сулейман, и такой же любитель повеселиться и покутить. Этот часто влюблявшийся жизнелюб без счета тратил деньги на свои развлечения: когда ему понравились какие-то две смазливые невольницы, он заплатил за них целое состояние.

После аскетичного и миролюбивого Омара Йазид делал все в точности наоборот: приказал отменить налоговые льготы, поссорился с хариджитами, поменял наместников провинций. Налоги стали брать даже с финиковых пальм и плодовых деревьев, чего раньше никогда не было.

Ему пришлось подавлять бунт аль-Мухаллаба, в свое время не поддержавшего борьбу аль-Ашаса с аль-Хаджжадом, но теперь в одиночку восставшего против халифской власти. Аль-Мухаллабу удалось захватить Басру и напасть на Куфу. Во время решающей битвы с армией Омейядов на его глазах погиб брат, и взбешенный аль-Мухаллаб бросился в гущу врагов и пал в бою.

У Йазиды были странные и жестокие причуды: он приказал убить всех животных белого цвета, а потом переключился на людей, распорядившись уничтожить всех альбиносов. Этот приказ не успели выполнить только из-за его смерти.

Он первым из халифов приказал уничтожать христиан-

ские кресты и иконы.

Йазид умер в своем поместье в Иордании в конце января 724 года от неожиданной болезни. Власть перешла к его брату Хишаму.

Хишам

Хишам, ставший правителем в 32 года, считался «работником на троне». Он строил крепости, оросительные каналы и налаживал экономику. При нем казна наполнилась, а государство расцвело, но строгое взимание налогов вызвало недовольство. Снова начались мечты о всеобщем равенстве мусульман, освобождении от податей и притеснений, вспыхнули бунты и мятежи.

В личной жизни, по мнению некоторых биографов, он был скромен и благочестив, хотя другие описывали его как человека скупого и грубого до жестокости. Дурной характер халифа объясняли тем, что он от рождения был косоглаз. Его главной страстью были лошади: он обожал коней, тратил на них большие деньги и держал в своей конюшне две тысячи скакунов.

Став халифом, он по традиции сместил большинство наместников в провинциях и поставил новых. Боевые действия его не очень волновали: пограничные районы воевали за свой счет, не обременяя расходами правителя. Внутренняя оппозиция была, по всей видимости, разгромлена предыду-

щими халифами, а об угрозе Аббасидов тогда еще не догадывались.

При Хишаме полководец Маслама удачно воевал с хазарами, захватив неприступный Дербент. Во время осады он наполнил источник, дававший воду осажденной крепости, бычьей кровью. Из-за этого вода в цистернах протухла, и хазары сами бросили город.

Дербент стал цитаделью, из которой халифат нападал на соседние территории. Армения уже принадлежала халифату и воевала на стороне арабов, получая в походах свою долю добычи. Грузия была покорена только наполовину, и арабская армия методично захватывала ее города, убивая мужчин и обращая в рабство женщин и детей. Позже армянский наместник Марван ибн Мухаммед закрепил эти успехи, взяв штурмом столицу хазарского каганата аль-Байда и дойдя до берега Дона.

Хишам правил долго – 20 лет, и скончался от болезни в своем дворце, когда ему было 52 (743).

Валид II и Йазид III

Второму халифу по имени Валид было немногим более тридцати. Историки писали, что у него были очень длинные пальцы на руках и на ногах. В качестве правителя Валид не совершил ничего достойного и прославился скорей как пьяница и поэт. Занимался он в основном тем, что пировал и

ездил на охоту. Благочестием этот правитель тоже не отличался: однажды в одном сирийском монастыре вместе с товарищами он по пьяни устроил шутливую службу на христианский манер, после чего со смехом объявил себя кафиром.

Все это не нравилось его двоюродному брату Йазиду, сыну первого Валида. Он не имел никаких прав на престол, но, как правоверный мусульманин, не мог равнодушно смотреть на бесчестие нового халифа. Взяв с собой двенадцать единомышленников, он отправился в Дамаск, дерзко ворвался ночью в дворец наместника и к утру захватил власть в городе. Растерявшиеся власти ничего не смогли сделать.

Эта смелая авантюра привлекла к нему множество сторонников, которые стали толпами стекаться в Дамаск. Скоро у него образовалась большая армия, способная бросить вызов халифу. Валид II, продолжавший все это время пировать и отмахиваться от сообщений о заговоре, не смог организовать сопротивления. К тому же, ближайшие союзники его оставили и перешли на сторону Йазидов. Поняв, что все пропало, Валид достойно встретил смерть. Подражая праведному халифу Осману, он взял в руки Коран и сел во дворе дома, отказавшись вытащить меч против набросившихся на него врагов. Его изрубили мечами и отсекли голову и кисть левой руки.

Придя к власти, Йазид III сразу заявил, что действовал не из корысти и не ради славы, а исключительно «ревнуя об Аллахе». Он демонстративно подчеркивал свое благочестие

и выступал за строгое следование нравственности и исламу, хотя многие правоверные мусульмане считали его еретиком, приверженцем кадаритского учения о свободе воли. Но когда жители города Химса предложили ему передать трон сыну Валида II, Йезид наотрез отказался. С помощью армии он решительно подавил недовольство, вспыхнувшее сразу в нескольких провинциях, а некоторых наиболее опасных соперников подкупил, предложив им более обширные владения.

Йазид утверждал, что он не только Омейяд, но и потомок римских цезарей и персидских царей (его матерью была дочь последнего персидского шаха Йездигерда III). Но это не помогло ему удержаться на троне. Он правил он всего полгода и в 744 году умер от болезни, передав трон своему брату Ибрахиму.

Ибрахим

Ибрахим тоже не сумел удержать власть в руках. Против него восстал армянский наместник Марван, двинувший свои войска на Дамаск. К нему присоединились все, кто считал свержение Валида II незаконным и хотел видеть халифом одного из его сыновей. В битве у Айн Джарра, продолжавшейся целый день, результат долго оставался неопределенным, пока Марван не прибег к хитрости, отправив часть войска в тыл противника и наведя на реке мосты из наскоро срублен-

ных деревьев.

Узнав о поражении, Ибрахим первым делом послал своих людей в тюрьму, где держал сыновей Валида II, и приказал разmozжить ими головы палицей. Сам он сбежал из Дамаска, прихватив с собой деньги и ценности. Но после вступления в город Марвана он вернулся, покаялся и был помилован, добровольно передав власть Марвану.

Тело Йазиды III, благочестивого бунтовщика, выкопали из земли и распяли на центральных воротах.

Марван II

Марван II стал последним Омейядом. Он был хорошим воином, но слишком благоволил армии и кайситам в ущерб всем остальным. В конечном счете, это объединило против него всех.

Кайситы и кальбиты. Омейядские халифы постоянно балансировали между двумя группами арабов: южанами кальбитами – оседлыми, мирными и зажиточными людьми, и северянами кайситами – грубыми и воинственными кочевниками. Обычно, чем хуже было положение в государстве, тем большим влиянием обладали кайситы, и наоборот.

Марвану пришлось иметь дело с несколькими восстаниями, одновременно вспыхнувшим в разных уголках халифата. Если раньше Омейяды опирались на сирийцев как цель-

ное и неделимое ядро своей власти, то теперь и оно дало трещину. В сирийском Химсе, населенном в основном южными арабами, противниками кайситов, провозгласили халифом Сулеймана ибн Хишама. В Ираке неумные хариджиты под руководством нового энергичного вождя ад-Даххака разбили правительственную армию и захватили Куфу. В Египте выгнали присланного из Дамаска наместника и призвали не повиноваться халифу.

Марван носился со своей армией от одного города к другому, повсюду громя бунтовщиков и наводя порядок. В кровопролитной битве он сумел разбить Сулеймана, который с остатками армии бежал к ад-Даххаку и объединил с ним свои силы. Сулейман, сын халифа Хишама, чистокровный Омейяд, вступил в союз с хариджитом: еще недавно такое казалось немислимым, но государство Омейядов уже трещало по швам.

В следующем сражении Марван разгромил ад-Даххака, который погиб на поле брани. Но восставшие снова объединились вокруг его преемника, аль-Хайбари, и едва не сокрушили Марвана в новой битве. Был уже захвачен лагерь, сам Марван бежал, и только его сын Абдаллах отчаянно сражался на флангах. В последний момент Абдаллах обратился к рабам с призывом вступить в бой, пообещав им свободу. Несколько тысяч рабов тут же схватились за оружие, и под их напором войско али-Хайбари был опрокинуто, а сам вождь убит. Марван, успевший сбежать довольно далеко, возвра-

тился, чтобы принять победу из рук сына.

Но этот триумф был недолгим: в Аравии хариджиты захватили Мекку и Медину, а в Хорасане, дальней восточной провинции халифата, вспыхнул мятеж во главе с Абу Муслимом, сторонником новых претендентов на власть – Аббасидов.

Заговор Аббасидов

Свои права на трон Аббасиды строили сразу на двух основаниях – родственных связях с пророком Мухаммедом и шиитском почитании Алидов. С первым все было понятно: Аббас был дядей Пророка, и хотя ни он, ни его потомки ничем не проявили себя до развала омейядского халифата, сам факт родства с посланником Аллаха придавал им огромный авторитет. Что касается шиитов, то они считали законными правителями потомков трех сыновей Али – Хасана, Хусейна и Мухаммеда. После смерти последнего почитание Алидов перешло на его сына Абу Хашима. В какой-то момент Аббасиды создали легенду (хотя это могло быть и правдой), что Абу Хашим, путешествуя вместе с правнуком Аббаса, которого тоже звали Мухаммед ибн Али, неожиданно заболел и умер, передав свой имамат Мухаммеду, а в его лице – и всем Аббасидам.

В отличие от простодушных хариджитов, восстававших при каждом удобном случае и без конца терпевших пора-

жение, чтобы через некоторое время снова взбунтоваться в другом месте, Аббасиды готовили свой переворот тщательно и в глубокой тайне. Создав что-то среднее между революционным подпольем и религиозной сектой, они долго и терпеливо вели скрытую пропаганду, оставаясь незамеченными для властей. Аббасиды агитировали за возврат к патриархальному исламу. Им удалось убедить многих жителей, что только они смогут восстановить первоначальный подлинный ислам, при котором все мусульмане будут жить в религиозном равенстве и почитании Корана. К этому течению присоединились все, кто был недоволен Омейядами и мечтал о восстановлении «настоящего» ислама, включая хариджитов и шиитов.

Омейяды до самого последнего момента не подозревали, что в далеком Хорасане существует мощная, хорошо подготовленная организация, составлявшая ядро будущего мятежа. В какой-то момент они даже случайно арестовали ее главу, Сулеймана ибн Касира, но, не увидев в его деятельности ничего предосудительного, выпустили на свободу.

По легенде, инициатором движения за передачу власти Аббасидам был некий Букайр ибн Махана из Куфы. Как и многие куфийцы, он ненавидел Омейядов и считал, что страной должны править потомки Пророка. Букайр обратился к Мухаммеду ибн Али, правнуку Аббаса, и привез ему пожертвования от шиитов: 190 золотых динаров, золотое кольцо и халат, сшитый какой-то женщиной. Эти средства и образо-

вали первый фонд, из которого потом выросла аббасидская революция.

Мухаммед ибн Али отправил Букайра в Мерв, ставший к тому времени восточным форпостом мусульман. Это был богатейший и крупнейший город Востока, где очень слабо ощущалась власть халифа. Здесь Букайр ибн Махана создал свою подпольную структуру, назначив 12 накибов, то есть уполномоченных, и 70 их помощников. Все они принесли присягу Мухаммеду. Во главе всей организации встал представитель местной знати Сулейман ибн Касир.

Миссионеры Букайра и Сулеймана проповедовали не власть Аббасидов – о них вообще не упоминалось, – а власть людей из семьи Пророка. Это была благочестивая идея, которую поддерживали все, недовольные текущим положением вещей, а таких всегда находится много. Каждый видел в ней то, что хотел: арабы – возрождение чистого ислама, мавлы и персы – равенство всех перед Аллахом, бедняки – справедливое распределение добычи, богачи – новые возможности после успешного восстания.

Зайд ибн Али

В Куфе у Аббасидов были свои конкуренты – шииты, опиравшиеся на внука Хусейна, Зайда ибн Али. Он вел свой род от халифа Али, но его мать была рабыней из Синда, за что его всегда упрекали политические противники.

С Заидом произошло то же, что и с его дедом Хусейном: он поверил куфийским шиитам, которые уверяли, что в городе его поддержат «сто тысяч человек», и поднял восстание против Омейядов под шиитским флагом (740). И точно так же, когда городские власти приняли быстрые и решительные меры против бунтовщиков, его почти никто не поддержал. Тщетно он ходил по улицам и размахивал флагами, призывая куфийцев присоединиться к восстанию и «выйти из унижения к величию». Оставшись с небольшой группой сторонников, Зайд дал отчаянный бой войскам наместника Юсуфа ибн Омара. Он занял оборону среди дровяных складов в северной части города, где узкие проходы между штабелями бревен и не давали развернуться сирийской коннице. Всадникам пришлось спешиться, и они потеряли много людей, пытаясь вытеснить мятежников из города. Подоспевшие к вечеру бухарские лучники осыпали повстанцев стрелами, но те продолжали упорно сопротивляться, пока одна из стрел не попала Зайду в лоб. Несмотря на это, он остался сидеть в седле и в полном порядке отвел своих людей, воспользовавшись наступившей темнотой. Только после этого его сняли с коня и отнесли в какой-то дом, где он вскоре умер. На этом шиитское восстание закончилось.

Букайр, находившийся в это же время в Куфе, вел себя умнее и Зайда не поддержал. Он считал, что нужно не торопиться и выжидать удобного момента.

Восстание Абу Муслима

К этому времени аббасид Мухаммед ибн Али умер, и новым имамом стал его сын Ибрахим ибн Мухаммед. В услужении у него был Абу Муслим, по происхождению перс, освобожденный из рабства и принявший ислам. По поручению имама он собирал для него средства и готовил восстание в Мерве. Получив от Ибрахима знамя – знак начала мятежа – и письмо, ставившее его во главе восстания, Абу Муслим объявил о своей миссии на совете повстанцев.

Это привело в бешенство Сулеймана ибн Касира, аристократа, возглавлявшего аббасидское подполье в Мерве: он не желал подчиняться какому-то безродному выскочке, бывшему рабу, даже не арабу, а чужаку, который, по его словам, «неизвестно, из какого яйца вылупился». В гневе он швырнул в Абу Муслима чернильницу, в кровь разбив ему лоб. Но остальные встали на сторону нового вождя: слово имама – закон. Сулейману пришлось смирить свою гордость и объединиться с Абу Муслимом ради общего дела.

Утром 9 июня 747 года Абу Муслим воткнул в землю черное знамя имама, к которому со всех сторон начали стекаться сторонники Аббасидов. Все они тоже были в черном. Собралось около пяти тысяч человек, в основном местная беднота, беглые рабы, люди из низов, не умевшие воевать и почти не имевшие оружия. Наместник Хорасана Наср отнесся

к ним пренебрежительно. На его памяти было много восстаний и мятежей, и еще одно не вызвало у него особых опасений. Он считал, что главная опасность исходит с другой стороны, от хариджитов и калбитов, и против них бросал все свои военные и дипломатические силы. Но армия Абу Муслима быстро крепла и росла и скоро превратилась в серьезную угрозу. Наср обратился за помощью к халифу, но получил лаконичный ответ: «Срежь бородавку сам». Марван в это время отвоевывал Мекку и Медину, и у него не было сил разбираться с восточными провинциями.

Не получив помощи из центра, Наср долго пытался сдержать восставших своими силами, но в конце концов был вынужден бежать. Только тогда Марван II, наконец, выслал против мятежников армию, но было уже поздно: армия Аббасидов в нескольких битвах наголову разгромила правительственные войска и с триумфом вошла в Куфу. Последняя отчаянная попытка Марвана спасти ситуацию провалилась: его войско было уничтожено, а сам он бежал в Египет, где вскоре был убит. Аббасиды не ограничились одним Марваном – они перебили всех представителей рода Омейядов, а уже мертвых омейдских правителей вышвырнули из могил. Омейядский наместник Йазид ибн Хубайр, все еще оказывавший сопротивление, сложил оружие в обмен на гарантию жизни и свободы, но не получил ни того, ни другого: его казнили вместе с приближенными.

Во главе халифата встал первый представитель новой ди-

настии Аббасидов – Абу-ль-Аббас ибн Мухаммед.

Глава 6. Завоевания Омейядов

6.1. Завоевания на востоке

Хорасан и дальше

Персия была завоевана арабами еще при «праведном» халифе Османе. По сути дела, это была даже не страна, а целая империя, уходившая далеко вглубь континента. Ее окраины включали обширные провинции, главной из которых был Хорасан – огромная территория, простиравшаяся от Ирана до Китая.

Жизнь в Хорасане сосредотачивалась в богатых оазисах, существовавших еще с незапамятных времен, а все пространство между ними занимала бесплодная степь. С востока область обрамляли горы Памира и Гиндукуша, а в центральной части располагались две пустыни: Красные пески (Кызыл-Кум) и Черные пески (Кара-Кум). Границей между пустынями служила Амударья, которую греки называли Оксом, а арабы – Джейхуном. В самом устье реки, у Аральского моря, раскинулся древний Хорезм.

Омейядские халифы, невероятно богатевшие после каждого успешного похода, не собирались останавливаться на

Персии. Они нуждались в новых трофеях и новых поданных, и Хорасан стал плацдармом, с которого арабы продолжили завоевания на север и восток.

При халифе аль-Валиде арабская армия, захватив Азербайджан и часть Армении, прошла вдоль южного берега Каспийского моря и сравнительно легко оккупировала равнины Джурджана. Жители этой прикаспийской области, раньше подчинявшиеся персам, но не питавшие к ним никакой симпатии, спокойно встретили завоевателей.

Однако дальше дело пошло трудней: в горном Табаристане мусульмане попали в ловушку, когда местные жители заманили их в ущелья и забросали сверху камнями. Арабам пришлось отступить.

На востоке волна арабского нашествия оборвалась в Афганистане. Здесь в почти полной изоляции существовало горное царство, где издревле поклонялись богу Зану – золотому истукану с глазами из рубина. В 698 году хорасанский наместник Убайдаллах вторгся в пограничные провинции Афганистана – Восточный Систан и Кандагар. После долгого похода его 20-тысячная армия оказалась в безлюдных горах и едва не погибла от голода и жажды.

Убайдаллаху с трудом удалось вырваться обратно, предложив местному царю крупный выкуп и отдав в заложники собственных детей. В лагерь вернулось всего 5 тысяч солдат, но и там многие погибли, с жадностью набросившись на еду после голода.

Потерпев это позорное поражение, арабы попытались отомстить и послали вторую армию, уже в 40 тысяч человек. Но войско, утомленное трудным походом, взбунтовалось и обратилось против собственного начальства. Арабом пришлось собирать новую армию, чтобы разбить мятежников. В результате Афганистан так и остался не завоеван.

Амударья

Крайней северо-восточной точкой арабских владений был Мерв – столица провинции Хорасан. Его называли городом, в котором слишком жарко летом и слишком холодно зимой. Мерв был настолько древним, что никто не помнил времени его основания. Столь же древними были и его стены – огромные земляные валы, обрамленные поверху исполинской глиняной стеной и сторожевыми башнями. От Мерва было уже рукой подать до Окса-Амударьи. Арабы называли эти земли «ма вара ан-нахр» – «то, что, а рекой», а жители запада – Трансоксанией.

Амударья в то время была мощной и широкой рекой – «среднеазиатским Нилом», протекавшим через безводную пустыню. На всем ее протяжении, от истоков до самого устья, гнездились древние княжества и государства, для которых Амударья служила источником воды и жизни.

С юга на север, словно гроздь, нанизанная на нитку реки, тянулись полусказочный Бадахшан, Хуттал, Кубадиян, Сага-

ния, буддийский Бамиан, древние земли Афганистана, равнинный Хорезм и Согдиана. Земли в средней части реки назывались Тохаристан, а главным городом здесь был Балх, в свое время завоеванный Александром Македонским и с тех пор ставший главным эллинским центром в Средней Азии.

В Согдиане была своя река – Заравшан, питавшая Самарканд и Бухару. За Согдом простиралась Голодная степь, усеянная костями животных и людей. Здесь протекала Сырдарья, называвшаяся тогда Яксартом, за ней начиналась плодородная Ферганская долина и земли Китая.

Состав населения в пойме Окса был многообразен. На равнинах жили боле или менее цивилизованные таджики – торговцы и земледельцы, предпочитавшие персидский язык. В пустыне обитали неприхотливые кочевники, говорившие на тюркском. В дельте Амударьи жил особый народ, чей язык, по словам современников, напоминал щелканье клювов и кваканье лягушек. В горах обосновались княжества горцев – изолированные и неприступные, почти не общавшиеся с окружающим миром и говорившие на наречии, которого больше никто ее понимал. В прошлом в этих местах проповедовал Заратустра, македонцы и греки строили мраморные храмы и гимназии, а персы собирали дань для шахиншаха. Здесь проходил Великий шелковый путь, тянувшийся из Китая на запад.

Завоевание этих областей далось арабам нелегко. Местные жители всегда отличались воинственностью и плохо ми-

рились с властью как Персии, так и соседнего Китая. Больше всего трудностей для арабской армии создавали тюрки.

Если жизнь арабов была больше связана с верблюдами, то для тюрков основой существования был конь. Ездить верхом они учились раньше, чем ходить. Они пили кобылье молоко и лошадиную кровь, одевались в конские шкуры, из них же делали палатки и обтягивали ими щиты. Конское мясо шло в пищу, грива – на плетение веревок, копыта – на рукоятки мечей. Все, что им было нужно, кроме коней, это железо, из которого делались оружие, лошадиная сбруя и женские украшения. Кроме металла и кожи, в обиходе тюрков можно было найти только ткани или посуду, выменянные у оседлых народов, и добытую охотой кость.

Тюрки были выносливы еще больше, чем арабы, хорошо приспособленные к жаре, но не знавшие жестоких зимних холодов Средней Азии. Так же, как арабы, они жили набегами и скотоводством. Воинами тюрки были не хуже, если не лучше арабов: они всю жизнь буквально не слезали с коней, легко стреляли и метали копья на ходу (арабы предпочитали сражаться пешими).

Абдаллах и Муса

Войну на востоке осложняли постоянные междоусобицы. Племенная рознь была старой болезнью арабов, от которой они не могли избавиться ни до, ни после принятия ислама.

Стоило только ослабнуть центральной власти, как на дальних границах просыпался дух бедуинской вольницы. Вновь начиналась борьба за власть, стычки между кланами, поединки и подвиги героев.

Как раз накануне вторжения в Трансоксанию в Хорасане разгорелась вражда между тремя арабскими семьями: Рабиа, Мудар и Бакр. Глава мударцев Абдаллах ибн Хазим захватил власть в столице и убил глав семей Рабиа и Бакр. Представители проигравших кланов укрылись в соседнем Герате, но Абдаллах взял город штурмом. Он дал клятву убить всех, кого захватят до захода солнца, и действительно устроил бойню, перебив 8 тысяч пленников.

Хроники рисуют его могучим рыцарем и рассказывают, как Абдаллах сражался один на один с предводителем семьи Рабиа Харишем. Схватка закончилась вничью, и Хариш, как положено достойному арабу, написал об этом поэму.

Подстать Абдаллаху были и противники. Рассказывали, что Зухайр, оборонявшийся в осажденной крепости, обладал такой силой, что во время вылазки раскидал четверых воинов, пытавшихся крючьями стащить его с коня, и ускакал к своим, весь утыканный вонзившимся в кольчугу копьями.

На время Абдаллах стал могущественным правителем Хорасана, независимым от халифов Дамаска. Но как только власть в центре укрепилась, враги подняли голову и взяли его в кольцо. С немногими сторонниками он бежал из своей резиденции и по дороге был схвачен и убит. Его голову ото-

слали в Дамаск.

Говорили, что Абдаллах отличался невероятной гордостью. Он не только отказался заключать союз с новым халифом аль-Маликом, но и приказал посланцу съесть его письмо. Настигнутый преследователями, он сражался до последнего и даже перед смертью смеялся над своим убийцей, назвав его сыном пастуха, за которого не дадут и горсти финиковых косточек. Арабский поэт писал, что после его смерти на земле уже не слышно львиного рыка – остались только лающие собаки.

У Абдаллаха остался сын Муса. Еще в ранней молодости Муса отличился тем, что уговорил отца перебить всех захваченных в бою пленных, хотя тот собирался их помиловать. Когда дела у семьи стали плохи, он отправился за Окс, где сколотил бродячую банду и долгое время наводил страх на все соседние города и княжества. Позже, втершись в доверие к правителю города Тирмида, он силой сверг его с трона и превратил город в собственную крепость. Его армию укрепили сотни арабов, бежавшие из Хорасана после смерти Абдаллаха.

Муса воевал со всеми – арабами, персами, тюрками – и в то же время вел двойную и тройную игру, заключая союзы с соседями, играя на их противоречиях и поражая всех безрассудной храбростью и дерзкими вылазками. Бывали моменты, когда его город со всех сторон осаждали сразу и тюрки, и арабы, но ему каждый раз удавалось разбить одних и

обмануть других. По характеру это был авантюрист, герой и фронт: он повязывал на свой шлем алый кушак и украшал его сверкающим сапфиром.

Могущество Тирмида росло. Город превратился в независимое царство, куда стекались все, кто был недоволен местной властью или искал славы и приключений. К Тирмиду примкнули и 8 тысяч арабских солдат, взбунтовавшихся против халифа и перешедших на сторону Мусы. Командуя этой серьезной армией, Муса заключил союз с местными персидскими княжествами и изгнал за Окс войска халифа. Позже он сумел разбить огромное 70-тысячное войско тюрков. Муса заманил их в предместье города и внезапно ударил с тыла, бросив в бой три тысячи тяжеловооруженных конников. Отрубленные головы врагов он сложил в городе, выстроив из них две пирамиды.

Муса правил Тирмидом 15 лет. Казалось, он достиг вершин могущества, но на самом деле его положение было ненадежным. В городе назревал раскол между арабами, персами и местными племенами. Арабы требовали, чтобы Муса избавился от своего первого министра, перса Табита, обвиняя его в предательстве. В конце концов, тот ушел из города и увел с собой часть армии. С оставшимися воинами Муса сумел разбить Табита, но его силы уже были на исходе. Бывшие союзники персы отвернулись от Тирмида и заключили сделку с арабами из Хорасана. Муса попытался сбежать из города и погиб, упав со споткнувшегося коня (704).

Завоевание Трансоксании

Дела арабов на востоке неважно. Два наместника Хорасана, Умайя и Мухаллаб, совершили неудачные походы за Амударью.

Во время похода Умайи его главный военачальник решил вернуться и сам захватить власть в провинции. Когда армия была на марше, он неожиданно отделился от других, ушел обратно в Хорасан и сжег за собой все мосты через реку, оставив арабов на вражеской территории. На упреки в вероломстве полководец с усмешкой заявил, что Умайя и его солдаты – воины хоть куда, нигде не пропадут и дойдут хоть до Китая. Отрезанные Амударьей арабы оказались в ловушке и едва сумели откупиться и вырваться из окружения.

Наместник Мухаллаб действовал немногим лучше: два года он безуспешно осаждал город Кеш и отступил, ограничившись взятием дани.

Все изменилось, когда за дело взялся новый правитель Хорасана – Кутайба ибн Муслим. Это был один из тех железных руководителей, которые добиваются своей цели любыми средствами, будь то сила, дипломатия или прямая жестокость. Он начал с того, что произнес горячую речь, призвав хорасанских арабов к джихаду и пообещав им богатую добычу. Если кто-то погибнет в бою, заявил он, пусть они не боятся, ведь в Коране сказано: «Не считай тех, которые

убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел».

Многих арабов эти призывы вдохновляли. Рассказывали, что одна жена плакала по ратнику, ушедшему на войну с тюрками. Тот спокойно ответил: «Как бы ни была по мне земная женщина, я отвергну ее ради черноглазых гурий рая». Слова он подтвердил делом: во время битвы бросился в самую гущу врагов и погиб как мученик.

В 706 году армия огромная армия Кутайбы пересекла Амударью и обрушилась на первый стоявший на пути крупный город – Пайкенд. Его стены считались неприступными, а сам город называли просто Крепостью, настолько надежной казалась его защита. Но арабы сумели сделать подкоп под крепостную стену и ворвались в образовавшийся пролом. По традиции, все мужчины в городе были перебиты, а женщины и дети обращены в рабство.

Арабы захватили сказочные сокровища, в том числе две гигантских жемчужины, будто бы принесенные с неба птицами. Другой трофеей, тяжелую серебряную статую Будды, они переплавили на монеты, чтобы раздать жалованье солдатам.

Следующий удар Кутайба нанес по цветущей Бухаре. После трех или четырех неудачных попыток взять город арабы разгромили главную армию тюрков. В этом бою отличился Ваки, грубый и сильный бедуин из племени тамим: держа в левой руке знамя, а в правой – железную палицу, он бросился с пехотой через реку и захватил господствующий

холм. Узнав о взятии Бухары, царь соседней Согдианы сам попросил мира и согласился выплачивать дань, если арабы не придут на его землю.

В Бухаре после победы мусульман сложилось необычное положение – она была занята арабами, но не до конца. В центре города, где находилась крепость, по-прежнему жил старый правитель города, сохранявший формальную власть над областью. Во внешних предместьях вокруг города обитали местные жители. Сами же арабы поселились в среднем кольце города, разделив его, по своему обыкновению, на отдельные районы по племенному признаку. Они разрушили здесь храмы других религий (христиан и огнепоклонников) и построили множество мечетей.

Такой «слоеный пирог» устраивал арабов и точно отражал реальное положение вещей: на завоеванном Востоке арабы были только прослойкой, диктовавшей свою волю местным властям и собиравшей налоги с населения. Это позволяло им обходиться минимальными силами, контролируя огромные территории с помощью небольших гарнизонов или просто кабальных договоров. Но это же делало их власть неустойчивой и грозило мятежами и восстаниями.

Инструкторы. В Бухаре новообращенные мусульмане не знали ни арабского языка, на котором был написан Коран, ни правил поведения на пятничной молитве. Приходилось приставлять к ним специальных инструкторов, которые командовали на

персидском, когда молящимся надо было кланяться или простираться ниц. Каждому жителю, приходившему на молитву, платили по два дирхема, чтобы стимулировать распространение ислама.

Первый из мятежей вспыхнул в Тохаристане. Тюркский хан Найзак, прежде заключивший союз с арабами, возглавил местное сопротивление и заручился поддержкой соседних князей. Но как только войска Кутайбы начали захватывать города и жестоко расправляться с непокорными, этот союз быстро распался.

Сам Найзак попытался сбежать в Кабул, однако был взят в плен и вскоре казнен. Чуть позже был разгромлен Шуман, самый дальний оплот бунтовщиков (современный Душанбе): Кутайба успешно применил катапульты и вынудил защитников дать бой за стенами города, в котором погиб шуманский князь и большинство его воинов.

Следующей целью арабов стал Самарканд, столица Согдианы. Сопротивление согдийцев было быстро сломлено, и царь Гурак заключил с Кутайбой мир, согласившись выплачивать большую дань. Кутайба потребовал, чтобы все старые храмы в городе были уничтожены, их сокровища изъяты, а идолы сожжены в костре. На их месте он построил мечети.

В отличие от Бухары, арабы почти целиком оккупировали Самарканд, вынудив Гурака удалиться из города. По закону в Самарканде постоянно могли жить только арабы. Все остальные считались чужаками и не имели права даже

оставаться на ночь: приходя в город утром, они должны были покинуть его вечером. Чтобы следить за выполнением этого приказа, каждому входящему в городские ворота ставили на руку печать из влажной глины: если у кого-то она успевала высохнуть раньше, чем он выходил обратно, ему отрубали голову.

Набрав в захваченных землях новых солдат, Кутайба двинулся дальше, к Фергане и Китаю. Ему удалось дойти до китайских границ и даже отправить посольство к императору, однако этим дело ограничилось. В халифате произошла очередная смена власти, которая положила конец завоеваниям Кутайбы.

Не дожидаясь отставки, Кутайба решил сам бросить вызов новому халифу Сулейману. Он понимал, что к власти в Дамаске пришли другие люди и лучше не ждать, когда на него обрушится их немилость. Ведь и до него таких примеров было немало: новые правители снимали успешных полководцев с должностей, сажали в тюрьму или казнили.

Кутайба обратился с речью к войскам, напомнив о своих заслугах перед армией, о победах и богатствах, которые они получили благодаря ему. Он ожидал, что армия его поддержит и провозгласит правителем. Но солдаты молчали. Никому не хотелось ввязываться в гражданскую войну, даже ради столь достойного полководца.

Тогда Кутайба пришел в ярость и начал осыпать их оскорблениями. Он называл солдат лжецами и предателя-

ми, людьми без гордости и чести, паршивыми верблюдами и «задницами диких ослов». В отчаянии Кутайба попытался сбежать из лагеря, но его не подпустил к себе любимый конь. Это окончательно сломило его волю: он уединился в своем шатре и лежал, повторяя: «Да помилует меня Аллах», – пока его не убила разъяренная толпа. Семья Кутайбы тоже погибла: брата Абд аль-Рахмана забили камнями на базаре, а остальные родственники были распяты по приказу Ваки.

Ваки стал новым наместником Хорасана, но ненадолго. От его грубости и дикости всех воротило: ему ничего не стоило прилюдно помочиться. Вскоре в провинцию прибыл новый наместник Мухаллад и арестовал Ваки, подвергнув его пыткам.

Два Саида и Джунайд

После мощной фигуры Кутайбы следующие наместники Хорасана выглядели очень бледно. Два из них, оба по имени Саид, оставили по себе плохую память. Поэт о них писал:

Получили мы Саида взамен Саида:
Не уйдешь от беды, коли зла судьба!

Правление первого Саида, которого звали Хузайна, запомнилось только смелым рейдом арабов против тюрков, осадивших маленький городок Каср аль-Бахили. Самаркандский полководец Аль-Мусайаба всего с тысячей воинов об-

рушился ночью на турецкий лагерь и сумел вывезти из осады мусульман раньше, чем подошла основная армия врага. Арабы сложили об этом подвиге много песен и стихов.

Второму Саиду, по имени Амр аль-Хараша, удалось взять Пенджикент, уничтожив при этом большую часть города. Но общее положение от этого не стало лучше. К 728 году арабы потеряли почти все земли за Амударьей, удержав в своих руках только Самарканд.

Ислам и харадж. Желая обратить согдийцев в ислам, наместник Хорасана Ашрас пообещал освободить от податей всех новообращенных. Это предложение имело такой успех, что скоро в Согде не осталось ни одного немусульманина и не с кого стало брать налог. Когда об этом сообщили Ашрасу, он сказал: «В харадже сила ислама», – и потребовал обложить налогами тех, кто принял ислам «неискренне». В конце концов, джизью стали брать вообще со всех согдийцев, и тогда они подняли восстание.

Когда в Хорасан прибыл новый наместник Джунайд, турки как раз окружили самаркандские стены и готовились взять их штурмом. Комендант Самарканды, Савра ибн аль-Хурра, написал, что внешние укрепления уже пали и он с трудом удерживает город. Джунайд поспешил собрать небольшую армию и бросился на помощь. Чтобы сократить путь, он пошел через горный перевал, где его встретил крупный отряд турков. Понимая, что силы неравны, Джунайд по-

обещал рабам свободу, если они будут сражаться вместе с арабами. Не имея оружия, рабы стали рубить деревья на дубины, а вместо доспехов надели на головы конские попоны, сделав в них прорезы для глаз. По рассказу летописца, сражение было таким яростным, что «мечи затупились от ударов».

Победа не досталась никому, но арабы не смогли пробиться к Самарканду. Рискую попасть в окружение, Джунайд обратился к коменданту с требованием покинуть Самарканд и идти к нему на помощь. Все понимали, что для Савры ибн аль-Хурра это равносильно самоубийству, но Джунайд настоял на своем. Савра повиновался и попытался пробиться сквозь армию тюрков, но попал в окружение и погиб в бою. Из 12 тысяч его солдат одиннадцать тысяч были убиты. Позже арабы утверждали, что видели над полем битвы небесные шатры, разбитые для погибших мучеников, а от земли, политой их кровью, исходил запах мускуса.

Битва с Саврой отвлекла силы тюрков, и Джунайд смог прорваться к Самарканду и спасти город. Но репутация его была навсегда погублена. Об этом походе тоже остались песни, где Джунайда называли трусом и «девочкой в женском шатре» (внешне он был красив):

Лучше бы тебе провалиться в яму в день битвы,
Чтобы тебя засыпало комьями сухой грязи!

В довершение всех бед в войсках арабов вспыхнул очередной мятеж. Вождь мятежников аль-Харис ибн Сурайдж объединился с тюрками и вторгся во владения арабов. Восстание продолжалось два года и сильно ослабило власть халифата.

Асад и Наср

Владычество арабов в Средней Азии висело на волоске, но тут в Хорасан назначили нового наместника Асада ибн Абдаллаха. Это был мудрый и дальновидный политик, предпочитавший военной силе миролюбие и дипломатию. Ему удалось заключить союз со многими местными князьями и даже склонить их к принятию ислама. Это сыграло ключевую роль в подавлении мятежа и полном разгроме тюрков. Тюркский каган был убит собственными подданными, а его царство развалилось.

После смерти Асада его дело продолжил Наср ибн Сайар. Он пошел на смелый шаг, который имел далеко идущие последствия: приравнял в правах арабов с другими мусульманами. Правда, это было сделано только в одной, но зато самой важной сфере – налоговой. Вся тяжесть податей отныне ложилась только на неверных: мусульмане, в том числе и не-арабы, от них освобождались. Быть мусульманином становилось важнее, чем быть арабом.

Наср завоевал расположение согдийских богачей, простив

им все долги, и пошел так далеко, что амнистировал бывших отступников от веры, хотя в исламе это было преступлением, каравшимся смертной казнью. А чтобы подтвердить, что все это делается не из слабости, а исключительно ради миролюбия, он провел военный рейд в Фергану и подчинил себе несколько городов.

Результаты всего этого для халифата были самые благоприятные. Население стало более охотно переходить в ислам. Бывшие противники арабов теперь пополняли их армию и занимали ведущие посты. В это время зародились многие правящие мусульманские династии, такие, как Саманиды в Самарканде и Бармакиды в Балхе. Новый принцип лег в основу будущей политики халифов, где религиозную и национальную агрессию сменили расцвет культуры и мирное сосуществование. Но он же подготовил почву для будущего переворота, в результате которого к власти в халифате пришла новая династия, а вместе с ней – и новая эпоха.

Последняя граница

В это время арабы установили самую дальнюю восточную границу своих владений. Их неудержимая лавина остановилась перед бескрайними степями Казахстана и Киргизии, где жили дикие и вольные кочевники. Правда, еще дальше на востоке находился великий Китай, и арабы не были бы арабами, если бы не попытались сделать шаг в этом направлении.

нии. В борьбе за Фергану и Шаш им пришлось столкнуться с китайскими интересами: дело дошло до военных действий.

Китайская армия во главе с корейским полководцем Гао Сяньчжи вторглась в Фергану и встретилась с арабским войском, которым командовал Зийад ибн Салих. В июле 751 года произошла битва при реке Тараз (Талас). Сведения о ней довольно туманны, но в целом победа осталась за арабами. Бой при Таласе иногда называют «малой битвой народов», поскольку, кроме китайцев и арабов, в ней участвовали персы и тюрки. Но судя по тому, что о ней почти не упоминают ни арабские, ни китайские хроники, вряд ли ее масштабы и значение были велики.

Арабских историков больше волновал роскошный перстень с яхонтом, который Зийад захватил у какого-то знатного китайца и подарил в качестве трофея халифу Абу-ль-Аббасу. Потом этот перстень переходил по наследству от одного халифа к другому, пока Харун аль-Рашид не потерял его во время стрельбы из лука.

Историки считают, что китайские пленники, взятые в этом сражении, передали арабам секрет изготовления бумаги. Благодаря этому будущая арабская культура стала не пергаментной и не папирусной, а бумажной.

После битвы при Таласе можно было ожидать продолжения войны, но в это время и в китайской империи, и в арабском халифате наступил период смуты, и на этом их противостояние закончилось. Возможно, это не очень расстро-

ило арабов. Образцом земного величия для них был Александр Македонский, которого они тщетно старались превзойти. Александр Македонский не был в Китае, зато был в Индии. И арабы не обошли своим вниманием эту страну.

Завоевание Синда

Индийское царство Синд находилось у моря, в нижнем течении реки Инд, у арабов называвшейся Михран. Здесь правил царь из касты брахманов, а подданными были в основном полукочевники, полужемледельцы, которых арабы называли «зутты». Удобным поводом для вторжения арабов послужили синдские пираты, напавшие на арабские корабли.

Во главе войска встал молодой Мухаммед ибн аль-Касым, который уже с семнадцати лет занимал в армии высокие посты. Он перешел через безводную пустыню Макран, где некогда чуть не погиб великий Александр, окружил столицу страны Дайбул и начал обстреливать город с помощью гигантской катапульты. Это адское орудие обслуживали 500 с лишним человек, у нее было даже собственное имя – «Невеста».

Центром Дайбула была буддийская ступа с высокой мачтой, на которой развевались алые флаги. Когда катапульта сбила мачту, дух защитников был сломлен. Арабы штурмом взяли стены и устроили в городе резню, уничтожив буддийский храм и перебив всех его священников. Вместо ступы

была возведена мечеть.

Остальные города почти не сопротивлялись. По словам летописца, их добровольно сдавали миролюбивые буддисты, не желавшие войны. Четыре тысячи зуттов присоединились к Мухаммеду и усилили армию арабов. Последнее сражение состоялось на берегу Инда. Царь Синда Дахир ехал впереди на белом слоне, вооружившись только луком и жуя дурманящие листья бетеля. Арабы выпустили в него стрелы с горящими наконечниками, слон бросился в воду, а царь упал и был обезглавлен, как писал поэт, «в грязи и с пылью на впалых щеках». Его жены покончили с собой. Впрочем, некоторые рассказывают, что на одной из них, по имени Лади, женился сам Мухаммед ибн аль-Касым.

После смерти царя следующие города уже не просто сдавались, а встречали Мухаммеда плясками и музыкой, как нового правителя. Он захватил весь Синд и правил страной три с половиной года, пока новый халиф Сулейман не отозвал его в Дамаск. Здесь его арестовали и подвергли страшной казни: завернули в сырую шкуру, которая стала высыхать и сжимать его, пока не задушила насмерть. При Сулеймане мусульмане сохранили власть над южной Индией, а позже еще больше расширили свои владения. Что касается зуттов, то, по мнению некоторых ученых, они являются предками современных цыган.

6.2. Завоевания на западе

Поход Укбы

Еще при халифе Османе арабская армия захватила часть Северной Африки (Ифрикии) вплоть до Карфагена. Муавия поставил во главе этих земель Укбу ибн Нафи аль-Фихри – племянника Амра, великого завоевателя Египта. Укбе предстояло совершить беспрецедентное предприятие: идти дальше на запад и подчинять исламу все земли и народы, пока арабы не доберутся до края земли. Отправляясь в поход, он попрощался со своим сыном, сказав, что вряд ли они еще увидятся. В его войске было всего несколько тысяч человек.

Стратегия Укбы была проста: разбивать всех, кто попадется по пути, и двигаться дальше. Выполняя эту программу, он успешно громил и римские войска, и племена берберов. Укба по очереди взял Танжер, Волюбилис – древние города, брошенные римлянами и уже наполовину погребенные в песках, – и добрался до самого берега Атлантики. Здесь он въехал в воду по брюхо лошади и воскликнул: «О Аллах, если бы меня не остановило море, я прошел бы по всей земле, как Александр Македонский».

Достигнув конечной точки своего похода, Укба совершил странный и самоубийственный поступок: распустил почти

всю армию и с кучкой воинов напал на берберского царя Коцилла, восставшего против арабской власти. Очевидно, Укба искал смерти – и нашел ее.

Убив Укбу, Коцилла вскоре захватил новую столицу Ифрикии – Кайруан, и арабам пришлось отступить к морю, в порт Барку. Почти все завоевания Укбы были потеряны. Коцилла основал новое государство «Ифрикия и Магриб», просуществовавшее всего четыре года.

Зухайр, Хассан и Муса

Отвоевывать Северную Африку пришлось новому наместнику Зухайру. Коцилла тщательно подготовился к вторжению арабов и собрал против них большую армию, но это не помогло: Зухайр, имевший всего 4–6 тысяч воинов, наголову разбил его под Кайруаном. Сам Коцилла был убит в сражении.

Почти одновременно с этим византийцы, все еще удерживавшие Карфаген, напали на арабов с моря и захватили Барку. Зухайр попытался отвоевать ее с небольшой армией и погиб.

Но это была только пауза перед новой, более мощной волной арабского нашествия на Запад. В Северную Африку прибыл с полномочиями главнокомандующего Хасан аль-Гассани из рода Гассанидов, бывших союзников византийцев. У него был титул «шейх амин», то есть «верный старец», и ар-

мия в 40 тысяч человек.

Некогда великий Карфаген, которым 800 лет владели римляне, сдался без боя. В нем оставалась только горстка жителей, обитавших в грандиозных развалинах. Перед появлением арабов они просто собрали свои вещи и уплыли на лодках. Арабы вошли в пустой город – и почти сразу вышли обратно, оставив его в том же виде, в каком он находился раньше. С византийским (и европейским) присутствием в Северной Африке было покончено.

Однако берберы не собирались сдаваться так быстро. Как ни странно, сопротивление возглавила женщина, некая Кахина, то есть «пророчица». Рассказывали, что эта смелая воительница из племени заната ходила с длинными космами волос и вдохновляла кочевников на бой. Ее пророчества, в чем бы они ни состояли, и харизматическая власть так воодушевили берберов, что они буквально смяли войска арабов. Хасану пришлось бежать в Барку и собирать новую армию.

Кахина понимала, что арабы вернуться. Если верить легенде, она использовала против оккупантов тактику «выжженной земли». Жрица берберов нарочно разрушала собственные крепости и города, вместе с хранившимися в них богатствами, а также все рощи и сады, чтобы сделать свою землю непривлекательной для арабов. Ее царство пряталось в горном массиве Орес, изрезанном узкими ущельями и очень неудобном для ведения войны.

Но все эти хитрости и предосторожности оказались бесполезны. Хасан выступил из Барки, присоединив к своему войску 12000 берберов. В двух битвах он разбил врага и убил саму Кахину, отправив ее голову в Дамаск. По преданию, открыв мешок и взглянул на ее лицо, халиф сказал: «В конце концов, это была всего лишь женщина». Новой штаб-квартирой Хасана стал Кайруан.

Положение Омейядов в самом халифате тем временем пошатнулось, и власть в Египте захватил Абд аль-Азис, брат дамасского халифа аль-Малика. Аль-Азис сместил Хасана и поставил на его место Мусу ибн Носсейра – человека незначительного происхождения, который добился всего благодаря личным способностям.

Муса ибн Носсейр продолжил завоевание Северной Африки. В отличие Персии или Византии, это была пустынная и сравнительно бедная земля, не дававшая обильной добычи в виде денег, товаров и скота. Но арабы нашли им хорошую замену – людей. Уже Укба охотно брал в плен молодых берберов, которые высоко ценились на невольничьем рынке: цена на одну девушку доходила до 1000 динаров. Но при Мусе ибн Моссейре захват пленников и работорговля приняли в халифате массовый характер. Когда после захвата Магриба Муса написал аль-Азису, что пришлет ему 30 тысяч рабов, тот подумал, что писец ошибся – цифра была слишком велика. Но на самом деле рабов оказалось вдвое больше.

Принцесса. После смерти ифрикийского царя

Джурджира его дочь стала добычей одного из арабских воинов. Посадив ее на верблюда, он отправился домой, напевая: «О дочь Джурджира, пришел твой конец! В Хиджазе есть для тебя хозяйка!» Принцесса спросила: что говорит эта собака? Когда ей перевели его слова, она бросилась вниз с верблюда, сломала шею и умерла.

В Танжере Муса поставил во главе города Тарика ибн Заида, местного бербера. Танжер стал удобной базой для вторжения в Испанию – от арабов ее теперь отделял только Гибралтарский пролив, такой узкий, что в хорошую погоду на другом берегу было видно Европу.

Испания

Инициатором похода в Испанию, или аль-Андалус («Страну вандалов»), как называли ее арабы, стал Тарик ибн Заид. Танжер стоял на побережье Северной Африки и был пограничным форпостом, где жили почти одни берберы. Разглядывая через Гибралтар берега Испании, Тарик долго вынашивал план опасной экспедиции, которая в случае удачи сулила богатую добычу. Как когда-то Амр в Египте и как позже многие другие завоеватели, он предпринял этот поход на свой страх и риск, рассчитывая только на собственные силы.

Проблема была в том, что по ту сторону пролива берберов ждали не разрозненные банды варваров, разложившихся и одуревших от бесконечных войн и грабежей. В Испании уже

триста лет существовало мощное визиготское государство, скрепленное единой христианской верой и властью короля.

По легенде, Тарику помог случай. Недалеко от Танжера на побережье Африки находился город Сеут. Здесь правил некий Юлиан, христианин, дочь которого жила при дворе визиготского узурпатора Родриго. Когда распространились слухи, что Родриго обесчестил его дочь, Юлиан решил отомстить и предложил берберам свои корабли для переправы через Гибралтар. Договорившись с мусульманами, он отправил в Танжер торговые суда, которые вернулись в Сеут уже нагруженные армией во главе с Тариком. В Испанию эти корабли прибыли под видом купеческого флота. Высадившись на берег, предусмотрительный Тарик отправил корабли вдоль берега Испании на север, чтобы они могли забрать берберов в случае военной неудачи.

Родриго в это время воевал с басками на севере. Узнав о вторжении арабов, он срочно вернулся в Кордову, собрал большую армию и двинулся на юг. Тарик тоже не стал сразу бросаться в бой, а дождался подкрепления из Африки, доведя численность своего войска с 7 до 12 тысяч человек. Решающая битва состоялась в 711 году на реке Гуаделете. Во время сражения часть визиготского войска, которым командовали сыновья бывшего короля Витица, оставила поле боя и бежала, подставив Родриго под удар арабов. У сыновей Витица были свои расчеты: они считали власть Родриго незаконной и хотели избавиться от узурпатора руками восточных

кочевников, а потом захватить трон. Армия визиготов была разгромлена, и Родриго погиб.

После этого арабы без труда захватили Кордову и столицу королевства Толедо. Архиепископ Синеред бежал в Рим словно «наместник, а не пастырь», как сообщала испанская хроника.

Добыча, взятая арабами в Андалсуии, не уступала той, что была захвачена у персов. После взятия Кордовы два берберя обнаружили ковер, сшитый из золотых полос с жемчугом, яхонтами и хризолитами: он был так тяжел, что его не смогли унести, пока не разрубили пополам. В крепости Фирас, в двух днях пути от Толедо, солдаты нашли «стол царя Соломона», доверху наполненный золотом и драгоценностями. Многие воины пытались утаить свои трофеи, чтобы не отдавать их для обычного дележа. Одни отламывали клинок у меча и наполнял ножны золотом и самоцветами, а сверху вставляли рукоятку; другие прятали золото в полой трости или в мешочке, подвешенном в паху; третьи использовали жидкую смолу, которая застывала вместе с залитыми в нее монетами и рубинами. Какой-то солдат поймал кота, распорол ему живот, набил его драгоценностями и бросил у дороги, словно падаль, а потом вернулся и забрал добычу.

Поход Тарика расчистил путь для основной арабской армии, вторгшейся вслед за ним в Испанию. Она насчитывала уже 18 тысяч человек и состояла в основном из арабов. Командовал ею все тот же наместник Ифрикии – Муса ибн

Носсейр. Муса стремительным рейдом прошел по югу Испании и захватил Севилью, Сарагосу и Мериду. Только в последней он встретил серьезное сопротивление: город сдался после длительной осады.

Поход был более, чем успешным, но награда за все эти подвиги со стороны халифа оказалась своеобразной: он отозвал Тарика и Мусу в Дамаск, арестовал обоих и посадил в тюрьму. Арабская империя слишком разрослась, и военные успехи на границах вызывали подозрения, поскольку грозили мятежом. Не будь Тарик и Муса так послушны и лояльны к центральной власти, они вполне могли бы отделиться от далекого Дамаска и образовать собственный эмират, как это и произошло впоследствии.

В Испании остался сын Мусы, Абд аль-Азис, который продолжил завоевания отца. Он заключил договор с еще одним визиготским князем, Теодомиром. Тот обещал не предпринимать никаких действий против арабов, не давать приюта их врагам и ежегодно выплачивать дань – оливковым маслом, медом, зерном, «сгущенным соком», уксусом и деньгами (по динару с каждого жителя). Теодомир сохранил всю полноту власти на своем куске земли и, видимо, считал такую сделку выгодной, поскольку дань была совсем невелика. Но мусульмане знали, что делали: не прошло и ста лет, как все эти земли стали мусульманскими, а местные жители перешли в ислам.

Абд аль-Азис женился на дочери Родриго и унаследовал

ее права на трон и власть над королевством. Но убили его свои же, в результате заговора: арабам не понравились кичливость и надменность, которую наместник приобрел вместе с короной. Летописи говорят, что в этом была виновата жена Абд-аль-Азиса, требовавшая, чтобы арабы оказывали ее мужу варварские знаки почтения: кланялись, падали ниц и т. д. Она даже уговорила его сделать в зале для приемов маленькую дверь, чтобы все входившие поневоле сгибались чуть ли не до земли. Заговорщики напали на аль-Азиза в севильской мечети, отрубили ему голову – на полу еще долго была видна кровь – и доставили ее в Дамаск халифу Сулейману, который показал голову сына его отцу Мусе.

Пророчество. С захватом Анадусии связана легенда о таинственной комнате, расположенной в недрах королевского дворца. Будто бы каждый король визиготов запирает дверь в эту комнату на один замок, так что со временем их образовалось больше десятка. Не сомневаясь, что там спрятаны несметные сокровища, Родриго вскрыл все замки и вошел в комнату. Но вместо золота и драгоценностей он увидел нарисованное на стене изображение арабов и надпись, говорившую, что когда комната будет открыта, этот народ завоюет Пиренеи.

Конец экспансии

В завоеванной Испании почти сразу началось христиан-

ское сопротивление. Знатный гот Пелайо укрылся в горах Астурии и собрал армию, которая разбила арабов в битве у Ковадонги (717). После этой победы на свет появилось одно из мелких христианских королевств, которые со временем распространились по всей северной Испании и не давали арабам чувствовать себя полными хозяевами. Все это не помешало арабам перейти через Пиренеи и вторгнуться в южную Францию. Их амбиции были безграничны: судя по мусульманским хроникам, они собирались пройти через всю Европу, вторгнуться в Византию и, захватив ее, с севера вернуться в родную Сирию.

Конец этим планам положили франки, уже набравшие большую силу и собиравшиеся объединить под своей властью всю Европу. Вторжение мусульман заставило их консолидироваться. В 725 году арабы были уже в Бургундии, захватив города Бордо и Каркассон. Но в решающей битве при Павии вождь франков Карл по прозвищу Мартелл (Молот) одержал сокрушительную победу. После этого арабы уже не решались делать набеги во Францию и ограничились Испанией, где благополучно существовали еще несколько сотен лет.

Причины наступившего перелома называют разные. С чисто военной точки зрения арабы были оккупантами, но, обращая местных жителей в ислам, они делали их своими сторонниками. Ислам был арабской религией: становясь мусульманином, человек тем самым переходил на сторону ара-

бов. Но христиане франки явно не желали принимать мусульманство. Оно было для них чуждо, в отличие от берберов, коптов, персов или тюрков.

Второй причиной могло стать разразившееся в это время восстание берберов, едва не покончившее с властью халифата в Африке. Берберы были плохими мусульманами и вечно бунтовали. Дело было не только в работорговле, на которой наживались халифские наместники, но и в общем отношении завоевателей к берберам. Арабы презирали и ненавидели берберов – людей, по их мнению, жестоких и примитивных, бунтовщиков, отступников, часто менявших веру, или, наоборот, слишком фанатичных.

Налоги в халифате платили только немусульмане. Чем больше становилось мусульман, тем меньше собиралось налогов. В конце концов, власти стали отказываться от своих обещаний и брать джизью с недавно обратившихся в ислам. Берберам, жаловавшимся на такое беззаконие, говорили: «Мы вас завоевали и можем делать с вами, что хотим». Местные хариджиты, проповедовавшие всеобщее равенство мусульман, подливали масло в огонь. В конце концов, в Кайруане вспыхнуло берберское восстание. Оно быстро охватило весь Магриб и перекинулось в Андалусию. Мятежники захватывали города и разбивали высланные против них армии. Для подавления восстания из Сирии прислали 30-тысячное войско во главе с Кулсумом ибн Ийадом, но в сражении при Танжере погибли и армия, и полководец. Толь-

ко знаменитая сирийская конница смогла с боем пробиться к соседнему Сеуту и засела в нем, окруженная мятежными берберами. Через несколько месяцев, когда в осажденном городе начался голод и сирийцы уже стали есть своих коней, наместник Андалусии после неоднократных просьб прислал за ними суда и перевез к себе в Европу. Он рассчитывал, что семь тысяч закаленных в боях всадников помогут ему подавить берберское восстание в его провинции. Так оно и вышло, но сирийцы на этом не остановились: они убили самого наместника и взяли власть в свои руки. В Андалусии началась гражданская война между арабами, в которой погибло множество людей.

Тем временем в Ифрикии наместник Ханзала ибн Сафван, прибывший на смену Кулсуму, проиграл несколько сражений берберам и оказался на грани полного разгрома. Только раскол в лагере мятежников позволили ему переломить ход событий в свою пользу. Призвав на помощь эмира из Туниса, он разбил одного из сообщников, а второго ему выдали его собственные сообщники. В конце концов, грандиозное восстание берберов было потоплено в крови.

Война с Византией. Морские сражения

При омейядском халифе Муавии арабы нанесли ряд крупных поражений византийцам на суше. Они захватили Тарс, Пергам и Смирну и дошли до Халкидона, то есть фактиче-

ски до предместий Константинополя.

Удивительно, но так же хорошо эти кочевники пустыни воевали и на море. Первое же морское сражение арабов с византийцами – битва при Фениксе, или «битва мачт», – было выиграно арабами (655). Рассказывали, что арабы буквально привязали свои корабли к византийским, выхватили сабли и бросились в атаку. Сражение получилось скорее сухопутным, чем морским.

Спустя двадцать лет сын Муавии, Йазид, осадил Константинополь с моря. Осада длилась четыре года, но закончилась неудачно: в 678 году состоялась морская битва, где византийцы впервые применили греческий огонь, изобретенный сирийцем Каллиником. Арабский флот был сокрушен, а его остатки погибли в буре по пути домой.

Еще более плачевной оказалась морская экспедиция 716 года под командованием аль-Малика. Огромный флот заполнил Босфор и бухту Золотой Рог, окружив Константинополь с востока и севера. Город был взят в клещи, но византийцы выслали против кораблей арабов начиненные нефтью и серой брандеры и подожгли большую часть вражеского флота. Со стен своего дворца император Лев III наблюдал за тем, как пылающие корабли арабов попытались уйти к Принцевым островам, но, прогорев насквозь, развалились и утонули по дороге.

На следующий год пришло подкрепление, но на этот раз арабы, напуганные греческим огнем, опасались подходить

близко к городу. Это их не спасло – греки вызвали два корабля с «огнеметами» и потопили огромную часть флота. Победе помог переход на сторону греков христиан-коптов, служивших в арабском флоте.

После этой катастрофы арабы триста лет не приближались к Константинополю. Это был редкий пример войны, выигранной с помощью одного только технического превосходства.

Зато в Средиземном море арабы чувствовали себя свободно. К их услугам была вся Северная Африка, они неоднократно захватывали Кипр и Родос и высаживались на Сицилии. В Тунисе они основали морскую базу. Правда, тунисский флот действовал независимо от халифата и представлял собой скорей армаду пиратов, которые грабили проходящие суда и промышляли работорговлей. Главной базой настоящего арабского флота, где суда строились на верфях и отправлялись в военные походы, были Тир и Акра.

Арабский флот отличался от византийского. Если у византийцев в ходу были крупные дромоны или хеладионы, то у арабов – сравнительно небольшие шини или «шаланди» примерно 80 м в длину и 4 м в ширину. Экипаж их составлял в среднем 100–200 человек. Это были более легкие и быстрые корабли, чем римские триремы.

Арабы ввели в кораблестроение некоторые усовершенствования. Корпуса стали делать на шпангоутах – ребрах, на которые набивали доски (раньше доски просто сшивали ме-

ду собой). Вместо античного квадратного паруса ставили ко- сой, дававший большую маневренность. Парусам помогали веслами, а при встречном ветре могли идти только на веслах. В отличие от распространенного мнения, гребцами «на галерах» были не рабы, прикованные цепью, а нанятые за плату.

Корабли строили из древесины акации, пальмового и финикового дерева. Особенно ценилось дерево «лебек» – говорили, что если связать два бревна такого дерева и положить в воду, то через год они станут как одно.

Отношение к арабам во время завоеваний

На Востоке многие христиане с радостью встречали арабов. Это были представители многочисленных еретических течений, считавшие столичную власть худшим злом, чем нашествие «исмаилитов». Мар Габриель, настоятель монофизитского монастыря Карменита, восхвалял арабов: ведь они дали местным верующим свободу отправлять обряды и строить церкви, освободили от податей священников и монахов, относились к ним с уважением.

Высокого мнения об арабах как орудиях божественного промысла придерживался и несторианец Иоханнан бар Пенкайе. Ему особенно нравился халиф Муавия, установивший «по всему миру» такой порядок, какого, по его словам, еще не видывали на земле.

Коптский патриарх Вениамин тоже не особенно расстро-

ился, когда арабы сожгли множество церквей в его Александрии – важнее было то, что они избавили монофизитов от гнета халкидонской ортодоксии. По некоторым сведениям, Вениамин встречался с завоевателем Египта Амром и благословил его поход против византийцев. Собор Святого Марка он восстановил на деньги арабов, но уже под властью монофизитов.

Однако прошло немного времени, и Иоанн Никиусский, свидетель завоевания Египта, уже сокрушался, что многие египтяне «отступили от веры христовой и приняли веру скотскую».

Интересно, что в это время почти нигде у христиан не упоминается о появлении у арабов новой веры. Только биограф Вениамина говорит, что «исмаилиты» возродили почитание единого Бога и молятся в сторону Каабы. Зато многие христиане считали мусульман предвестниками грядущего конца света. В «Апокалипсисе Псевдо-Мефодия» говорится, что «варвары-тираны» – это не люди, а «дети пустыни». «Они губители и вышли, чтобы погубить все. Они оскверняют и любят скверну. Выйдя из глуши, они станут хватывать младенцев из рук матерей и разбивать их о камни, словно они нечистые животные. Они – дерзкие убийцы, губители и кровопийцы: они – горнило испытания для всех христиан».

Итоги

750 год можно считать концом арабских завоеваний: позже были захвачены только Сицилия и Крит. На западе арабы уперлись во франков, на севере – в византийцев, на северо-востоке – в хазарские и киргизские степи, на востоке – в афганские горы, на юго-востоке – в Индию. В эпоху расцвета халифат был сравним по территории и населению с Римской империей и китайской империей Тан. Этому необъятному государству почти ничего не угрожало. Стычки на далеких границах едва замечали в центре. Это был огромный мир, самодостаточный и замкнутый в себе, где можно было не заботиться о внешней агрессии и жить так, словно мир и покой будут длиться вечно.

Арабы часто губили сами себя, но почти никто в захваченных землях не пытался поднять против них восстание. Складывалось впечатление, что воевать было некому: энергия и сила местного населения истощилась, оставалось только тупая покорность любой власти. Лишь тюрки и франки – такие же молодые народы, как арабы, – представляли для них угрозу.

6.3. На поэтических фронтах

Культура в эпоху праведных халифов

Несмотря на непрерывные войны, далеко не все арабы были суровыми воинами, не знавшими ничего, кроме своего верблюда, сабли и Корана. Обратной стороной арабской воинственности стала восточная изнеженность и жажда богатства. Унавоженная деньгами и роскошью, почва Аравии давала щедрые ростки культуры. В мирное время здесь процветали торговцы, гуляки, поэты, мудрецы.

При третьем халифе Османе славился своей щедростью наместник Куфы ал-Валид ибн Укба: он мало интересовался войной, зато двери его дома были открыты для каждого, кто желал навестить хозяина и воспользоваться его гостеприимством. Даже рабам доставалось от него по три дирхема в месяц. Еще один арабский гедонист, омейядский халиф Валид II отличался тем, что ночами напролет пил вино с христианами и пьяным приходил в мечеть, но его щедрость покрывала все грехи и воспевалась куфийцами в стихах.

Поэзия в это время оставалась главной и лучшей частью арабской культуры. После того, как Аравия приняла ислам, поэты никуда не делись и продолжали заниматься своим искусством «нанизывать жемчуг» – писать стихи. Творчество

доисламских поэтов по-прежнему считалось вершиной и образцом поэтического творчества. Полтора столетия спустя в сборнике классических стихов, составленном филологом аль-Муфаддалой, из шестидесяти шести авторов оказалось всего шесть, писавших после Мухаммеда.

Первым из поэтов, как и прежде, арабы считали Имруулькайса. Его ода, начинавшаяся со слов «Постойте! Поплачем!», была образцом и эталоном поэзии. Когда хотели что-то похвалить, говорили: это лучше, чем «Постойте! Поплачем!». Даже сам Пророк, не любивший доисламской поэзии, говорил, что Имруулькайс – знаменосец всех поэтов (добавляя – «поэтов, идущих по дороге в ад»,).

Главным инструментом арабского поэта оставалась касыда. Это была универсальная форма, в которой автор мог выразить все, что хотел, не особо стесняя себя выбором тем и в то же время оставаясь в рамках консервативного канона. В просторной касыде стихи неслись сплошным потоком, захватывая все на своем пути и смело перескакивая с темы на тему. Быстрый напор беглых, но точных зарисовок создавал головокружительное ощущение насыщенной и разнообразной жизни, где одно описание свободно цеплялось за другое. Пробегая по цепочке летучих ассоциаций, касыда словно накидывала на все существующее сеть живых и конкретных наблюдений. В этой телескопически раздвигающейся картине мира поэт мог сравнить свою возлюбленную с залитым дождем лугом – и тут же перейти к описанию самого луга,

изображая его во всех подробностях словно реальный пейзаж. Здесь он увлеченно описывал, как восходит солнце и на мальвах высыхает роса, а в траве (про возлюбленную стихотворение уже давно забыло) жужжит муха, «как пьяница, бормочущий что-то про себя», и непрестанно потирает лапками, словно пытаясь высечь огонь из кремня.

Но всеядность касиды часто оборачивалась против нее самой. Со временем ее слишком крупная и тяжеловесная форма стала распадаться на составные части, каждая из которых стремилась образовать отдельный жанр. Фрагменты о любви превращались в любовные газели, размышления о бренности бытия – в философскую лирику, а восхваления племени или самого себя – в панегирики, хвалебные оды правителям и богатым меценатам.

Принятие ислама только слегка скорректировало темы арабской литературы, не затронув ее по существу. Вопрос веры играл более важную роль в биографии поэтов, чем в их творчестве. Какое-то время арабский поэтический мир балансировал между язычеством и исламом, постепенно склоняясь в пользу второго.

Первым певцом ислама и самого Мухаммеда называют Хасана ибн Сабита – беспринципного стихотворца и известного труса, строившего из себя великого воина и даже красившего волосы в красный цвет, чтобы походить на льва, терзающего свою жертву. Начав с традиционных касид, он перешел в ислам и с таким красноречием воспевал Пророка,

что тот подарил ему рабыню и дворец. Позже он стал успешным панегиристом при дворе халифа Муавии.

Поэт аль-Аша тоже начинал как язычник, но потом стал симпатизировать христианам и в итоге принял ислам. Это ничуть не мешало ему воспевать вино и дружеские попойки с флейтистками. Он утонченно описывал цветы, «покрытые чалмой из лепестков», традиционно жаловался на жестокость возлюбленной, ради которой ему пришлось всю ночь ждать у бедуинского лагеря («пока даже у волков не стали слипаться глаза»), и меланхолично замечал, что в любви «каждый из нас и охотник, и дичь». Как и положено бедуину, после хмельной чаши его одолевали мысли о бренности всего сущего.

Джарвал ибн Аус по прозвищу Карлик, уродец и мастер жанра поношений (хиджа), тоже принял ислам. Он сделал своей профессией желчность и язвительность, вместо панегириков обливая врагов помоями. Его стихи изумляли современников своей грубостью и непристойностью. При этом Джарвалд не вкладывал в них никакой злобы, ничего личного: это была лишь поэтическая игра, демонстрация литературной силы, то есть те же восхваления, только с другим знаком. Упиваясь своим мастерством, он бичевал и высмеивал даже собственных родственников: главное было показать талант, а против кого он обращался, не имело значения. В одном из стихов он пишет, что, не зная, на кого излить свою злобу, готов проклинать самого себя.

Профессиональным панегиристом был и самый выдающийся поэт того времени ан-Набига. За деньги этот блестящий стихотворец мог воспеть кого угодно. Причем его оружие было обоюдоострым и при случае легко обращалось против того, кого он восхвалял. Ему пришлось бежать от хирского князя из-за едкого пасквиля, в котором он выставил своего покровителя трусом, самодуром и извращенцем. По другой версии, он случайно увидел обнаженной жену князя и описал ее так красочно и живо, что муж поклялся его убить. Какое-то время он безбедно жил при гассандиском дворе, но потом вернулся к князю Хира и в честь примирения написал свою лучшую касыду, получив в награду целый караван верблюдов.

Его хвалебные стихи не претендовали на правдивость – это был только способ заработать на жизнь. Ан-Набига был мастером стиха в самых разных жанрах, владевшим гибким и точным языком, одинаково остро и наглядно описывавшим природу, зверей и женскую красоту. Широко известно его описание змеи – как она лежит, свернувшись в кольцо и кося глазами, притворяясь слабой и храня лицемерный вид, но из ее пасти торчат «острые и кривые, как иглы, зубы».

Не менее знаменито его описание нагой княгини. Поэт подробно изобразил складки на ее животе и упругие соски, от которых грудь кажется выше. На ней золотое ожерелье, она похожа на ручную газель, которая «светит на тебя черными зрачками». В ее глазах – неудовлетворенное желание: «так

больной смотрит на лица своих посетителей». Она словно ромашка после утреннего дождя, когда цветок уже высох, а стебель еще влажен. Даже монах во время молитвы не смог бы отвести от нее взгляд и думал бы, что идет праведным путем, хотя давно уже с него свернул. Сжав ее тело, почувствуешь, как оно подается под рукой и тут же вернет свою форму. А если войти в ее лоно, почувствуешь «возрастающую упругость». Все это тоже своего рода панегирик, почти боготворящий женское тело и в то же время упивающийся исходящим от него соблазном.

Ан-Набига стал признанным мэтром, почитавшимся во всем арабском мире. Репутация его была так высока, что его приглашали как судью на поэтические состязания. Многие считали его лучшим арабским поэтом или, по крайней мере, вторым после Имруульккайса. Стихами ан-Набиги восхищался даже суровый халиф Омар.

Поэзия при Омейядах

Омейяды, как и положено восточным правителям, покровительствовали поэтам. Халиф Йазид первым стал назначать придворным панегиристам ежемесячную пенсию. Хотя традиция поэтических соревнований продолжалась и в это время, – в пригороде Басры Мирбаде, где останавливались караваны, на верблюжьем рынке устраивалась ярмарка, на которой выступали поэты и рассказчики историй, – большин-

ство поэтов переместилось ко дворам халифов, где они соревновались уже за внимание и дары властителя.

Вкусы правителей и меценатов диктовали поэтам свою волю. Кроме восхвалений, халифы и другие омейядские вельможи любили любовные стихи и описание дружеских попок. При Омейядах впервые появилась чистая лирика – небольшие стихотворения о любви, которые пели под лютню, – самостоятельные описания военных походов и битв, стихи на коранические темы. По сравнению с бедуинской касыдой кругозор поэзии сильно расширился: теперь описывали не только пустыню, но и сады, реки, фонтаны, дворцы, городские улицы. Поэты вкрапляли в стихи сцены охоты и пиршеств, иронические зарисовки уличной и придворной жизни, шутки и пародии.

«Тремя китами» арабской поэзии того времени были аль-Ахталь, аль-Фарадзак и Джарир. Характерно, что все трое постоянно ссорились и поливали друг друга грязью в стихах, порой в самых грубых и непристойных выражениях.

Первый, аль-Ахталь, чистокровный араб из христиан-монофизитов, не был мусульманином, но так удачно восхвалял халифов, что получил титул «поэта Омейядов». Возможно, именно он придумал называть представителей Омейядской династии «халифами Аллаха», то есть заместителями не Пророка, а самого Господа. Хвалебные стихи аль-Ахталь считались непревзойденным образцом этого жанра. Сравнение щедрости халифа с рекой Евфратом поразило арабов до

глубины души, а Харун ар-Рашид считал одно из его двустихий лучшим, что было когда-либо написано о халифах.

Характер у него был скорее добродушный, он любил выпить и прекрасно описывал не только дружеские пирушки, но и само вино, во всех его качествах и проявлениях. Когда халиф Адб аль-Малик предложил ему принять ислам, он ответил, что лучше пить вино, чем быть мусульманином.

Налейте всем! Да здравствует вино!

Как муравьи в песке, ползет в моих костях оно.

И закипают пузырьки на дне, как будто там

Сто человечков, и они, смеясь, кивают нам.

В жанре поношений он был самым деликатным из поэтов и никогда не писал ничего, что «не могла бы произнести девушка в присутствии отца».

Аль-Фарадзак, коротышка с толстым животом, за свою внешность получил прозвище «кусочек теста». Как человек он был довольно беспринципен, служил разным господам, восхваляя их во время успеха и понося после поражений. Среди неприглядных черт его характера называют жадность, трусость, наглость, высокомерие, бахвальство, разгульность и развратность – целый набор пороков. Когда один богач подарил ему тысячу дирхемов, кто-то из стоявших рядом заметил: «Ему хватило бы и тридцати: десять на шлюх, десять на еду и десять на выпивку». Он пережил десять омейядских халифов, каждого из которых восхвалял сверх меры.

Абд аль-Малика он прямо называл «лучшим из живущих людей»:

О правоверных властелин, владыка жизни, мой халиф,
Здесь, после Бога, ты один и всемогущ, и справедлив!

Современники боялись его острого и злого языка, а его стихотворная перебранка с поэтом Джариром вошла в легенду. Были широко известны его стихи о том, как он в пустыне накормил голодного волка и как однажды ночью соблазнил сразу пять красавиц, «более чистых, чем страусиные яйца»

Третий из великих, Джарир, был бедняком-бедуином, пасшим в детстве скот. В соперничестве с аль-Ахталем и аль-Фарадзаком он всегда проигрывал из-за своего худородства («дырявой родословной», как острил аль-Фарадзак), поэтому халифы ценили его ниже и награждали меньше. Удерживаться при дворе ему помогало покровительство всемогущего аль-Хаджжажа, который питал к нему симпатию, хотя даже его удивляла неутомимая злобность поэта. Желчный и ядовитый Джарир специализировался больше по поношениям, чем по хвалам. Сравниться с ним в этом жанре не мог никто (кроме разве что аль-Фарадзака). Быть высмеянным Джариром считалось почетным – это позволяло причаститься к его славе. Далеко не каждого он достаивал ответом и насмешкой. При этом никакой морали для него не существовало – в ход шли клевета, издевки, площадные ругательства.

Так, аль-Фарадзака он называл «мерзким выкидышем», «коротконогим ублюдком», сыном шлюхи и тому подобное, а про его отца писал, что тот «грязен как лужа, где барахтается осел».

Число выдающихся поэтов этого времени, конечно, не ограничивалось священным числом «три». В омейядскую эпоху их было не меньше, если не больше, чем в славные времена джахилийи, и они блистали не менее яркими талантами. Даже не самый крупный из них, Зу-р-Румма, мог бы без стыда вступить в соревнования с Антаресом или Имрулькайсом. Описания в его касыдах так же неожиданны, точны и наглядны, как и у доисламских поэтов. Достаточно прочитать его фрагмент о вылупившихся страусятах, где расколотые яйца валяются на песке, словно высохшие черепа, и птенцы выкарабкиваются из скорлупы со крюченными лапками, а кожа на них будто покрыта струпьями.

Свой поэт имелся у хариджитов – это был ат-Тириммах, суровый аскет, отвергавший земные блага и воспевавший воинов за веру. Звездой шиитской поэзии считался аль-Кумайт, учитель из Куфы, поносивший Омейдов и сидевший за это в тюрьме.

Хиджазцы

Именно в омейядское время в Хиджазе родилась любовная лирика в форме небольших песен – газелей. Это было

как бы продолжение греческой и римской лирической поэзии Катулла, Тибулла и Секста Проперция. Она возникла сразу в двух видах: легкая и чувственная лирика крупных городов – и трагическая, бедуинская поэзия пустыни.

Первая расцвела прямо в родовом гнезде Пророка – Мекке и Медине, причем всего через полстолетия после принятия ислама. После победоносных войн в священные города хлынул поток неисчислимых богатств, быстро приучивший их жителей к роскоши и развлечениям. В это время стало модно быть изнеженным, праздным, легкомысленным и сластолюбивым. Молодые повесы, проводя время в безделье, выглядывали себе красивых девушек среди молодых паломниц, стекавшихся со всего халифата в Мекку. Смелые романы завязывались прямо в мечетях или у Каабы, где женщинам приходилось откидывать покрывала, чтобы поцеловать Черный камень. «Она отказывает мне в том, что дает другому!» – возмущенно восклицал поэт, описывая этот поцелуй.

Интрижки старались заводить в основном с замужними женщинами, чтобы обострить чувства. Считалось особенно пикантным забраться в спальню дамы, где она спала вместе с супругом «и рука ее была для него подушкой». Дерзко овладеть женой чуть ли не глазах мужа – что могло быть увлекательней и слаще? Поэт аль-Ахвас скромно замечал, что не вступает в связь только с двумя видами женщин: своими соседками и женами друзей. В своей вызывающей аморальности поэты порой заходили слишком далеко. Того же аль-

Ахваса за мужеложство и распутство высекли и отправили в ссылку, а поэт Ваддах, соблазнивший жену самого халифа, был казнен (по легенде его живьем закопали в землю в сундуке). Но именно эта легкая и пьянящая поэзия, лишенная какой бы то ни было нравственности, стала законодательницей мод при дворе Омейядов, а потом и Аббасидов.

Самым известным из когорты хиджазских лириков был Омар ибн Аби Рабиа из Мекки – местный богач, красавец и казанова, блистательный остро слов, умевший очаровать любую женщину. Во время хаджа при прибытии новых паломников он облачался в самую дорогую одежду, расшитую золотом, душился благовониями и отправлялся искать новую любовь. Его не интересовали ни деньги, ни политика, поэтому он не писал панегириков: когда халиф Сулейман попросил его сочинить для него хвалебную касыду, поэт ответил, что восхваляет только женщин. И действительно, почти все его стихи – любовные газели.

Зато в этом жанре он был непревзойденным мастером и знатоком, досконально разбиравшемся в тонкостях любовных отношений. Мужчины и женщины в его стихах – искушенные соперники и союзники, одинаково сведущие в «науке любви» и во всех ее хитростях и уловках. В одной газели он дает советы мужчине, как вести себя с девушкой, в которую влюблен (не показывай ей свою страсть, не посещай ее слишком часто и т. д.), а в другом выступает уже от имени женщины, поучающей свою подругу, как привлечь

понравившегося юношу: надо случайно приоткрыть плащ, не смотреть долго в его сторону, но бросить только один стыдливый взгляд, который лишит его покоя, и пр. Все это больше похоже на легкомысленные нравы позднего Рима или придворные развлечения аристократов в эпоху Сен-Сенагон, чем на мусульманский шариат. Казалось, что суровые законы, побивание камнями за прелюбодеяние и вся строгость исламской морали существовали где-то в другом мире, а в этом – только свободная любовь, наслаждения и радость жизни.

И сам не чаял я, а вспомнил
О женщинах, подобных чуду.
Их стройных ног и пышных бедер
Я до скончанья не забуду.

Немало я понаслаждался,
Сжимая молодые груди!
Клянусь восходом и закатом,
Порока в том не видят люди.

Еще одним крупным хиджазским лириком был аль-Арджи, правнук халифа Османа, мекканский аристократ, неудачно ввязавшийся в политику и кончивший свои дни в тюрьме. Он тоже щеголял редкими сравнениями и очертя голову бросался в смелые метафоры, говоря, что «влюбленные сжимают друг друга в объятиях так крепко, как креди-

тор держит за платье должника». Это не мешало ему в нужный момент брать высокие лирические ноты и перемежать романтические восторги с поэтическими жалобами. Описывая ночь, когда ему приходилось напрасно ждать возлюбленную, он вздыхал, что «пасет звезды до утренней зари» и «караулит рассвет как стражник, следящий за проломом в стене». Из-за своей распутности и бесчисленных любовных похождения аль-Арджи стал героем непристойных анекдотов.

Упомянувшийся уже Вагдах, потомок персов, живший в Хиджазе, был мастером фривольных и чувственных стихов, полных наслаждений и эротики, порой очень смелой. О своей возлюбленной – которую, как он сетовал, со всех сторон окружают люди, «словно жемчужину, скрытую в раковине», – поэт писал, что ее тело прекрасно, как восходящее солнце, а гладкие бедра похожи на плотно слежавшийся снег. Когда ему говорили про смерть и загробный суд, он отвечал: поэтому я и тороплюсь отдаться своей страсти, ведь сердце мое принадлежит тем, кто носит браслеты. Девушек он соблазнял, обещая написать про них «красивую поэму», а если кто-то ему отказывал, возмущался: «Или подари мне любовь, или объясни, почему убиваешь мусульманина!»

Узриты

Совсем другими были бедуинские стихи племени узритов. В поэзии этих страстных кочевников не найдешь и следа

хиджазского легкомыслия. Поэт здесь всегда предан только одной возлюбленной, с которой он, однако, по разным причинам не может соединиться. Тоска, страдания доводят его до безумия, и даже после смерти он не ждет облегчения.

По мнению узритов, в любовь попадают как в капкан, внезапно и на всю жизнь. Это не блаженство, а несчастье, горькая судьба, нечто предопределенное и неизменное, как вечность. Все на свете может закончиться, только не любовь. Несчастный Маджнун сравнивал любовь с коршуном, которая терзает его сердце при одном имени возлюбленной. Джамиль называл себя жертвой, которая плачет от любви к своему убийце. Вместе с измученным поэтом страдает и пустыня, и природа, и весь мир. Даже пойманная охотниками антилопа кажется Маджуну похожей на его Лейлу, и он просит ее отпустить.

Разрастаясь в душе влюбленного, любовь превращается в абсолют, в предел существования, в религию и веру. Джамиль ставит свою Бусайну на второе место после Аллаха – ведь от нее зависят его жизнь и смерть – и признается, что мысли о ней не оставляют его даже во время молитвы. Когда ему предлагают воевать против неверных, он отвечает, что его любовь и есть джихад. Кусайир благодарит Аззу, как Бога, за все, что она дает, неважно, добро это или зло. Маджнун молится не в сторону Каабы, а в сторону Лейлы. Все это звучит не менее кощунственно, чем хиджазская лирика с ее погоней за удовольствиями, только на другой лад.

Трудно сказать, стояли ли за поэзией узритов какие-то реальные люди, или это была просто мода, условность, особенности жанра, отражавшего другой тип любви или другую ее сторону. У хиджазской лирики были свои шаблоны, у узритской – свои. Прекрасная дама непреклонна или выходит замуж за другого, поэт теряет разум от любви, становится изгоем, скитается в пустыне, повсюду следует за возлюбленной, целует следы ее ног и, наконец, умирает от разлуки – по таким лекалам, с некоторыми вариациями, создавались все любовно-лирические циклы.

Поэт и муза. Увра и Аффа, Кайс и Лубна, Джамиль и Бусайна, Кусайир и Азза: со временем эти пары поэтов и их возлюбленных стали в арабской культуре такими же нарицательными, как в Европе – Ромео и Джульетты или Тристана и Изольды. Не отставали и женщины – поэтесса Лейла любила разбойника Тауба, ставшего героем ее стихотворений. Их любовные истории продолжали жить в веках и со временем превращались в прозаические истории и целые эпосы.

Более или менее историческим лицом считается Джамиль, друг Омара ибн Абу Рабиа, который пытался устроить Джамиле свидание с Бусайной, выданной замуж за другого. Поэт виделся с ней раз в несколько лет и был готов довольствоваться одним ее взглядом. О физической любви у него не было и мысли: Бусайна относилась к этому с отвращением, а если бы это было иначе, он сам считал бы ее по-

рочной. В его стихах множество трогательных подробностей, способных разжалобить даже камень. Джамиль вспоминает, как в детстве он и Бусайна вместе пасли овец, и в то же время с профессиональной точностью подмечает, что его возлюбленная роняет слезы, окрашенные сурьмой. Пусть мы станем парой верблюдов, пасущейся в уединенном месте, – в том же духе вздыхает другой поэт, – и пусть нас покрывает парша, чтобы нас все бросили и никому не было бы до нас дела.

Что касается Маджнуна, то в его существовании сомневались уже сами арабы. «Глупое простонародье, – писал Ибн аль-Мутааз, – приписывает все бесстыдные стихи Абу Нувасу, а все, где есть имя Лейлы, – Маджуну». Его история как две капли воды похожа на другие: он с детства любил Лейлу, когда она бегала «с косичками до плеч, в короткой рубашонке», и они вместе пасли овец («остаться бы навек детьми, и чтобы овцы не росли»), но отец выдал ее за другого. Маджнун продолжал искать с ней встреч и, изгнанный из племени, бродил по пустыне среди диких зверей, пока не сошел с ума. По описаниям Лейла была маленькой и худой, с голубыми глазами, что у арабов считалась отвратительным, но Маджнун это не смущало: он совсем не замечал ее недостатков, и в этом сказывалась сила его чувства.

Обезумевшему от любви Маджуну (его имя и значит «безумный от любви», буквально – «одержимый джинном») кажется, что в нем воплотилась вся любовь, которая только есть на земле: в мире ее больше не осталось, она вся посели-

лась в нем, и ее похоронят вместе с ним. Бедуинам не надо разжигать костер в пустыне: их согреет жар в его груди. В описании возлюбленной идут сплошные гиперболы: кожа у нее такая нежная, что даже проползший муравей оставит на ней след, стан ее так тонок, что может преломиться пополам, и т. п.

Была в этом мужском обществе влюбленных и одна поэтесса, Лейла из знатного рода ахьял, полюбившая бедуина-разбойника Таубу. Благородный разбойник посватался к ней, но ее, как водится, выдали замуж за другого. Тауба много лет преследовал ее, приходил к ней по ночам, но между ними не было ничего недозволенного: Лейла говорила, что у нее есть муж, и она не может ему изменить. В конце концов, Тауба был убит.

Легенда рассказывает, что однажды Лейла, проезжая мимо его могилы, выглянула из паланкина и обратилась к ней с приветствием. «Вот уж не думала, что он окажется лжецом, – огорченно заметила она, не услышав ответа. – Ведь он клялся, что если я поприветствую его могилу, он ответит сам или это сделает одна из прячущихся на кладбищах сов!» (Сова у арабов – символ умершей души). Тут же из-за надгробия вылетела испугнутая сова, испугала верблюда, и тот сбросил женщину на землю. Лейла мгновенно погибла и была похоронена рядом с возлюбленным.

Глава 7. Золотой век

Абу-ль-Аббас

Аббасиды по праву считаются самой знаменитой и самой блестящей династией мусульманского Востока. Сотни лет спустя, когда Багдадский халифат уже давно перестал существовать, правители новых княжеств и государств смотрели на них как на идеал и образец для подражания, которому должен следовать каждый халиф или султан. В правление Аббасидов, продолжавшееся ни много ни мало пятьсот лет, исламская культура обрела свое лицо, а исламское государство – окончательную форму.

Тем не менее, начало аббасидского правления было тревожным и не предвещало большого успеха. В восстании против Омейядов участвовали самые разные силы и круги, добивавшиеся противоречивых, а порой и прямо противоположных целей. К тому же сразу после победы выяснилось, что у мятежников нет единого руководителя. Имам Ибрахим, который по замыслу восставших должен был возглавить халифат, незадолго до разгрома Омейядов был схвачен и отравлен в тюрьме кислым молоком. Перед смертью он указал как на преемника на своего младшего брата Абу-ль-Аббаса, человека малоизвестного и ничем не примечательного. В Куфу,

где собрались победители, Абу-ль-Абас прибыл инкогнито.

Ситуация получалась странной: мятежники взяли власть, а имя нового халифа никто не знал. Говорили только о «скрытом имаме», который в должное время будет явлен народу. Шииты считали, что это кто-то из потомков Али, а Аббасиды не решались указать на своего Абу-ль-Аббаса, который ничем не проявил себя во время восстания. Только когда во время переговоров один из военачальников случайно узнал, что в Куфе находится брат Ибрахима, он тут же отправился к нему в дом и принес ему присягу. За ним потянулись остальные. Так никому не известный Абу-ль-Аббас стал правителем исламской империи.

Новый халиф традиционно произнес речь в мечети Куфы, где объявил себя оплотом справедливости и мстителем, «проливающим и кровь, и благо». В это время он был болен лихорадкой, и у него едва хватило сил, чтобы закончить речь. Но слово «проливающий», по-арабски ас-Саффах, всем запомнилось и стало его тронным именем. Арабам понравилось, что Абу-ль-Аббас произнес проповедь стоя, как было принято до Омейядов.

Первом актом его правления стала прибавка жалования солдатам на 100 дирхемов в год. «Я увеличил вам жалование, – объявил халиф, – так что готовьтесь сражаться». Однако сражаться, как скоро выяснилось, пришлось не с внешними врагами, а со своими собратьями по мятежу.

Чистки

Если верно, что история порой без видимых причин выбирает себе любимчиков или изгоев, то Аббасиды явно относились к числу первых. На закате омейядской династии все было против Омейядов – и все шло на пользу Аббасидам. Казалось бы, обманутые в своих ожиданиях шииты и мавли (первые – потому что не достигли власти, вторые – потому что не получили облегчения налогового гнета) должны были с гневом выступить против Аббасидов, но этого не произошло. Восстания были разрозненными и слабыми. Если против Омейядов враги выступали вместе, то Аббасиды сумели справиться с ними по одиночке.

Главную роль в расправе над бывшими соратниками сыграл Абу Муслим, пользовавшийся непререкаемым авторитетом на востоке. Его руками были уничтожены все основные противники Аббасидов. Абсолютно преданный новой династии и абсолютно ей доверявший, он бросил созданную им мощную армию на разгром ее врагов.

Первый удар был нанесен против аздитов – племени южных арабов, которых возглавляли два брата, Усман и Али. Аздиты составляли важную часть армии Абу Муслима и сражались с ним бок о бок против Омейядов. Но когда стало ясно, что Аббасиды побеждают, Абу Муслим решил, что союзники ему больше не нужны. Он вызвал к себе Али и рас-

спросил, кто является его самыми преданными сторонниками, пообещав всех щедро наградить. Но как только список был составлен, он в один день убил и Али, и названных им людей, и его брата Усмана.

С не меньшим хладнокровием Абу Муслим расправился со своими бывшими соратниками Абу Саламом и Сулейманом ибн Касиром: к первому он подослал наемного убийцу, который ночью заколол его кинжалом, а второго убил собственноручно.

Растерянные шииты наблюдали, как новые власти расправляются с прежними друзьями, поддержавшими их во время мятежа. Очень скоро настал черед и самих Алидов. Абу-ль-Аббас арестовал почти всех внуков Фатимы и умирал их до смерти в каменных подвалах. Как рассказывают историки, это была долгая и мучительная агония, затянувшаяся на несколько месяцев. Узники умирали один за другим от опухолей, которые сначала появлялись на ногах, а потом поднимались вверх и поражали сердце. Умерших оставляли разлагаться в той же камере: в камере стояло такое страшное зловоние, что один из слуг, чтобы отбить его, тайком принес немного благовоний. Заключение, несмотря ни на что, старались выполнять все правила ислама. Не различая времени суток и не зная, когда молиться, они разделили Коран на пять частей и читали по очереди, а когда заканчивалась одна из частей, совершали молитвы. По легенде, последних оставшихся в живых узников халиф убил, обрушив на их го-

ловы своды тюрьмы.

Правление Абу-ль-Аббаса оказалось недолгим: он царствовал всего четыре года и умер от оспы, передав власть своему брату Абу Джафару, получившему прозвище «Победоносный», или аль-Мансур.

Аль-Мансур

Аль-Мансур стал халифом в 41 год. Внешне это был довольно привлекательный человек, стройный и высокого роста, но с кучей бородкой и жидкими волосами (густая борода считалась одним из главных атрибутов мужской красоты), которые ему приходилось красить шафраном, потому что хна их не брала. В задумчивости он любил долго сидеть на корточках, рисуя по земле палочкой или кусая собственный палец.

Аль-Мансур был плохим солдатом, но прекрасным политиком и дипломатом, хорошо разбиравшимся в людях и умевшим пользоваться их слабостями. Он великолепно владел искусством красноречия и лично выступал с пятничными проповедями в мечети, что в более поздние времена Аббасидов казалось уже немыслимым. Никто из подданных не сомневался в чистоте его веры и искренности благочестия. За его столом никогда не подавали вина, а музыку он не выносил настолько, что однажды разбил о голову какого-то евнуха тунбур (мандолину), на котором тот наигрывал во двор-

це.

Халиф любил лично входить во все детали управления и каждый день внимательно читал отчеты своих агентов-информаторов, которые сообщали ему обо всем, что происходит в стране. Главным его недостатком считали скупость. Своей страстью к контролю халиф сводил с ума строителей Багдада, требуя отчет за каждый потраченный кирпич и горсть цемента: ему казалось, что все рабочие и подрядчики его обманывают и обкрадывают, тратя лишнее.

Аль-Мансур стал первым, кто покончил с родственными и клановыми традициями правления: он не ставил на ведущие места своих родных, а наоборот, избавлялся от них, чтобы они не могли претендовать на власть. Заодно в опалу попадали их советники и секретари, многие из которых были казнены. Вокруг халифа должны были остаться только лично преданные ему люди, даже если это были просто рабы.

Конец Абу Муслима

Даже верный Абу Муслим, правая рука Аббасидов, не пользовался доверием халифа. Хотя именно он, как никто другой, помог Аббасидам расправиться с врагами, больше всего они боялись самого Абу Муслима. Это был один из тех «львов» ислама, которые вызывали одновременно восхищение и ужас. За годы аббасидского восстания он убил столько людей, что его сравнивали с самим аль-Хаджджем. Его

авторитет в восточных провинциях был абсолютен и доходил почти до обожествления. Существовала даже особая секта абумуслимитов, поклонявшихся ему как имаму. Если бы он обратил все эти силы против Аббасидов и попытался захватить трон, у него вполне могло бы получиться.

Вместо этого Абу Муслим неизменно демонстрировал глубокую преданность новой династии и делал все, чтобы укрепить ее власть. Он ничего не хотел для себя, и всего – для Аббасидов. В свою очередь, он был уверен, что его заслуги перед Абу-ль-Аббасом и аль-Мансуром неоспоримы, и не допускал мысли, что они могут желать ему смерти. Поэтому, когда аль-Мансур пригласил его в свой дворец – якобы для того, чтобы дать наставления перед отъездом в Хорасан, – Абу Муслим без колебаний отправился к нему без свиты и охраны, хотя его предупреждали об опасности.

Перед тем, как принять у себя Абу Муслима, аль-Мансур спрятал за дверью своих людей и приказал им не выходить, пока он не хлопнет в ладоши: тогда они должны были выбежать и убить Абу Муслима. Как только Абу Муслим пришел на аудиенцию, халиф начал осыпать его упреками за разные проступки. Абу Муслим, удивленный и возмущенный, воскликнул: «И ты упрекаешь меня после всего, что я для вас сделал!» Халиф с гневом ответил: «Все, что ты делал, произошло только благодаря нашему величию и удаче! На твоём месте мог бы быть кто угодно, даже какая-нибудь черная рабыня. Ты слишком высоко вознесся: пишешь мне письма,

начиная со своего имени, сватаешься к моей тетке Асии и называешь себя потомком аль-Аббаса!»

Поняв, что дело серьезно, Абу Муслим начал гладить его руку, целовать ее и просить прощения, но аль-Мансур воскликнул: «Да убьет меня Аллах, если я не убью тебя сейчас!» – и хлопнул в ладоши. Его люди вбежали в зал и набросились на гостя с мечами. Первые удары были слабыми, и Абу Муслим успел сказать халифу: «Лучше побереги меня для твоего врага», – на что тот ответил: «Разве есть у меня враг злейший, чем ты?» Абу Муслиму отрубили ногу, потом руки, пока он не превратился в гору отсеченных членов, а аль-Мансур смотрел на это и кричал: «Бейте, бейте, да отрубят Аллах ваши руки!» Останки убитого завернули в ковер и бросили в Тигр.

Абу Муслим умер молодым – в момент смерти было тридцать пять лет. Говорили, что с виду он был смугл, невысок ростом, широколоб, отличался молчаливостью и хладнокровием и одинаково свободно владел арабским и персидским. Сыновей он не оставил, только двух дочерей, а все его наследство состояло из пяти невольниц.

Гибель Абу Муслима вызвала волну волнений в Хорасане, но все они были жестоко подавлены. То же самое ожидало шиитские восстания в Медине и Ираке. Первое из них возглавил Мухаммед ибн Абд Аллах, а второе – его брат Ибрахим.

Шииты до сих пор почитают Мухаммеда как имама под име-

нем аль-Нафс аль-Закия, то есть «Чистая душа». Это был грузный и неповоротливый заика, очень мягкий, добрый и щедрый, которого обожали его сторонники. Подобно Хусейну, он сознательно выбрал путь шиитского мученика и, несмотря на почти полную безнадежность этого дела, поднял с горсткой соратников восстание в Медине.

Захват города произошел бескровно: Мухаммед призвал своих приверженцев никого не убивать. Он не пытался ни бежать, ни искать союзников, считая, что его веры и благочестия достаточно, чтобы победить. Когда к городу подошла армия аль-Мансура, он встретил ее возле рва, выкопанного еще пророком Мухаммедом, полностью полагаясь на этот священный ров и не сомневаясь, что тот защитит его так же, как первых мусульман. Всем, кто не хотел воевать, он великодушно предложил уйти, освободив от принесенной ему клятвы; многие тут же разбежались. С оставшейся кучкой воинов он принял бой и погиб во время схватки. Его голову аль-Мансур потом показывал гостям на серебряном блюде.

Багдад. В эпоху расцвета аббасидские халифы располагали ресурсами, которых не имел ни один монарх за всю историю Европы (за исключением, может быть, Людовика XIV). Это позволяло им удовлетворять все свои причуды, одной из которых было желание строить новые столицы. Часто их возводили на ровном месте, почти «с нуля», выбирая какое-нибудь удобное и красивое место с хорошей водой и здоровым воздухом. Так при аль-Мансуре возник Багдад, который халиф

решил основать на западном берегу Тигра недалеко от Ктесифона, столицы древней Персии, и еще более древнего Вавилона. По легенде, халиф как-то заночевал в находившейся неподалеку деревне и провел самую «сладчайшую и спокойнейшую ночь на земле». Тогда он и задумал возвести здесь новую столицу, идеальный Город Мира – Мадинат ас-Салям, как назвал его аль-Мансур, – который должен был превзойти роскошью и великолепием все существовавшее прежде.

Главную часть Багдада, Круглый город, построили всего за пять лет, потратив несколько миллионов кирпичей и труд десятков тысяч людей. В центре столицы возвышался дворец «Золотые ворота» с высоким зеленым куполом и венчавшей его фигурой всадника с копьем в руке, видимой со всех концов города: по легенде, он всегда указывал в ту сторону, откуда угрожала опасность. Дворец и соседствовавшую с ним мечеть разделяла одна стена – через особую дверь халиф мог попасть из дворца в мечеть на свое «царское» место, огороженное от остальных верующих. О равенстве всех мусульман перед Аллахом уже давно никто не вспоминал.

Багдад быстро стал крупнейшим городом своего времени, настоящим мегаполисом, куда стекались все ресурсы халифата. В нем обитало до полумиллиона жителей, больше, чем в Константинополе и Риме. В Европе только к XIX веку города стали достигать таких размеров.

Смерть аль-Мансура

На 22 году своего правления аль-Мансур отправился в паломничество в Мекку и скончался от оспы, едва добравшись до святой земли. Он был погребен в Мекке с открытым лицом, поскольку в это время «был в ихраме», то есть совершал хадж. Перед смертью халиф успел составить завещание, сделанное, как он написал, «в мой последний день в этом мире и первый – в следующем». Согласно его воле, власть унаследовал его сын аль-Махди. Раби ибн Юнус, управляющий халифским двором, скрыл его смерть: он посадил труп халифа за тонкой занавеской и вызвал военачальников и старейшин, чтобы они принесли присягу его сыну аль-Махди в присутствии еще «живого» повелителя. Только после этого Раби объявил о смерти аль-Мансура и разрешил рыдать его женам.

После смерти аль-Мансура в государственной казне осталась огромная сумма – четырнадцать миллионов золотых динаров.

Оставил он и другое, более своеобразное «наследство». Перед отъездом в Мекку аль-Мансур передал дворцовые ключи жене своего сына Рите. Показав ей один из ключей и дверь, которую тот открывал, халиф взял с нее слово, что в эту комнату не войдет никто, кроме нее и ее мужа, и то только после его смерти. Когда он умер, Рита вошла в комнату

и увидела засушенные мумии всех членов рода Али, убитых после воцарения Аббасидов: там были взрослые мужчины, подростки, старики и дети. На ухе у каждого висела бирка с указанием имени и степени родства. Сын халифа приказал тайно похоронить их в общей могиле, а сверху построить тюрьму.

Аль-Махди

Тридцатилетний аль-Махди был высоким и стройным, как его отец, с красивыми вьющимися волосами. Приятный по характеру, добродушный и щедрый, он любил поэзию, охотно читал пятничные проповеди, строил много новых мечетей и восстанавливал старые. В мечетях по его приказу убрали специальные огороженные места (максура), предназначенные для высокопоставленных лиц: перед Аллахом должны быть все равны.

Мягкий характер его правления сказался в том, что он пытался примириться с алидами, награждая их богатыми подарками, хотя и без особого успеха. Человек скорее мирный, чем воинственный, он организовал морской поход в Индию, поначалу успешный – арабы захватили крупный город, царские богатства и дочь царя, – но кончившийся плохо из-за сильных штормов на обратном пути.

В отличие от аль-Мансура, сурового аскета, который, по рассказам, сам штопал свои рубахи, его сын был любите-

лем наслаждений. Если аль-Мансур заложил прочный фундамент под царствование Аббасидов, то аль-Махди наполнил его той роскошью и великолепием, которая прославила Багдадский халифат. Начав довольно бодро свое царствование, он постепенно отошел от дел и стал проводить все больше времени в гареме, с головой уйдя в чувственные удовольствия. Безвольный и одурманенный сладострастием, он передал власть в руки своей жены Хайзуран, которая назначала чиновников и решала все дела в стране. Даже погиб этот сластолюбивый халиф будто бы от яда наложницы, приревновавшей его к другой рабыне. (По другой версии, он умер во время охоты, когда понесла его лошадь).

Аль-Махди был первым халифом, при котором гаремные страсти стали влиять на государственную политику. Еще при жизни мужа Хайзуран настроила его против старшего сына Мусы аль-Хади и уговорила передать власть младшему, своему любимчику Харуну ар-Рашиду. Халиф отправился к Мусе в персидскую провинцию Джурджан, где тот был наместником, чтобы убедить его добровольно отказаться от власти в пользу младшего брата, но по дороге умер, отравившись не то спелой грушей, не то сладким пирожком. В результате на трон все-таки сел Муса – и Харун ему присягнул, не посмевав оспаривать права старшего сына.

Аль-Хади

Новому правителю едва исполнилось 24 года. Высокий, как все первые Аббасиды, он выделялся необычно белой кожей и заячьей губой, немного портившей его красивое лицо (в детстве его за это дразнили «Муса-Закрой-рот»). После внезапной смерти отца аль-Хади срочно вернулся в Багдад и прежде, чем приняться за дела, целые сутки провел со своей любимой рабыней, которую не видел уже много месяцев. Только после этого он сделал первые назначения, поставив во главе армии молодого Али ибн Мусу ибн Махана, а управляющим двором – Фадла, сына Раби ибн Юнуса.

Оба брата, аль-Хади и Харун, поселились в Багдаде в своих дворцах. Недавняя распря постоянно сказывалась на их отношениях, раздраженных и неровных. Неуравновешенный халиф то проявлял неумеренную любовь к своему брату, то выказывал ему откровенную ненависть. По закону преемником аль-Хади считался Харун, но ему хотелось сделать наследником своего сына Джафара. Скорей всего, он так бы и поступил, если бы судьба отвела ему больше времени на троне.

В истории аль-Хади остался как жестокий и свирепый самодур – известно, что он отравил своего вазира ар-Раби из-за его рабыни, которая ему понравилась, – и в то же время как образованный, любивший культуру человек, щедрый, време-

нами великодушный, сильный и храбрый воин, которого ценила армия.

Пленник. Рассказывают, что однажды, сидя верхом на осле и без оружия, аль-Хади велел привести к нему захваченного хариджита. Тот внезапно выхватил меч у одного из стражников и бросился на халифа. Испуганная стража разбежалась, но аль-Хади грозно крикнул: отрубить ему голову! Хариджит решил, что кто-то напал на него сзади, и обернулся, а халиф, воспользовавшись его замешательством, накинулся на пленника, отобрал меч и убил. Присутствовавший при этом историк заметил: аль-Хади мы боялись больше, чем хариджита. После этого случая халиф никого не упрекнул в трусости и бегстве: он просто перестал ездить на осле и ходить безоружным.

Его мать Хайзуран попыталась играть при нем ту же роль, что и при аль-Махди, но наткнулась на жесткий отпор. Халиф сделал матери выговор, посоветовав заниматься шитьем и другими домашними делами, а также больше читать Коран. «Клянусь, я буду отвержен родства с Пророком, если не отрублю голову и не конфискую имение того из полководцев и близких людей, кто решится подойти к твоим воротам», – заявил он. Возможно, эти слова стоили ему жизни. Не процарствовав и года, он был задушен во сне подушками по приказу Хайзуран, а к власти пришел Харун ар-Рашид.

Харун ар-Рашид

Харун, ставший халифом в 22 года, был не столько хорошим правителем, сколько любителем веселой жизни. В юности над ним смеялись, когда в военных походах он с картинным изяществом гарцевал на лошади: в нем не видели истинного воина. Человек обаятельный и щедрый, прекрасно образованный, любитель поэтов и сам поэт, он проводил время в пирушках и развлечениях. Харун не стремился к власти и говорил, что с большим удовольствием проживет обычную жизнь со своей женой Зубейдой, чем будет нести бремя халифской власти. Он обладал удивительным для халифа качеством – застенчивостью – и чувствовал себя настолько неуверенно, что не решался смотреть людям в глаза.

Единственным его мудрым шагом стал выбор хорошего помощника-вазира – Йяхьи ибн Халида ибн Бармака, который управлял за него всем государством вместе со своим сыном Фадлом. Другой его сын, Джафар, славился как блестящий собеседник и был личным другом халифа, его постоянным товарищем по застольям. В клане Бармакидов имелись еще два брата: Мухаммед, благородный возвышенный юноша, и Муса, смелый и мужественный воин.

Йяхья ибн Халид, сын буддистского жреца, принявшего ислам, стал главой дворцовой канцелярии еще при халифе аль-Махди и почти породнился с Аббасидами: его жена кор-

мила грудью сына халифа, а жена халифа – сына Йахьи. Когда молодой Харун отправился на свою первую войну против византийцев, верный Йяхья сопровождал его как опекун и наставник.

Придя к власти, Харун отдал в его руки все управление государством. Вручив ему свое кольцо с печатью, халиф сказал: «Веди дела, как считаешь нужным; назначай и снимай, кого хочешь. Сними ношу с моих плеч и возложи на свои: управляй моим стадом». Йяхья и его сыновья целыми днями сидели во дворце и принимали жалобы и прошения, рассматривая их до глубокой ночи. Ко всем просителям он относился внимательно и дружелюбно. Он прорыл новый канал, который позволил сильно поднять урожай, и наладил поставку зерна в Мекку и Медину, где жили ветераны. Он покровительствовал науке и искусствам, переводил Птолемея и медицинские книги индийцев, интересовался индуизмом.

Благодаря администраторским талантам Йяхьи страна процветала, в халифате царили мир и порядок. Но самодурство или ревность ар-Рашида положили этому конец. Джафар был казнен, Йахья и Фадл брошены в тюрьму, а все имущество Бармакидов конфисковано в казну. Вслед за этим полетели головы их жен и детей, близких и дальних родственников, даже назначенных ими чиновников. Всего под расправу попало больше тысячи человек, и халиф лично присутствовал при казнях и пытках.

О том, почему пали Бармакиды, существует много разных

мнений. Говорили, что они обладали слишком большой властью (у Йахьи была личная печать халифа, которой он мог закрепить любое распоряжение и закон), были слишком влиятельны (как наставники детей халифа), слишком богаты и блестящи (дворец Джафара не уступал по роскоши дворцу халифа), заигрывали с Алидами и шиитами, которых ар-Рашид считал своими злейшими врагами.

Читайте в Приложении. Коварство и любовь.

Подлинная причина столь резкой перемены Харуна к Бармакидом до сих пор остается загадкой. Она была непонятна и современникам, которых эта история поразила своей внезапностью и наглядным свидетельством бренности и ненадежности всего сущего.

После падения Бармакидов Харун проявил не больше талантов правителя, чем до него. Без Йахьи в стране наступил упадок. Даже мешки с почтой валялись во дворце нераспечатанными: некому было ее разбирать. По стране прокатилась волна восстаний и мятежей: сильные волнения вспыхнули одновременно в Магрибе, Египте, Сирии, Йемене, Ираке, Персии. Часть из них Харун сумел подавить, но единство государства оказалось под угрозой.

О личной жизни и характере ар-Рашида осталось много рассказов, большинство которых легендарны. Харун, герой арабских сказок, странствующий по ночному городу вместе с верным Джафаром, – чисто литературный образ. На самом деле, ар-Рашид не любил жить в Багдаде: он называл его «па-

рилкой», не вынося за сильную жару, и предпочитал Ракку, стоявшую на берегу Евфрата.

Несмотря на легкомысленную жизнь, Харун проявлял большое благочестие и совершил восемь паломничеств в Мекку – больше, чем любой другой халиф. Он ежедневно совершал по сто поклонов и раздавал беднякам по тысяче дирхемов, а по пятницам исправно читал в соборной мечети проповеди, которые писали его секретари. На протяжении всего правления он яростно боролся с еретиками и заставлял иноверцев строго выполнять все предписания, предусмотренные для них исламом: ездить только на ослах, носить особую обувь и одежду и т. д. В то же время он был суеверен и однажды выпустил из тюрьмы Мусу ибн Джафара только потому, что увидел во сне какого-то эфиопа, который, потрясая копьем, пригрозил убить его, если он этого не сделает.

Его война с Византией была вполне успешна: собрав огромное войско, Харун захватил Гераклею и заставил платить дань нового императора Никифора.

В ряде эпизодов он проявил себя как ревностный и добросовестный правитель. Так, он не поленился лично отправиться в Хорасан, чтобы проверить жалобы против его наместника ибн Махана: никто из халифов ни раньше, ни позже этого не делал. Ибн Махан встретил Харуна роскошными подарками и сумел сохранить должность, но ни к чему хорошему это не привело: в провинции начались волнения. В конце концов Харун решил сместить Ибн Махана, но поста-

рался сделать это осторожно, поскольку тот имел в Хорасане много сторонников и сам мог восстать против халифа. Харун послал к нему Харсаму ибн Айана – якобы на помощь в борьбе с мятежниками, а на самом деле с поручением быстро и неожиданно избавиться от зарвавшегося наместника.

Предусмотрительный Харсама заранее отправил своих агентов в столицу Хорасана, раздав им списки сторонников Ибн Махана, чтобы они могли арестовать их по первому приказу. Он разыграл дружелюбие при встрече с Ибн Маханом, пообещал ему деньги от халифа, а когда наместник остался один, с небрежным видом вручил ему письмо от Харуна. Распечатав его и прочитав первую строчку, наместник смертельно побледнел. Оно начиналось словами «Ты, сын шлюхи...» – и заканчивалось сообщением, что Харсама прислан его арестовать и забрать все его богатства.

Однако все это не помогло умиротворить Хорасан, и Харун лично отправился в провинцию, чтобы подавить мятеж. Во время этого похода он заболел и слег.

Чувствуя приближение конца, Харун выбрал себе погребальный саван и приказал вырыть для себя могилу. Заглянув в нее, он сказал: не избавила меня от этого власть моя. Напоследок халиф постарался наказать своих врагов и облагодетельствовать друзей. Незадолго до смерти он плакал над стихами Абу-ль-Атахии:

Где цари и где прочие?

Они пошли путем, по которому идешь и ты.
Возьми то, что дарует тебе этот мир.
А смерть – конец всего.

Персы и арабы

Если бегло взглянуть на первые годы правления новой династии, нельзя не заметить, какую важную роль в них играл Хорасан. Здесь началась революция Аббасидов, отсюда в Багдад текли свежие силы и ресурсы, сюда назначались наместниками братья и сыновья халифов, здесь происходили самые опасные бунты и мятежи. Хорасан стал самой главной, ключевой провинцией, контролировать которую для правителей было вопросом жизни и смерти.

Произошло это неслучайно. Хорасан включал огромную территорию, в которую входили бывшие владения Персидской империи. Сказать «Хорасан» было то же самое, что сказать «Персия». Вся восточная часть арабского халифата раньше была полностью персидской. Здесь повсюду оставались следы ее тысячелетнего правления: огромные крепости и города, сложная ирригационная система, налаженные пути снабжения, сильный чиновничий аппарат, который арабы не отменили, а приспособили под свои нужды.

Персия была самой древней, культурной и могущественной страной из всех захваченных арабами. Персидские цари, их пышный двор, стройная система власти считались идеа-

лом у багдадских халифов. Неудивительно, что уже при аль-Мансуре халифат стал становиться все более персидским. Расправившись с одним персом – Абу Муслимом, аль-Мансур тут же пригласил трех новых – Бармакидов.

Наставником и помощником наследника престола и будущего халифа аль-Махди тоже был перс, Абу Убайдаллах. Сын аль-Мансура получил чисто персидское воспитание, из арабской культуры он хорошо знал только поэзию, которую преподавал ему второй наставник, араб аль-Муфаддала.

Мощное влияние Персии в халифате со временем только увеличивалось. Чем больше арабы узнавали персидскую культуру, тем больше хотели ей подражать. Арабские поэты стали писать на персидском языке. Персов даже начали набирать в армию, хотя раньше в ней служили только арабы.

При Харуне ар-Рашиде персы еще больше вошли в моду. Поэты откровенно воспевают культуру иранцев, «племя благородных», и с презрением отзывались о «сынах пастухов», арабских бедуинов, которые, как писал Башшар ибн Бурда, «вместе с собаками лакали воду из дождевой канавы».

Завоевав Персию, арабы по сути дела проглотили кусок, который не могли переварить. Подчинив ее политически, арабы сами подчинились ей культурно, оказались завоеванными ею изнутри, как когда-то произошло с Грецией и Римом.

Все это во многом определило политику новой династии. В отличие от Омейядов, Аббасиды стали чистыми космопо-

литами. Они отказались от идеи арабского превосходства. Им было все равно, кто их поданные: персы, арабы или турки, – главное, чтобы они исправно служили и платили налоги. Аббасидский халифат объединяла единая религия и центральная политическая власть, опиравшаяся на армию и чиновников. Остальное не имело значения.

При Аббасидах все мусульмане впервые стали равными, и это означало конец арабской власти.

Глава 8. Смуты

Аль-Амин

Харун ар-Рашид тщательно продумал передачу власти своим сыновьям. Преемником был объявлен младший сын от законной жены Зубейды, аль-Амин, а его наследником – аль-Мамун, сын знатной персиянки, наложницы халифа. Старший брат как бы подстраховывал младшего на тот случай, если с ним что-то случится и в стране не останется взрослых наследников мужского пола. При этом в завещании было сказано, что если аль-Амин попытается отстранить аль-Мамуна от власти, то немедленно потеряет права на трон. С другой стороны, аль-Амин имел право назначить в преемники аль-Мамуна любого, кого пожелает, например, своего сына. Таким образом, в завещании соблюдались права и интересы каждого из братьев и обеспечивалась надежная преемственность власти в государстве.

Но вся эта предусмотрительность оказалась тщетной. После смерти Харуна страна раскололась на две половины: приверженцев аль-Амина и сторонников аль-Мамуна. Поначалу между братьями не было вражды – оба понимали, что гражданская война может привести к неисчислимым бедствиям, – зато их советники были настроены иначе. Управ-

ляющий двором Фадл ибн Раби знал, что его положение зависит исключительно от воли аль-Амина и если к власти придет аль-Мамун, он может потерять все. Фадл начал убеждать аль-Амина передать власть своему сыну, отстранив от трона брата.

У аль-Мамуна был свой советчик – тоже Фадл, сын Сахла, чистокровный перс. Он постоянно уговаривал хозяина отколоться от брата и поднять восстание в персидском Хорасане, где, как он уверял, многие с радостью поддержат аль-Мамуна как сына персиянки.

Между Багдадом и Мервом, где сидел аль-Мамун, началась переписка, постепенно становившаяся все более враждебной. Аль-Амин требовал у брата высылать ему налоги, собранные в провинции, а аль-Мамун отвечал, что они нужны ему самому для борьбы с тюрками. Аль-Мамун просил прислать из Багдада его семью и личные деньги, которые он хочет употребить на охрану границ, но аль-Амин вежливо ему отказывал, говоря, что сам позаботится о его родных и лучше распорядится его деньгами. «Сын моего отца, – писал аль-Мамун, – не заставляй меня ссориться с тобой, когда я сам выказываю тебе послушание, и не отворачивайся от меня, когда я хочу быть твоим другом». Оба двора были наводнены шпионами: когда Фадл ибн Раби настаивал, что халиф должен сделать наследником своего сына, об этом тут же узнавали в Мерве через агентов, посланных в Багдад Фадлом ибн Сахлом.

В 810 году, через полтора года после смерти Харуна ар-Рашида, аль-Амин официально запретил упоминать в пятничной молитве аль-Мамуна и сделал своим наследником сына Мусу. Он приказал привезти из Мекки подлинник завещания Харуна ар-Рашида и разорвал его на части. Так началась гражданская война.

Во главе армии аль-Амина встал опытный Али ибн Махан. Перед походом халиф вручил ему специальные серебряные цепи, чтобы тот заковал в них аль-Мамуна и привез в Багдад. Пятидесятитысячное войско, великолепно обученное и оснащенное, двинулось из Багдада в Хорасан. В ответ Фадл ибн Сахл, советник аль-Мамуна, послал на границу провинции всего четыре тысячи человек во главе с молодым военачальником Тахиром ибн Хусейном.

Обе армии встретились у древнего города Рей. Вместо того, чтобы войти город и занять мощную крепость, где можно было обороняться против превосходящих сил противника, Тахир смело вышел в поле и дал бой. «Пустыня стала бело-желтой от мечей и золота» – писал участник сражения. Хорасанцы сумели отбить первый натиск и стали оттеснять врага от лагеря. В разгар схватки стрела пущенная кем-то стрела убила Али ибн Махана, и это переломило ход битвы. «Под ним был черно-белый конь, что не к добру во время боя», – написал суеверный очевидец. Ибн Махану отрубили голову и принесли Тахиру в торбе для овса, а тело бросили в колодец.

Новость о победе пришла в Мерв в тот момент, когда многие хорасанцы уже подумывали, чтобы сбросить аль-Мамуна и сдать его брату. В письме Тахира было сказано: «Сижусь головой Али и его кольцом на пальце».

В Багдаде об исходе битвы узнали гораздо позже: когда принесли сообщение, аль-Амин ловил рыбу со своим любовником евнухом Кавсаром. Услышав о поражении, он выгнал гонца прочь, сказав, что ему не до этого: Кавсар поймал уже две рыбы, а я ни одной!

С евнухом связь у Амина, в него он ныряет,
А его самого два осла имеют,

– писал про него современник. Под ослами имелись в виду два его советника, Фадл ибн Раби и Бакр.

Кровавая война на востоке не мешала аль-Амину вести приятную и беспечную жизнь. Он целые дни проводил в роскошном дворце, а ночью спал на свежем воздухе в палатке, где постель была застелена золотой парчой и шелком. Днем он часами играл со своей любимой рыбкой, «Окольцованной», которую держал в пруду, надев на нее два золотых кольца, с жемчугом и яхонтом. Даже Фадл ибн Раби был не в восторге от своего повелителя и говорил, что тот ведет себя «как глупая девка-рабыня, держит совет с женщинами и погрузился в мечтания».

Халиф и лев. Известно, что аль-Амин был слаб

разумом, но мощен телом. Однажды охотники поймали льва и привезли его в деревянной клетке во дворец халифа, который в это время завтракал во дворе. Аль-Амин попросил выпустить льва из клетки. Все в ужасе разбежались, только один халиф продолжал есть как ни в чем ни бывало. Лев бросился на него, но аль-Амин отбил его большой подушкой. При втором броске зверя он схватил льва за лапы, притянул к себе, вцепился ему в глаза и уши, поднял в воздух и швырнул на землю. Лев упал замертво. Прибежавший к халифу придворный врач вставил на место вывихнутые руки и пальцы, и тот вернулся к своей трапезе.

Между тем Тахир, не теряя времени, двинулся дальше на запад. Он был уже недалеко от Багдада, когда халиф – или, точнее, Фадл ибн Раби, – сумел выставить против него новую армию, состоявшую из бедуинов и багдадской гвардии. Две эти половины плохо ладили друг с другом, так что разбежались еще раньше, чем началось сражение. Авторитет аль-Амина падал на глазах. На смену Тахиру прибыл новый военачальник Харсама ибн Айан, а сам Тахир отправился на юг Ирака, где почти без боя взял все крупные города, включая Басру. Мекка и Медина, возмущенные тем, что аль-Амин нарушил клятву, данную своему брату, выступили против него. Во владении аль-Амина остался один Багдад, который его противники взяли в клещи с трех сторон: Тахир с востока, Харсама с запада и Мусайаба ибн Зухейра с юга.

Началась долгая осада города. Кольцо вокруг Багдада по-

степенно сужалось, катапульти били по кварталам со всех сторон, война шла уже на улицах города, подбираясь к дворцу халифа. В этот критический момент аль-Амин переплавил в монеты золотую посуду и раздал их вместо денег своим сторонникам. Оставшись без армии, он приказал выпустить из тюрем заключенных и набрать на улицах нищих и бедняков, склотив из новое войско, которое историки прозвали «голодранцами». Это была причудливая армия из голых солдат, одетых в одни набедренные повязки, с пальмовыми листьями вместо шлемов и камышовыми циновками вместо щитов. За неимением лошадей они садились верхом друг на друга и мчались на врага, размахивая дубинками.

Их первая битва походила на цирковое зрелище и собрала много зрителей, желавших посмотреть на то, как нищий сброд будет воевать с регулярным войском, вооруженным мечами и копьями и в железных кольчугах. Голодранцы удивили всех: они ударили с такой яростью, что едва не опрокинули противника. С трудом выдержав первый натиск, аль-мамуновцы начали методично уничтожать врага и заодно перебили половину зрителей. Но голодранцев это не обескуражило: они быстро пополнили свои ряды и вскоре стали наводить ужас на войска осаждающих. Нищие никогда не отступали и не сдавались, воевали злобно и с остервенением, без промаха разя противника камнями из пращей. Поэты писали, что война «разбудила в них злобных зубастых львов», а в стане аль-Мамуна поговаривали, что это шайтаны, а не лю-

ди. Уличные бои походили на настоящие битвы. Особенно ожесточенной была схватка на улице Дар ар-Ракик, где обе стороны воевали за каждый дом и каждую комнату, так что весь квартал превратился в сплошную мясорубку.

Все в битве смешалось в одно,
Не зная, кто с кем воюет.
Оставил сын отца,
И друг покинул друга.
Пусть ждут меня радость и счастье,
Не забуду я Дар ар-Ракик!

В конце концов, запертый в своем дворце, без денег, без армии и без пищи, аль-Амин решил бежать. Он тайно списался с Харсамой (тот был другом Харуна ар-Рашида и лично знал обоих братьев) и предложил сдаться ему в плен, надеясь, что Харсама по старой дружбе обойдется с ним мягче, чем Тахир. Параллельно возник другой план: несколько багдадцев пришли к аль-Амину и предложили ему прорываться с боем в Египет, пообещав выставить семь тысяч всадников, – но тот не решился на такой дерзкий шаг. Ночью Харсама лично подплыл на лодке к дворцу халифа, чтобы забрать аль-Амина, но Тахир его опередил – подосланные им люди перевернули лодку, выловили упавшего в воду халифа и увезли с собой.

Смерть аль-Амина

Последние часы халифа описал другой пленный багдадец – судья Ахмед ибн Салам. По его рассказу, в дом, куда его поместили, вскоре привели еще одного человека: тот был в одних штанах и чалме, а на плечах у него висело какое-то тряпье. Когда пленник размотал чалму, Ахмед увидел, что перед ним аль-Амин.

Полуголый халиф стал жаловаться, что чувствует «страшное одиночество», и попросил его обнять. «И я прижал его к себе и почувствовал, что у него сильно билось сердце». Потом они немного поговорили: как оказалось, аль-Амину солгали, что его брат аль-Мамун умер, и Ахмед успокоил его, заверив, что это не так и что брат наверняка сохранит ему жизнь: «Родство заставит его смилостивиться над тобой!»

«Вряд ли, царство бесплодно – у него нет родства», – возразил халиф.

Ахмед принялся ругать вазиров халифа, дававших ему плохие советы, но тот его остановил: «Не говори о них ничего, кроме хорошего, на них нет вины! Не я первый, кто взялся за дело и не сдюжил».

Затем в комнату вошел какой-то вооруженный человек, внимательно посмотрел на аль-Амина и вышел. По его виду – это был один слуг Тахира – Ахмед понял, что халифа убьют, и поспешил закончить свою молитву, боясь, что

убийцы покончат заодно и с ним. Аль-Амин снова попросил: «Ахмад, не отдаляйся от меня и молись рядом со мной, ибо я чувствую сильное одиночество».

Через несколько минут к дому подскакали всадники и остановились у дверей. Услышав их, аль-Амин заметался по комнате, крича: «Пропала душа моя, разве ничего нельзя сделать, разве никто меня не спасет?» Дверь распахнулась и в комнату вошло несколько персов с обнаженными мечами. Они застыли в нерешительности, глядя на халифа, а тот схватил подушку и крикнул: «Я сын дяди Посланника Аллаха, сын ар-Рашида, брат аль-Мамуна, вам нельзя меня убивать!» Один из персов подскочил и ударил его мечом по голове, но аль-Амин швырнул в него подушкой и попытался отобрать меч. Тогда тот завопил: «Меня убивают!» – и товарищи бросились ему на помощь. Один солдат вонзил меч в живот халифу, другой перевернул его тело и ударил по затылку. После этого они «взяли его голову и ушли с нею к Тахиру».

Голову аль-Амина отвезли Тахиру в Багдад, который приказал водрузить ее на ворота, а потом отправил аль-Мамуну, завернув в платок, обложив ватой и набив консервирующими травами. Получив голову брата, аль-Мамун расплакался, но Фадл ибн Сахл напомнил ему, что, если бы не милость Аллаха, он мог бы и сам оказаться на его месте. Тогда новый халиф приказал насадить голову на столб и обязать каждого из воинов, получавших жалованье, подходить к столбу и

проклинать ее. Какой-то перс, не зная, чья это голова, проклял и ее хозяина, и его родителей, и весь его род, а аль-Мамун «сидел и слушал его с улыбкой».

Аль-Мамун

Аль-Мамун был незлопамятным человеком. Он простил даже своего злейшего врага Фадла ибн Раби (о котором говорил: «Он предал меня и настроил моего брата против меня»), успевшего сбежать из Багдада, и примирился с матерью аль-Амина, Зубейдой, которая приняла мудрое решение и стала называть его своим вторым сыном.

Новому халифу нельзя было отказать в мудрости и стратегическом мышлении. Придя к власти, аль-Мамун попытался объединить суннитов и шиитов, создав новую религиозную доктрину, которая могла бы устроить обе стороны. Он начал с того, что пригласил ко двору имама шиитов Али ар-Рида, пообещав разделить с ним власть и женив его на своей дочери. Себя он стал называть не только халифом, но и имамом, как требовали шииты. Предполагалось, что в будущем трон будут занимать как достойнейшие представители как шиитов, так и суннитов, и пропасть между ними исчезнет. В знак дружбы и согласия в новой столице халифата Мерве вместо черных аббасидских вывесили зеленые алидские флаги.

Но вместо примирения эта мера вызывала новую вспышку ненависти. Сунниты в Багдаде подняли бунт и объявили ха-

лифом Ибрахима, сына аль-Махди и дядю аль-Мамуна. Тот считался прекрасным музыкантом и певцом и пользовался любовью граждан, но этого оказалось недостаточно для того, чтобы удержаться у власти. Когда аль-Мамун подошел с армией к Багдаду, Ибрахим не нашел ничего лучшего, как сбежать из дворца.

Ибрахим и цирюльник. За голову Ибрахим была назначена огромная награда, и беглец долго прятался в городе, скрываясь от полиции и пытаясь найти себе пристанище. Однажды, бродя в каком-то глухом переулке, он встретил чернокожего цирюльника и попросил приютить его на время, надеясь, что тот его не узнал. Цирюльник почтительно отвел его домой и тут же вышел. Ибрахим не сомневался, что тот пошел за стражей, но парикмахер вскоре вернулся с мясом, хлебом и новой посудой: он не посмел предложить гостю то, чего касалась его недостойная рука, и купил ему все новое. Когда Ибрахим поел и выпил вина, цирюльник протянул ему лютню и попросил что-нибудь сыграть и спеть. «Говорят, во всем Багдаде никто ее умеет делать это лучше тебя» – сказал он. «Откуда ты знаешь, что я хорошо пою?» – удивился Ибрахим. «Кто же не знает Ибрахима аль-Махди, за голову которого назначено сто тысяч дирхемов?» – возразил цирюльник. Ибрахим стал петь, и чернокожий внимал ему с восторгом, говоря, что великая радость посетила его дом. Он отказался даже от тех нескольких монет, которые предложил ему сын аль-Махди: «Я готов отдать

тебе самого себя и все, что у меня есть, только не смею тебе это предложить». Утром он с почетом проводил гостя, и больше они никогда не виделись.

Ибрахим прятался в Багдаде шесть лет, ночуя у друзей и родственников, и был случайно пойман ночью, когда шел по улице в женской одежде и его остановил патруль. Ибрахим молча протянул стражнику кольцо с рубином, чтобы тот его пропустил, но это только еще больше насторожило постового: он позвал командира, и тот, сорвав с Ибрахима чадру, увидел его бороду.

Халиф аль-Мамун и здесь проявил свой мягкий нрав, помиловав давнего противника: «Аллах да простит тебя, а Он самый милостивый из всех, оказывающих милосердие». После этого Ибрахим до самой смерти жил домашним узником в халифском дворце, воспевая повелителя в своих стихах.

Вторично захватив Багдад, аль-Мамун восстановил свою власть, но прежнего порядка уже не было. Страну захлестнула волна бунтов и мятежей. В Египте подняли бунт наемники из Кордовы; в Азербайджане восстал Бабек, с которым аль-Мамун так и не сумел справиться, несмотря на все усилия; в Тунисе (тогдашняя Ифрикия) власть захватил Ибрахим ибн Аглаб, хорасанец, посланный подавлять восстание берберов в Ифрикию. Он с блеском выполнил поручение, но взамен потребовал от халифа права наследственной власти в этой области. Ибн Аглаб платил багдадскому халифату определенный налог, но во всем остальном был независи-

мым правителем.

С Тахиром, победителем аль-Амина, отношения складывались не лучше. Говорили, что аль-Мамун не мог видеть перед собой Тахира, потому что тот напоминал ему о смерти брата. Зная об этом, Тахир предпочел отправиться обратно в Хорасан, где стал практически суверенным правителем. Его сын Абд Аллах сражался за Аббасидов в Сирии и Египте, а затем унаследовал от отца власть в Хорасане. Он тоже платил Багдаду подать.

Все это не мешало халифу вести приятную жизнь. Как и его отец, он любил проводить время в изысканных пиршествах и беседах, собирая самых образованных и остроумных людей со всего халифата. Аль-Мамун отличался тем, что любил не только поэзию, но и философию – философию даже больше. Науки и искусства при нем процветали, а в Багдаде был основан знаменитый «Дом мудрости», где было переведено на арабский огромное множество греческих трудов. По преданию, туда целыми караванами везли рукописи из Константинополя.

Сам халиф был рационалист, склонный скорей к доктрине мутазилитов, которым он покровительствовал. Как и мутазилиты, он считал, что разум важнее веры и что все можно объяснить с помощью философии и науки. Утверждая мутазилизм как официальную доктрину, он преследовал инакомыслящих, создав специальную комиссию – «михну», – которая допрашивала и судила богословов и факихов на пред-

мет их веры. Те, кто отказывался признать мутазилитство, подвергались гонениям и казням. Среди них был Ахмад ибн Ханбал, главный оплот и авторитет традиционалистов. В то же время халиф очень терпимо относился к представителям других конфессий и признавал законным любого религиозного лидера, который находил себе хотя бы десяток приверженцев.

В 40 лет он женился на дочери аль-Хасана ибн Сахла по имени Буран. Свадьбу устроили с невиданной щедростью и пышностью. Хасан разослал гостям тысячи мускусных орехов, в каждом из которых лежало описание подарка: от рабыни или коня до целых поместий. Счастливики приходили со своими орехами к управляющему Хасана и получали все, что было написано внутри. Тем, кому не досталось орехов, раздавали яйца из амбры, мускусные пузыри или просто деньги. Хасан несколько дней содержал за свой счет весь халифский двор, от принцев и вазира до последнего носильщика и поваренка.

В 830–831 годах аль-Мамун совершил против Византии один из тех обязательных походов, которые внешне выглядели успешными и покрывал славой его участников, но ничего не меняли в реальной расстановке сил. Он захватил пограничную Гераклею, не раз переходившую из рук в руки, но не смог взять ключевую крепость Лулуа. В это же время он посетил Египет – единственный из всех Аббасидов – и совершил одно из самых сомнительных своих деяний, при-

казав перебить в свою пользу надпись на знаменитой мечети Купол-на-Скале в Иерусалиме. Прежде надпись гласила, что мечеть построил омейядский халиф Абд аль-Малик, но аль-Мамун заменил его имя на свое, наивно надеясь, что потомки не узнают про подлог.

Смерть аль-Мамуна

В последний год правления, отправившись в новый поход против Византии, халиф остановился у источника аль-Будандун. Ему понравилось место, полное зелени и прохлады, и он приказал возвести над ручьем помост с шалашом из свежесрубленных веток. Вода в роднике была так чиста, что можно было прочитать надпись на монете, брошенной на дно ручья, и так холодна, что никто не мог опустить в нее руку.

Пока халиф смотрел на родник, в воде появилась большая рыба, блестящая «как слиток серебра», и аль-Мамун пообещал награду тому, кто ее поймает. Один из слуг поймал и вытащил ее на помост, но она вырвалась у него из рук и плюхнулась в воду, обдав брызгами аль-Мамуна. Вся одежда на груди халифа промокла насквозь. Рыбу поймали еще раз, и аль-Мамун приказал ее зажарить, но его вдруг охватил ужасный холод. «Холодно, холодно!» – повторял он и, сколько его не накрывали шубами и не набрасывали покрывал, дрожал «как пальмовый лист».

Вокруг него развели костер, но и это не помогло. Принесли зажаренную рыбу, но он не мог ее есть. Позвали врачей, которые сказали, что болезнь эта никому не известная, но, судя по всему, неизлечимая. Перед смертью Аль-Мамун попросил вынести его из шатра, чтобы он мог обозреть свое войско и «свое царство», и обратился к Аллаху: «Тот, кто не умирает, помилуй того, кто умирает».

В оставленном завещании он подробно описал, как должны пройти его похороны. «Уложите меня на правый бок и разверните в направлении Мекки. Откиньте саван с головы и ног, затем возведите нишу из глиняного кирпича и забросайте меня землей. Потом уходите и предоставьте меня моей судьбе, ибо никто не может помочь мне в том, что уготовит для меня Аллах».

Аль-Мамун умер в 833 году, назначив преемником своего брата аль-Мутасима. Почему халифом не стал его сын Аббас, участвовавший вместе с отцом в византийском походе, истории неизвестно.

Аль-Мутасим

Аль-Мутасим, младший сын Харуна ар-Рашида от рабыни Марида, пришел к власти в 38 лет. Это был силач, любивший прямоку суждений. Рассказывали, что однажды он одной рукой вытащил из грязи осла какого-то крестьянина. Бледный, с черной бородой, которую красил хной, халиф ве-

ликолепно владел оружием и мог легко вскочить с земли на спину лошади.

Стремясь укрепить свою власть, аль-Мутасим первым начал опираться на тюркских и берберских наемников. Арабы к тому времени стали слишком богатыми, слишком культурными и слишком слабыми для жестоких войн. Тюрки же воевали зверски: именно они в конце концов разбили восставшего Бабека, а затем – помогавших ему византийцев.

Тюрки стали основой халифской власти, а их командиры Ашинас и Итах – самыми влиятельными людьми. Еще одним фаворитом был Афшин, князь маленького пограничного государства в предгорьях Памира. Он возглавлял отряд горцев из собственного княжества.

Особый слой тюркской гвардии составляли гулямы – красивые юноши, одновременно солдаты и мальчики для наслаждений, великолепно владевшие оружием, но обладавшие нежными телами, страстные любовники и верные телохранители. В низ влюблялись халифы и принцы, их воспевали поэты, писавшие, что брови их «как выгнутый лук», а глаза «мечут стрелы».

Тюрки вели себя в Багдаде бесцеремонно и на городских рынках наезжали конями прямо на людей, не разбирая, старик это, ребенок, женщина или слепец. Это вызвало возмущение, и аль-Мутасим решил на всякий случай перебраться в другое место. В Самарре, стоявшей на берегу Тигра, ему понравились воздух и вода, которые придавали бодрости и

будили аппетит. В своей новой столице он построил огромные дворцы, мечети, ипподромы, речной порт, разбил парки и сады с беседками и павильонами. Главная мечеть города могла вместить сто тысяч человек. «Пусть возрадуется тот, кто его увидит!» – воскликнул халиф, довольный своим городом.

Бабек

На востоке страны тем временем полыхало восстание хурамитов – сектантов, ждавших прихода мессии из рода Абу Муслима. Их лидер по имени Бабек, или Папак, как называли его персы, создал причудливую смесь зороастризма с гностицизмом и манихейством, объединив их с шиитской идеей о воплощении божества в великом и святом имаме, который на протяжении истории переселяется из одного тела в другое. Разумеется, этим имамом он считал самого себя. Религию Бабек дополнил политикой, неожиданно объявив себя христианином и на этой почве заключив союз с армянами и византийцами. Для него годились все, кто был не арабом.

И действительно, его учение нашло поддержку у всех, кому не нравились арабы: персов, тюрков, дайламитов, зороастрийцев, манихеев, мавлей, богачей, простых крестьян и даже женщин, которые в бабекской общине чувствовали себя свободней и имели больше прав. (Сунниты обвиняли бабекцев в «общности жен»; по крайней мере, среди них бы-

ли распространены кратковременные «браки на время», которые сейчас вновь стали популярны у европейских мусульман). Арабы были реальностью, которая никого не устраивала, а в Бабеке видели будущее, которое устроит всех.

Восстание продолжалось целых 20 лет, перекинувшись с Азербайджана на соседние области Хорасан, Табаристан, Джурджан и Хамадан. Только в 837 году полководец аль-Мутасима, тюрк Афшин, осадил Базз, главную крепость Бабека на реке Аракс. Бабек сбежал по подземному ходу, но был схвачен на пути в Византию. Его привезли к аль-Мутасиму верхом на слоне, в красной бархатной куртке, расшитой золотом и самоцветами, и в дорогом бурнусе с бахромой: это подчеркивало ценность пленника. Халиф приказал на треть отрубить ему руки и ноги, и Бабек долго катался по плахе в собственной крови, колотя себя по лицу обрубками рук. Потом ему воткнули между ребер меч, так, чтобы тот не задел сердца и он мучился подольше. После этого ему вырезали язык и, наконец, распяли.

Рядом с Бабеком распяли и аль-Мазйара, наместника Табаристана, взбунтовавшегося против халифа. Перед смертью аль-Мазйар указал как на своего сообщника на того самого Афшина, который победил Бабека. В результате тот был арестован и умер в заключении, то ли отравленный, то ли умеренный голодом. Афшина обвинили не только в предательстве, но и в вероотступничестве на основании того, что он был не обрезан и хранил персидские языческие книги.

Аморион и Аббас

В 838 году аль-Мутасим лично возглавил новый поход против Византии. Он захватил Анкару и осадил Аморион, после которого открывался путь на Константинополь. Мощную крепость попытались взять штурмом: солдаты набили землей шкуры овец и забросали им ров, а к стенам двинулись *даббаба* – передвижные тележки с баллистами и крытыми бараками на колесах, в которых сидели солдаты.

Первая атака захлебнулась, но какой-то мусульманин, живший в городе, перебежал к аль-Мутасиму и рассказал, что часть одной стены разрушена и только снаружи прикрыта тонкой кладкой. Византийский император уже давно приказал заделать этот участок, но местные власти ничего не сделали и только наспех обнесли его бутафорской стеной, чтобы снаружи все выглядело как надо. Теперь в это уязвимое место и устремились мусульмане. Византийцы попытались завалить провал бревнами, но вражеские баллисты разбили их в щепы и сожгли греческим огнем.

Вскоре отряд, защищавший брешь, сдался, и солдаты провались в город. Начались грабеж и резня. Захваченных в плен жителей тут же выставляли на торги. Детей, по особому человеколюбию, продавали только с матерями. Но использовать живой товар победителям не пришлось: большинство новых рабов погибли во время перехода через пустыню,

где воды не хватало даже солдатам, умиравшим от жажды. В критический момент аль-Мутасим приказал отвести всех иноверцев в сторону и перебить, оставив только самых знатных пленников, за которых можно было получить богатый выкуп. Убитых было шесть тысяч человек. Придворный поэт Абу Таммам воспел этот поход в великолепных стихах.

Пока халиф воевал в Византии, внутри государства возник заговор, который возглавил Аббас – тот самый сын аль-Мамуна, которому не досталось власти. Он опирался на старые хорасанские войска, недовольные возвышением тюрок. Заговор раскрыли, и Аббас был арестован, но халиф заверил его, что ему ничто не угрожает и что он его простил. Они вместе позавтракали, выпили вина, и размякший Аббас выдал аль-Мутасиму имена своих сторонников. После этого все они были перебиты, по рассказам современников, с изощренной жестокостью. Некоторых заговорщиков живьем закопали в землю. Самого Аббаса, мучившегося от жажды, долго кормили солеными блюдами, но не давали воды; наконец, его убили, завернув в войлочное одеяло, в котором он задохнулся.

Халиф аль-Мутасим умер с собственном дворце на реке Тигр в возрасте сорока шести или сорока восьми лет.

Смута. Аль-Васик и аль-Мутаввакиль

Новым халифом стал аль-Васик, сын аль-Мутасима и гре-

ческой рабыни, – белокожий, с красивым лицом и белой крапункой в одном глазу. Это был большой любитель поесть и выпить, за все шесть лет правления ни разу не выехавший из столицы.

В 847 году халиф умер, заболев водянкой. Спасаясь от болей, он забирался в раскаленную печь и сидел там, пока мог терпеть жар: это давало хотя бы некоторое облегчение.

Аль-Васик сделал следующий шаг, бросив наемников не против внешних врагов, а против самих жителей Багдада, недовольных его беспутным правлением. Его не заботило ничего, кроме собственных развлечений, ради которых он опустошал казну. Подавив бунт горожан, тюркская гвардия почувствовала свою силу и поняла, что власть халифа держится только на их мечах.

После бесславной смерти аль-Васика тюрки стали полными хозяевами при дворе, по своему усмотрению назначая новых халифов. Сначала они решили отдать власть сыну аль-Васика, Мухаммеду, но потом передумали и сделали халифом его дядю Джафара по прозвищу аль-Мутаваккиль, человека жестокого и распутного. Внешне это был бледный и худой полуараб с большими живыми глазами и небольшой бородкой.

Аль-Мутаваккилю никто не приносил присягу: о его избрании просто известили подданных. Не имея реальной власти, он действовал хитростью и интригами, добившись того, чтобы одного из тюркских главарей посадили в тюрьму и

уморили жаждой. Мутазилитство он запретил, обратившись к традиционному суннитству, – не от избытка благочестия, а из политических соображений, чтобы завоевать расположение народа. Всякие рассуждения о Коране при нем были запрещены, философствующее богословие объявлено ересью, шииты, которых до сих пор терпели и даже ублажали, подвергнуты преследованиям. Халиф разрушил их величайшую святыню – гробницу Хусейна в Кербеле, – и приказал распахать и засеять место, на котором она стояла. Заодно досталось христианам и евреям: «людей писания» заставили одеться в желтое, чтобы все видели их издалека, а многие церкви и синагоги разрушили или превратили в мечети.

Во всех делах ему помогал его друг Аль-Фатх ибн Хакан, происходивший из знатной тюркской семьи и с детства воспитывавшийся вместе с халифом: человек прекрасно образованный и ценивший культуру, покровитель искусств, сам прозаик и поэт, настолько обожавший книги, что всегда таскал в тужурке или рукаве какой-нибудь свиток и читавший его на ходу. Ибн Хакан погиб во время покушения на жизнь халифа, заслонив его своим телом и получив смертельный удар кинжала.

Падение Итаха. О методах борьбы халифа с политическими противниками говорит история Итаха, возглавлявшего отряды тюркской гвардии. В Самарре, новой столице халифата, он был неуязвим, поэтому аль-Мутавакиль постарался заманить его в Багдад, где

у него не было поддержки и к тюркам относились неблагожелательно. Для этого Итах сначала уговорили отправиться в паломничество в Мекку, а на обратном пути халиф попросил его заодно заехать в Багдад, чтобы нанести визиты почтенным людям из рода Аббасидов и Алидов. Итах не мог отказаться от такого приглашения и явился в город в сопровождении личной гвардии из трехсот гулямов.

Здесь встречавший его царедворец приветливо взял полководца под руку и проводил во дворец, постаравшись, чтобы стража незаметно оттеснила следовавших за ним гулямов, оставив только узкий проход на мосту. Как только Итах оказался во дворце, все двери за ним закрылись. Осознав, что случилось, он промолвил только: «Все-таки они сделали это».

Его заковали в кандалы и навешали на шею и на ноги тяжелые железные цепи, от которых он сгибался до земли. Багдадский дворец стал его тюрьмой, где он провел несколько месяцев, пока не скончался от недостатка воды и тяжести своих вериг. Халиф созвал специальную комиссию, которая удостоверила, что узник умер «естественной смертью» и на нем не нашли следов побоев или ран. Рубить голову мечом в это время было уже неприято: турки ввели новую моду на казнь для великих людей, которая заключалась в том, что их душили, переламывали шею, топтали конями или закатывали в ковер. Смерть от меча считалась у тюрков низкой и позорной.

Пытаясь избавиться от опеки тюрков, аль-Мутаввакиль

перебрался из Багдада в очередную новую столицу Джафарию и почти сумел сместить их главного лидера Васифа. Но тут ему пришла в голову неудачная идея отнять права наследования у старшего сына аль-Мунтасира в пользу младшего, аль-Мутаazza. Разгневанный аль-Мунтасир тут же объединился с Васифом, и тюркские гвардейцы, ворвавшись во дворец, убили халифа во время очередной пирушки.

Обстоятельства смерти аль-Мутаввакия подробно описаны очевидцем. «Пока мы пили, миновало три часа ночи, как вдруг ворвался в халифские покои Багир, а с ним десятеро тюрок. Лица их закрыты были покрывалами, и мечи в руках их сверкали в свете свечей. Они набросились на нас, кинулись к аль-Мутаввакию, и Багир, а с ним другой тюрок, поднялся на халифское ложе. Тут крикнул им аль-Фатх: «Горе вам! Это господин ваш!» И когда увидели их гулямы и присутствовавшие собеседники и сотрапезники, разлетелись они кто куда, и в покоях не осталось никого, кроме аль-Фатха, который сражался с тюрками, не подпуская их к халифу. Услышал я крик аль-Мутаввакия, когда ударил его Багир в правый бок мечом, который аль-Мутаввакиль вручил ему, и рассек халифа до пояса. Потом Багир нанес другой удар – с левого бока – и совершил подобное этому. Кинулся аль-Фатх, чтобы помешать им, но один из тюрок вонзил меч, бывший у него, аль-Фатху в живот, и меч вышел из спины его, а аль-Фатх стоял терпя, не пошатнувшись и не пошевелившись. Не видел я никого, кто был бы сильнее душой или

благороднее, нежели он. Затем он бросился на аль-Мутаввакиля, и они вместе умерли. Потом их завернули в ковер, на котором убили, и оттащили в сторону. И пролежали они так всю ночь и большую часть дня, пока не утвердился халифат в руках у аль-Мунтасира».

Начатое аль-Мутаввакилем строительство новой столицы после его смерти было заброшено: вырытые каналы так и остались сухими, а огромный дворец опустел и вскоре превратился в руины.

Аль-Мунтасир и аль-Мустаин

Отцеубийство не пошло аль-Мунтасиру впрок: он процарствовал всего полгода и умер от сквозняка в бане. Говорили также, что его отравил врач, смазав ядом скальпель, которым пускал ему кровь.

За шесть месяцев своего правления халиф мало что успел. Сразу после прихода к власти он отправил против Византии армию во главе с Васифом. Как обычно, это был не просто поход, а джихад, священная война во имя ислама. О нем объявили во всех мечетях и призвали всех желающих присоединиться.

Затем он лишил своих братьев, аль-Мутазза и аль-Муйада, прав на власть (по завещанию их отца, аль-Мутаввакиля, они были его младшими сонаследниками, получали во владение несколько провинций и могли после смерти свое-

го брата унаследовать трон). Понимая, что в случае отказа их убьют, аль-Муйад сразу согласился отречься и с трудом уговорил сделать то же самое аль-Мутаза. Они подписали документ, где говорилось, что их назначали сонаследниками против их воли и они не чувствуют себя в состоянии возложить на себя такую ответственность, поэтому освобождают от клятвы верности всех, кто ее дал. Удивительна речь, которую произнес после этого аль-Мунтасир: он заявил, что смещает своих братьев не потому, что хочет передать власть своему сыну, а только для их же пользы, поскольку иначе их убьют тюрки. Через месяц после этого он умер сам.

После его смерти три командира тюрков – Буга Старший, Буга Младший и Багир – возвели на трон его племянника аль-Мустаина, заранее взяв клятву с гвардейцев, что те одобряют их выбор, каким бы он ни был. В знак покорности аль-Мустаин назначил вазиром неграмотного тюрка Отамиша. Тот довел финансы до такого состояния, что опора власти – солдаты – взбунтовалась из-за невыплаты, зарезали Отамиша и разграбили его дом.

Но дележ власти на этом не закончился. Расправившись с халифом, тюрки начали бороться уже между собой. Главным законом при дворе стало право сильного. Часть гвардейцев свергла аль-Мустаина и поставил на престол аль-Мутаза, красивого мужчину, но бездарного правителя. Потерявший власть Васиф бежал из Самарры в Багдад вместе с низложенным аль-Мустаином и попытался заручиться под-

держкой местных жителей. Последовала новая осада города и новые разрушения.

Осада Багдада продолжалась с февраля по декабрь 865 года. Кое-как вооруженные багдадцы успешно противостояли регулярной армии тюрок, несмотря на то, что ее возглавлял суровый и решительный Абу Ахмед, еще один брат аль-Мунтасира и аль-Мутазза. Но к декабрю голод заставил жителей выйти на улицы и потребовать от главы города ибн Тахира хлеба или мира. Тот заключил тайный договор с аль-Мутаззом и вскоре в гавань вошли корабли, груженные мукой, а аль-Муштаин был объявлен низложенным.

В городе вспыхнуло возмущение. Вокруг дворца ибн Тахира собралась разъяренная толпа, но правитель города неожиданно взял свои слова обратно и показал народу живого и невредимого аль-Муштаина, одетого в плащ Пророка и с церемониальным копьем в руке. Аль-Муштаин лично заверил багдадцев, что это ложные слухи и он по-прежнему халиф. Почему он так поступил, неясно. Возможно, аль-Муштаин все еще надеялся, что его поддержат Васиф и Буга, но скоро оказалось, что они тоже вступили в сговор с аль-Мутаззом. Ибн Тахир принял прибывшего в город Абу Ахмеда и договорился с ним поделить годовой доход государства: треть отходила Багдаду и ибн Тахиру, а две трети – Самарре и тюнкам. Аль-Муштаину ибн Тахир написал письмо, призывая его отречься от власти, потому что защищать уже нечего: все и так перешли на сторону его противника. Аль-Муштаин

признал поражение, ответив: «Вот моя шея, меч и ковер для казни». Но его не убили, а отправили в ссылку в Васит.

Аль-Мутазз

Аль-Мутазз, сын рабыни Кабихи, стал халифом в 19 лет. Он был высок, белокож, густоволос и очень красив: особенно поражали его живые темные глаза на бледном узком лице. Своего брата аль-Муйда, когда-то уговорившего его отречься от власти и тем спасшего ему жизнь, он арестовал и бросил в тюрьму, где тот вскоре умер, якобы бы от естественных причин. В доказательство власти лицемерно предъявили тело без явных признаков насилия – словно нельзя было убить человека, не оставив на нем следов. Но Аббасиды в это время пытались соблюсти формальности – недопустимо убивать членов правящего дома. Другой брат, Абу Ахмед, возглавлявший еще недавно осаду Багдада (и получивший за это почетный халат и золотую калансуву), тоже оказался в темнице.

Наконец, дело дошло до сосланного аль-Мустаина: его вызвали в Самарру и убили вместе с няней на подъезде к городу. В роли палача выступил некий Саид аль-Хаджиб: сначала он отхлестал бывшего халифа плетью, потом повалил его наземь, сел ему на грудь, отрезал голову и отослал ее аль-Мутаззу. Тот попросил положить голову на пол и продолжал спокойно играть в шахматы.

Страна быстро скатывалась в хаос. Халифы, прежде с такой радостью опиравшиеся на тюрок, теперь не знали как от них избавиться. К дворцовой войне подключились берберы – наемники из северной Африки, соперничавшие с тюрками. На улицах столицы начались кровавые столкновения и драки, по городу бродили банды, врывавшиеся в дома и грабившие всех подряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.